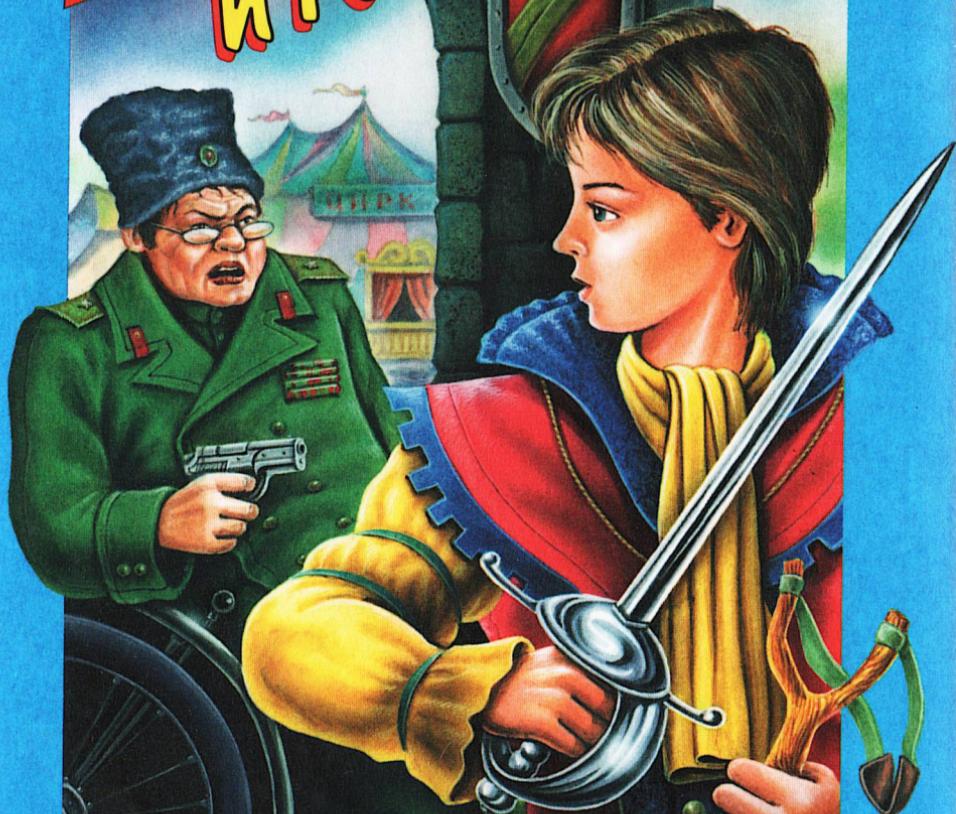

БЛИЗНЕЦЫ и РОБИН ГУД

Елена Чапаева

ЭКСМО

Елена Чапаева

БЛИЗНЕЦЫ
и РОБИН ГУД

«ЭКСМО-ПРЕСС». 2000

УДК 882-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ч 19

Разработка серийного оформления
художника *В. Щербакова*

Серия основана в 1996 году

Ч 19 Чапаева Е. Ю.
Близнецы и Робин Гуд: Повесть.— М.: Изд-во
ЭКСМО-Пресс, 2000.— 240 с. (Серия «Черный коте-
нок»).

ISBN 5-04-005621-4

В город, куда приехал на гастроли Цирк зверей Джона Сильвера, у близнецов Олега и Ольги появляются новые друзья. Робин Гуд, он же Роберт Кудинов, и другие ребята, подобно благородным средневековым разбойникам, помогают бедным и обиженным. Только Ольга вскоре начинает понимать, что ими кто-то тайно и далеко не бескорыстно руководит, порой подставляя под преступления. Кто же он, этот негодяй? А когда смертельная опасность нависла над ее братишкой, Ольга придумывает смелый план его разоблачения...

УДК 882-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-005621-4

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2000

*Доброму человеку М.В. Корвякову
посвящаю эту книжку*

Глава I

СУРОВАЯ ЗИМА, СУРОВАЯ ВЕСНА

 есь ноябрь, декабрь, январь, февраль... да и половину марта, да и половину октября тоже здесь стоит суровая зима. Близнецы, конечно, так долго в этом городе не жили. Они за эти пять-шесть месяцев побывали, повыступали в трех, кажется, городах. Но про супорную зиму они могли судить по стопудовым шубам и шапкам снега, лежащим на плечах и головах у елок.

Говорят, снег греет, может, так оно и есть, но то, что стоять в таком одеянии адски тяжело, — это тоже факт. Елки стояли прямо, однако это им стоило немалых усилий.

На уроке, как теперь выражаются, *физры*, а по-человечески говоря, физкультуры, когда они поехали в совсем близкий от школы лес сдавать

зачет по лыжам, Ольга остановила брата, показала взглядом на стоящих вокруг поляны великанши и спросила:

«Видишь?»

И Олег молча кивнул.

Да, конечно: если долго живут. И, родившись одновременно с человеком, они легко переживают его. Стоят себе, глядя в поднебесье, качаясь на неслышимых с земли ветрах. А человек, деревя того ровесник, уже ходит с палочкой, и приволакивает левую ногу, и на сердце жалуется, и без очков ни одного футбола по телевизору посмотреть не может. Словом, он стар, а дерево еще в самом расцвете сил. Ему хорошо вроде бы — живи да живи. Но сколько же труда, сколько иной раз даже муки выпадает на жизнь дерева — это... о-го-го, не позавидуешь их долголетию!

Впрочем, оставим пока деревья в покое. Хотя мы с ними еще не раз встретимся — они в нашей истории сыграют немалую роль. Это и понятно. Город, в котором сейчас гастролировали близнецы, был весь окружен лесами: российский северо-запад весь такой... А о каком именно городе идет речь, я сказать не могу. Хотя никакой, конечно, особой тайны тут нет, однако, понимаете, когда речь идет о настоящих людях и настоящих событиях, приходится быть сдержанным.

Итак, в Городе... угадывайте сами — то ли Пскове, то ли Петрозаводске, то ли Вологде, то ли... да, честное слово, не важно это, но так или иначе, в нем с октября по март стояла суровая зима. А вслед за нею наступила суровая весна. Ей некогда церемониться с зимними красотами, со всею предвесенней тишиной, к которой привык, например, я — житель средней полосы. Там на рассусоливания времени абсолютно нет! Надо скорее снег с земли вышвырнуть, тут же погнать на поверхность всевозможные ростки, тут же безжалостно растолкать от зимней спячки жуков, бабочек, пчел, ос и прочих и прочих, чтобы

они опыляли, питались, встречали своих мужей или жен и так далее и так далее — поскорее делали то, что им заказано матушкой Природой. А иначе не успеть вырастить ни новые семена, ни зайчат, «жучат» и «червячат» и тэ дэ и тэ пэ — жизнь остановится.

Так вся природа здесь и работает в теплое время года — без продыху, без остановок. От весны до самой осени. А потом засыпает мертвым сном. Такая вот жизнь у нее — можно сказать, суровая. Однако от природы никто еще ни одного слова жалобы не услыхал!

Крутая зима, крутая весна. Говорят, один лесоруб... А здесь лесорубы — самая обычная профессия. И слово «леспромхоз» тут воспринимается так же обычно, как в Москве слово «фабрика» или «театр»... Так вот один лесоруб пришел после двухнедельной вахты домой, лег спать на трое суток. А когда встал, чуть не упал от невероятных перемен. За то время, пока он хрюпал богатырски, на месте любой зимы появилась лютая весна, солнце шпарило как сумасшедшее, и по всей земле, если прислушаться, стоял тайный, но вполне слышимый шорох. Это под снежными пластами, словно стеклянные мыши, бежали ручьи, а снизу, из «подвала», тоже с шорохом, протыкая земляной потолок, лезли, извиваясь, всевозможные ростки.

Глава II

ПРОГУЛКА РОБИН ГУДА

 асчет суровой весны я здесь начал недаром. Дело в том, что как раз в момент, с которого по-настоящему и начинается эта история, в классе были открыты окна. Конечно, на уроке это не очень положено. Однако вы войдите и в положение учителей: на-

доела зимища бесконечная, все устали от холодов. А тут солнышко, а тут весенний апрельский ветер гуляет — как окошко не открыть!

Да вот беда: даже в такие *весенные* моменты учителям приходится быть учителями. Евгения Петровна посчитала, что за прошедшие тридцать минут урока она вполне достаточно наделала *этому* ученику замечаний, и потому с полным основанием, со всей учительской строгостью, которой у нее было предостаточно, Евгеша грохнула:

— Кудинов! В конце-то концов! Сколько это будет продолжаться? Встань! Выйди из класса!

Робин Гуд не спеша поднялся, оглядел притихших сограждан своего школьного государства, усмехнулся едва заметно, однако так, что заметно все-таки было — чтобы Евгеша еще раз «дернулась»:

— Так мне прикажете выйти?

— Именно так! Или ты русских слов не понимаешь?

Это был, по правде говоря, не самый умный вопрос. Но ведь учителя так любят его задавать...

— Нет-нет, — продолжал Робин Гуд изысканно и спокойно, — я вас понял, и преотлично. Прощайте же, сограждане.

И он со своей предпоследней партии пошел по проходу к учительскому столу. Однако потом завернул почему-то не направо, не к двери то есть, а налево... живо вскочил на подоконник:

— Согласитесь, глубокоуважаемая Евгения Петровна, вы ведь не предупредили меня, через что мне надо выйти. Поэтому я предпочитаю...

Он ступил на мокрый карниз, который весь так и дымился в густых весенних лучах. Сделал по нему два шага...

А высота при этом была немаленькая — третий этаж. Отсюда сверзиться — это же костей не соберешь!

Евгеша, которая — для Ольги, по крайней мере — из довольно противной училки стала

«бедной Евгенией Петровной», со всей возможной стремительностью подскочила к окну:

— Кудинов! Что ты делаешь?! Вернись!

— С трусливой училкой мне не по пути! — спокойно заявил Робин Гуд. — Прощайте навеки!

И он сделал вид, что собирается продолжить свой путь по карнизу. Ольга, поскольку она была артисткой, прекрасно видела, что Робин просто играет, причем не очень уж талантливо. Но бедная Евгения не видела этого. Во-первых, потому что она не была искушена в приемах актерского искусства, а во-вторых, ей было совсем не до того. Ведь если сейчас, на ее уроке, «ученик Кудинов» упадет с третьего этажа и, не дай господь, что-нибудь себе сломает... да она же потом... Да она, чтобы вы знали, жизнью своей за этого Кудинова отвечает!

— Вернись... Кудинов! — в голосе ее уже не звучали суровые и гневные ноты. Теперь там рыдало отчаяние и настоящий ужас.

— Хорошо, я вернусь... возможно. Однако вы должны немедленно попросить у меня прощения! Я ненавижу, когда на меня орут!

Наступила длинная пауза. Такие паузы во время боя быков называют «моментом истины» — когда замирает измученный, израненный, утыканный бандерильями бык, замирает многотысячная толпа фанатов, окружившая арену. Замирает и сам матадор, целящийся шпагой в тот бугор мышц между лопатками, проткнув который ты попадешь быку в самое сердце, и он передними ногами упадет на колени, захлебываясь своей черно-красной кровью.

Вот и сейчас все ждали этого смертельного мгновения. И оно наступило:

— Извини меня, Кудинов, — черным, каким-то еле слышимым голосом произнесла Евгения Петровна.

Однако «матадору» этого показалось мало. Он

еще и провернул шпагу в сердце быка... чего настоящие матадоры никогда не делают!

— И дайте слово, что эта история останется между нами!

— Даю тебе такое слово...

— Вот и отлично!

Качнувшись на карнизе (тут Ольга была больше чем уверена, что он качнулся нарочно!), Робин Гуд подошел обратно к оконному проему, влез на подоконник, мягко спрыгнул на пол, прошел к своей парте... И все это, естественно, под восхищенными взглядами соплеменников! Сел за парту, сказал негромко:

— Ну что ж, урок можно продолжить.

И тут учительница все испортила ему. Она сказала так же негромко, как и сам Робин:

— Какой же ты жестокий!

Закрыла лицо руками и выбежала из класса.

К счастью, они совсем недолго находились в этой, говоря театральным языком, неловкой паузе. Раздался звонок на перемену, сразу стало можно шуметь — на совершенно законных основаниях. Все обступили Робин Гуда. Не существовало в классе человека, который не был бы на его стороне. И не могло существовать! Потому что Робин был здесь потрясающим авторитетом. Потрясающим! Да и как не быть им, когда он сумел справиться с могучей Евгешей.

И все-таки не это было главным в Робине. Все знали... а вернее, лучше так будет сказать: всем известны были слухи о том, что Робин Гуд носит свое имя не просто так. Что он действительно — защитник слабых и гроза могучих и злых. А вот что он конкретно делает «в этом направлении», знали очень немногие. Но близнецы как раз кое-что знали.

Именно поэтому Ольга и подошла к нему... когда восхищенный народ немного рассосался. Надо заметить, что Робин Гуд, как человек очень неглупый и очень чуткий ко всему, что касалось

его славы, сразу заметил, что восхищения на Ольгином лице явно недостаточно... если оно вообще там есть!

Но повернулся к ней с улыбкой — ему нравилась Ольга скорее всего не как девочка, а как артистка — повернулся, такой решительный и великолдуший. Робину нравилось иметь *такую* в своем окружении. И, конечно же, нравился Ольгин брат Олег, который был настоящим воином... в чем мы еще не раз успеем убедиться.

Повернулся с улыбкой, а заметил, что восхищения на Ольгином лице явно недостаточно... Явно! Тогда и он удивленно, чуть, пожалуй, недовольно поднял брови: дескать, в чем дело?

Ольга, которая не привыкла хитрить — по крайней мере, с друзьями, — прямо и спросила, для чего он, защитник больных, слабых, слепых и тому подобное, все это устроил.

— Вообще-то Евгеша не совсем слепая, — заметил Робин, улыбаясь.

И это была чистая правда, потому что по совместительству с биологией Евгения Петровна вела еще и физкультуру в младших классах. Ольга однажды случайно видела, как она проводит разминку. Это был высокий класс!

— Я не говорю, что она сейчас слепая и убогая, — спокойно ответила Ольга. — Но в тот момент она была слабее тебя. И ты проявил жестокость. А это плохо!

— Допустим, — Робин Гуд насупил свои огромнейшие брови. — А ты что предлагаешь? Быть их рабом?

— Чьим рабом?

— Да взрослых! — Робин покачал головой. — Нет, Олена, у меня в жизни другая задача!

На здешний северный лад он звал ее Оленой, и это, скажем по секрету, ей нравилось... Робин глянул кругом, убедился, что на него *устремлено* несколько пар глаз:

— Ты не задумывалась, почему все лучшее достается им?

— Кому... им? — спросила Ольга немного растерянно.

— Да взрослым, взрослым! Ты думаешь, я водил бы машину хуже нашего Вовика?

Вовик, или, по-настоящему, Владимир Иванович Потапов, привозил им еду для завтрака в большие перемены и для обедов после занятий. Но даже за тот месяц, который близнецы жили в этом городе, с едой случались перебои, потому что *Вовик* то был выпивши, то, будучи «по известной причине» с головной болью, сполз колесами правого борта в полную снега и воды канаву, то...

— А думаешь, я не сумел бы в милиции работать?.. Или, например, твой Олег!

Ольга в ответ могла лишь плечами пожать.

— Я им не завидую, — энергично продолжал Робин. — Наоборот, я их защищаю!

— Как это ты их защищаешь?

Вопрос был задан с некоторым умыслом: ей хотелось наконец узнать, сколько граммов правды в тех килограммах легенд и славы, которые окружают Робин Гуда. И хотелось также понять, почему двенадцатилетнего мальчика по имени Кудинов Роберт стали называть Робин Гудом.

— Как я их защищаю? — спросил Робин задумчиво. — Могу показать! Хочешь?

Она могла бы тут поломаться. Но Ольга была совершенно не таким человеком. И поэтому прямо сказала:

— Да. Мы с Олежкой хотим!

— Ну, тогда готовьтесь. В ближайшее время я тебя приглашу кое-куда... Вы где живете?

Увидел записанный Ольгой адрес, удивленно и удовлетворенно мотнул головой: ему нравилось все необычное. Вот и новые друзья у него необычные — в гостинице живут!

Глава III

СЕМЬЯ ЧЕРНОКОЖЕГО ГИГАНТА

гостинице они занимали три небольших номера. В одном жили дед с бабушкой, в другом мама и отец, в третьем они, близнецы Ольга и Олег.

И вот, войдя в свой номер и начав переодеваться, они невольно завели разговор о сегодняшнем происшествии и о его главном герое, славном рыцаре Робин Гуде, как писали в средневековых романах.

— Чего-то не очень он мне нравится, — сказала Ольга.

Стоя у себя за ширмой, она переодевалась из школьного платья в домашний халатик.

— А мне очень! — из-за своей ширмы отозвался Олежка.

Ольга промолчала. А что ей было ответить? Сами прикиньте, и получится, что нечего.

Нет, конечно, начать тупо спорить: «Он плохой! Он плохой!» А Олежка соответственно: «Нет, хороший! Нет, хороший!» И так до потери пульса. Но что это даст, посудите сами... А главное, она не могла так обращаться со своим родным братом... вернее, не просто братом, потому что двойняшки-близнецы — это посередине, чем просто брат с сестрой, даже родные. Они... нет, конечно, вполне самостоятельные личности. Но в то же время они и как бы две части, две половинки одного организма. Поэтому как-то странно представить себе, что правая рука «ссорится» с левой, а тем более бьет ее. У них, у близнецов, и боль получается общая, и веселье. Хотя Олег вроде радуется одним вещам, Ольга иной раз — совсем другим...

Сейчас, когда братишка так... непререкаемо сказал ей: «А мне очень!», Ольга просто прекрасила разговор. Наступило молчание. Это, кста-

ти, как она заметила, хороший способ приводить Олежку в чувство. Он послушает-послушает ее молчание, а потом и скажет:

— Ну хорошо, чего надулась-то? Давай подумаем вместе...

Хотя Ольга вовсе и не думала дуться, не думала сердиться на него. Она просто тихо-тихо стала разучивать фокус с исчезающими картами, который ей недавно показал (и научил секрету) великий цирковой маг и чародей дядя Ваня Янцзы. Кажется-то — особенно не цирковым людям — тебе секрет фокуса рассказали, ну и показывай его, пользуйся.

Оказывается, это лишь полдела, а может, и четверть его. Фокус надо разучить, довести до совершенства. Чтоб публика не смеялась и не показывала пальцем:

— Эй, умник! Да вон же у тебя из кармана торчит твой исчезнувший букет!

Надо, чтоб публика широко открывала глаза, замирала, а произнести могла только два слова — или: «Ах!» или: «Ой!»

— Короче говоря — ловкость рук и никакого мошенства!

И пока Ольга занимается своими упражнениями, Олег думает над тем, что, может, он и не совсем прав по поводу Робин Гуда, нам с вами пора прояснить ситуацию. Например, почему это Ольга и Олег, а также их дедушка, бабушка, мама и папа — словом, вся семья — живут в гостинице. И почему Ольга считает себя профессиональной артисткой, и почему она за четыре зимних месяца сменила три города?

Дело в том, что Ольга действительно профессиональная артистка. И Олег, брат ее, тоже. Причем артисты они не простые. Они артисты цирка! И это в двенадцать-то лет... Здорово, по правде говоря. Я вот всю жизнь мечтал стать профессиональным циркачом, клоуном. Дожил уже до седых волос, а так и не стал им.

Но как же у близняшек-то это получилось?

Им в каком-то смысле было проще.

Потому что у них и дед, и бабушка, и мать, и отец — все цирковые артисты. Так что уж Ольге с Олегом просто... «деваться было некуда». Это, само собой, щутка, но такая, в которой есть большая доля правды. В цирковых семьях дети очень часто, чтобы не сказать *всегда*, идут по стопам родителей. Вот и вся история.

Но на самом деле не вся. Тут есть еще один *нюанс*, как говорят взрослые. То есть, иными словами, есть одна тонкость. Она состоит в том, что их семейный цирк назывался «Цирком зверей под управлением Джона Сильвера». Что такое «цирк зверей» — тут объяснять нечего. А вот откуда взялся Джон Сильвер, этот жуткий злодей и пират? Как он попал из книжки «Остров сокровищ» в компанию Ольги и Олега?.. Это действительно интересный разговор!

Жила-была молоденькая гимнастка, только что окончившая цирковое училище, звали ее Тамара Серегина. И вот однажды на концерте во время выступления она познакомилась с могучим чернокожим и тоже очень юным цирковым борцом, которого звали Олава Сильвер. Он приехал в нашу страну вместе с делегацией молодых ямайцев — жителей острова Ямайка то есть. В тот год у нас в России, которая входила в состав СССР, собралось очень много молодежи из самых разных стран — можно даже сказать, со всего света! Раньше были такие довольно странные, но, в общем, хорошие праздники. Они назывались: Международный фестиваль молодежи и студентов.

И проходили эти праздники довольно весело — каждый старался показать свое искусство, свое спортивное мастерство. А в перерывах участники фестиваля устраивали митинги, на которых говорили, что надо отстаивать мир на Земле, что один человек не должен угнетать другого.

го, а богатые должны делиться своим богатством с бедными.

Но для нас главное, что Тамара и Олава познакомились, подружились. И уже к вечеру, когда он провожал стройную красавицу домой, молодые люди поняли, что должны пожениться. Вскоре это и было сделано!

Поженившись, они зажили вместе — счастливо, весело, дружно. Олава остался жить у нас в стране. Они оба стали выступать в цирке. Тамара была прекрасной акробаткой, а Олава — борцом, тяжелоатлетом. Подбрасывал и ловил гири разными хитроумными способами, держал на вытянутых руках качели, на которых Тамара выделявала всякие штуки... ну и так далее и тому подобное.

Видимо, если бы их жизнь протекала в другой какой-нибудь компании, то Тамаре уж, наверное, какой-нибудь умник обязательно сказал бы: чего ты, дескать, Томка, вышла за негра, своего, что ли, не могла найти?

Но цирковые, они очень простые, очень добрые, очень легкие в общении люди. Поэтому они не задавали таких... дурацких вопросов. А просто радовались, что у Тамары и Олавы такая настоящая любовь!

Могли бы Тамаре еще родные отсоветовать вступать в «подобный брак». Но у Тамары не было родных. Она была детдомовская. А директор того дома, Роман Ильич Серегин, был очень хорошим человеком и не мог своей воспитаннице посоветовать стать несчастной. Недаром круглая сирота Тамара, которая никогда не знала ни отца, ни матери, взяла отчество — по имени Романа Ильича, а фамилией своей сделала его фамилию. Так и получилась она Тамарой Романовой Серегиной!

Через какое-то время у Тамары и Олавы родился отличный пацаненок, Сева. Он был куда темнее белокурой мамы и куда светлее темноко-

жего папы. Он рос крепким и стройным, а главное, очень ловким и скоординированным... Это значит, что никакое движение для него не было сложным. В общем, родителям было ясно: Сева станет жонглером... Так оно и вышло. Причем Всеволод Олавович стал жонглером классным, отличнейшим мастером. И сам Володя Кувырков — жонглер с мировым именем — говорит, что «без Всеволода Олавовича, без его уроков я бы никуда!».

Но и слава, и мастерство пришли потом. А в восемнадцать лет Сева познакомился с некоей Мариной Серегиной. Вернее даже так: Мариной Романовной Серегиной. И влюбился в нее!

Вы скажете:

— Да что за е-ка-лэ-мэ-нэ! Почему опять «Серегина» и почему опять «Романовна»?

Я отвечу:

— А вы догадайтесь...

Ну, правильно. Дело в том, что Марина Серегина была из того же детского дома, что и Тамара Романовна Серегина.

Просто однажды Олава и Тамара поехали навестить своего старого учителя и старого друга Романа Ильича, вообще проведать детский дом, выступить с шефским концертом. И с ними был Сева, уже повзрослевший, уже настоящий мастер своего дела.

Как вы уже понимаете, произошла встреча Севы и очень большой любительницы зверей, руководителя живого уголка Мариной Серегиной... Опять же я не буду долго рассказывать о том, как Сева из всех гастролей писал ей письма и прозванивал уйму денег, и, как сумасшедший, рвался в Москву, хотя ему предлагали очень выгодные заграничные контракты на такие гастроли, что иной бы жизнь за это отдал.

Но Сева готов был отдать жизнь совсем за другое... За другую!

И наконец они оба поняли, что так продол-

жаться не может. Сева, робея, как первоклассник перед тренером по футболу, поехал в детский дом, к Маринке. А та, собственно говоря, уже не была воспитанницей, потому что ей исполнилось девятнадцать лет, и она работала в родном доме воспитателем... Дальше произошло то, что всегда происходит между счастливыми людьми, — взаимное объяснение в любви. Через какое-то короткое время они стали мужем и женой.

Только вот что делать: они все цирковые, Марина — нет! И тогда Тамара Романовна вдруг сказала, что, может, Маринке попробовать с животными: ведь она всю жизнь с ними возилась, любила их, всем сердцем понимала звериный нрав?

И пошло дело. Сперва просто с двумя собачками, потом прибавились голуби, потом кошка... Знаменитый Юрий Куклачев, когда увидел, как Марина работает со своей сиамской Кесой, стал звать юную дрессировщицу к себе в труппу. Однако Марина Романовна поблагодарила вежливо и отказалась.

А Куклачев-то звал ее не просто так. Мастер сразу рассмотрел в Марине большой талант. И вот, когда наступили новые времена и Сильверы решили организовать пусть небольшой, однако свой собственный цирк, уже не было вопроса, какое направление у него будет.

По дорогам огромной нашей страны стали разъезжать два автофургона, на боках у которых было разноцветно написано: «ЦИРК ЗВЕРЕЙ ДЖОНА СИЛЬВЕРА». То есть они все как бы работали на Марину, на ее несомненный талант.

Тут дело еще и в том, что Олава и Тамара Романовна... ну, в общем-то, уже стали достаточно пожилыми людьми. Да и Всеволод Олавович тоже: в сорок лет жонглировать на полную мощность не так-то просто. А если не на полную, тогда и выступать не стоит — тем более с его именем!

А со зверями — это другое дело. Ведь дрессировщик сам не бегает по арене, не делает кульбиты и сальто, не гоняет на велосипеде. Он именно... *дрессировщик* — руководитель то есть, режиссер звериного представления. А Марина Романовна была еще вполне молода.

Когда же подросли близнецы, они тоже стали артистами цирка Джона Сильвера. Об их номерах речь впереди. Остается только понять, почему все-таки *Джона Сильвера*.

Действительно, почему не — *Олавы Сильвера*. Звучно, конечно, но публику не удивляет. А вот Джон Сильвер — это да, это сразу останавливает взгляд, невольно заставляет вас копаться в памяти: что за Джон Сильвер такой. Потом, конечно, человек вспоминает того страшного пирата из романа Стивенсона. Здорово!

А на арену в это время выходит огромный — под два метра ростом, в плечах метра полтора, то есть та самая косая сажень — чернокожий дяденька с белыми как снег, абсолютно седыми волосами (по секрету скажем: слегка подкрашенными для полной красоты). Конечно, публика сразу начинает хлопать и ждать чудес.

Тем более что дед Олава по отцу был именно Джоновичем. Так у него и в российском паспорте было написано: «Олава Джонович».

Ну вот, теперь вы все знаете. Остается только сказать, что за звери были в их цирковой труппе. Прежде всего, медведь по имени Дядя, а можно Дядя Федя, а можно просто Федя, далее — пони Левка, далее козел Вильям, затем обезьяна-макака Ариша, еще голуби учёные. И, наконец, собака овчарка Веста. Ее вначале взяли просто как охранника, верного и очень умного сторожа.

А дело в том, что цирковые животные — причем даже самые хищные — исключительно доверчивы. Некоторые не очень умные дрессировщики их специально злят, чтобы поэффектней

смотрелось — как они борются с «лютым зверем». Но это все игра! Чуть ли не любого льва или там пантеру можно увести голыми руками.

А уж немецкая овчарка — это сторож! С тем они и завели Весту. И, надо сказать, собачка эта прекрасно несла свою «патрульно-постовую» службу. Но потом вдруг они поняли, что Веста еще и прекрасная артистка! Это мама поняла. Как-то сидела одна и задумчиво напевала. И вот овчарка, лежавшая у ее ног и с обожанием смотревшая на хозяйку, вдруг стала ей «подпевать». То есть подывать, конечно. Однако очень музикально — точно повторять мелодию.

Великий клоун дядя Семен Птициани сказал, что Веста хотела как можно больше нравиться своей хозяйке, маме Марине. Ведь она видела, чего мама добивается от других животных. Вот и решила тоже «отличиться»... Впрочем, так дядя Семен считал, а на деле все было как-то по-другому. Но Ольге хотелось думать, что все именно так!

В ЦИРКЕ ДЖОНА СИЛЬВЕРА, как вы уже поняли, очень многое держалось на маме Марине. А чтобы дать ей отдохнуть, на арену выходили то дед Олава — у него основной номер — борьба с медведем Федей, — то бабушка — она выступает в роли непонятливого клоуна (и все думают, что это мужчина), то папа — небольшой жонглерский номер, а еще он выступает в номерах с близнецами. И, наконец, сами близнецы — они участвуют в фокусах, которые придумывает отец. Всеволод Олавович вообще автор всей их программы.

Близнецы, кроме фокусов, скачут на Левке — вы еще не забыли о пони? — летают под куполом цирка, делают акробатические номера. И все это для того, чтоб интересней получился фокус.

Вам пока не очень понятно, о чем идет речь? Спокойно: все скоро выяснится.

Глава IV

ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ

У вот, закончилось то время, которое Ольга отвела братишке на то, чтоб он «пришел в себя». Спрятала «волшебные карты», чтоб Олег не подумал, будто она никак не переживала... Ольга, кстати, и в самом деле переживала. Но просто каждый переживает по-своему, понимаете? Не обязательно заламывать в этот момент руки или сидеть, горестно уставившись в одну точку. Можно и так — вопреки всему — repetировать фокус.

А дядя Миша Тур, например, он тоже цирковой артист, комический музыкант, когда его же не тете Алисе делали операцию, не мог ни есть, ни пить, ни спать, а только придумывал без конца шахматные задачи.

И потом, когда тетя Алиса выздоровела, он послал все эти решенные задачи в журнал «Шахматы Гарри Каспарова» и даже получил приз.

Вот как бывает. Поэтому Ольга себя нисколько не осуждала. А карты спрятала только, чтобы Олежке не обидно было. И спрятала их очень вовремя, потому что буквально через минуту Олежка сказал:

— Можно к тебе заглянуть?

А Ольга сама тут же выскочила к нему на «нейтральную территорию» их номера, где стояло два стола для уроков, телевизор и два кресла. Она очень любила своего дорогого братишку и, собственно говоря, готова была кинуться к нему на шею. И так бы и сделала... года два назад. Но теперь ведь они уже стали «достаточно взрослые», как говорит бабушка. А телячьи нежности ко взрослым отношениям... как-то не подходят.

Но глазами-то Ольга ему, конечно, сказала, что все в порядке, она вовсе не сердится и даже

во многом с ним согласна — лишь бы им не ссориться никогда!

В ответ Олежка смотрел на нее такими преданными, добрыми и любящими глазами... О, вы даже не представляете: двойняшки столько сказали друг другу этими взглядами, сколько иные люди не скажут и за полчаса разговора. Но дело в том, что близнецы действительно понимали друг друга с полуслова и с полу взгляда!

И, кстати, во взгляде брата Ольга уловила... какой-то вроде бы секрет, который он хочет ей рассказать, но как бы стесняется. И тогда она сказала наконец, — уже не взглядом, а вслух:

— Да говори, чего ты!

Олежка мотнул головой и вынул из кармана какую-то бумажку...

Да, как говорится, вот так номер — Ольга, по правде говоря, ничего подобного просто не ожидала!

Оказывается, Робин Гуд, почувствовав, что Ольга не очень-то ему симпатизирует, улучив минутку, провел беседу с одним Олегом. Хочешь, дескать, стать членом нашей шайки благородных разбойников?

Естественно, Олежка хотел.

Тогда вот тебе план, найдешь указанное тут место. А там узнаешь, что делать дальше... У тебя лыжи есть?

Олежка смог лишь молча кивнуть. Оказалось, что ему предстоит идти в лес. А в лесу еще полно снега и без лыж никак не обойтись. А почему в лес, да потому что Робин Гуд ведь — лесной житель. Там с ним встречаться самое место.

За те две недели, которые близнецы прожили в Городе, они, конечно, недостаточно изучили его, однако все-таки могли ориентироваться. Им предстояло на автобусе ехать до улицы Сосновой, а дальше разбираться по выданной им карте... Вернее сказать, по плану, начертенному от руки на листке из тетради по математике.

И вот они приехали — это заняло минут двадцать. Лыжи здесь оказались в самый раз. Потому что высокие дома, которыми был заставлен центр города, где, кстати, находилась и гостиница «Зори», в которой жили Сильверы, там на-прочь отсутствовали. Вместо них натуральные избы с полисадничками вокруг, с трубами, из которых поднимались в небо прямые дымки, с непролазными, далеко еще не растаявшими сугробами вдоль редкозубых заборов.

Прямо от остановки, перпендикулярно к Сосновой улице, шла дорога, которая была обозначена на том самодельном плане. И дорога эта шла прямо... в сосновый лес.

Близнецы переглянулись... Нет-нет, не подумайте ничего плохого. Они вовсе не были трусыми! Напротив, они были очень даже смелые ребята. А Олежка так и вовсе собирался стать детективом!

Но дело в том, что двойняшки были городскими... двойняшками, и перед лесом просто... ну, как бы слегка робели.

Конечно, в руках они держали карту. Но что значит этот листок, подрагивающий на Олежкиной ладони даже при самом крохотном ветерке. Не так-то просто доверить ему свою судьбу!

Брат посмотрел на сестру:

— Знаешь...

И замолчал. А сказать он хотел, что вообще-то приглашали по-настоящему одного Олега и ей ходить совсем не обязательно. Вот уж в другой раз, когда они будут встречаться с Робин Гудом в другом, «более нестрашном» месте, он ее обязательно возьмет...

Но в ответ Олежка получил такой сердитый взгляд, что сразу пошел на попятную. Как ни в чем не бывало пожал плечами:

— Чего ты?.. Я ни грамма и не говорил!

Они надели лыжи и отправились в глубь таинственно молчащего леса.

Но, по правде говоря, вскоре им стало немногого стыдно своей... как бы это понеобидней выражаться... робости. Потому что солнышко над ними светило очень весеннее, птицы по веткам орали самые развеселые песни, а снег, превратившийся в полуупрозрачные ледяные зерна, давал такое скольжение, что только катись! Они и катились... А сосновый лес, кстати, оказался всего лишь сосновым молодняком, посаженным явно недавно ровными рядками. В таком «лесу» просто стыдно бояться волков, медведей и прочих «чудищ».

Вскоре близнецы подошли к тому месту, которое было обозначено на плане как конечный пункт. Всего два поворота по той самой дороге, что начиналась от автобусной остановки, — метров пятьсот им пришлось проехать. И вот он, конечный пункт. На плане — это довольно нехудожественно изображенный зверь с гривой и надпись: «Лев», а чуть ниже: «Искать!»

Неведомым львом оказался большой бурый камень, каких тут много лежало, как уже сумели заметить близнецы.

Кто плохо учил географию, тому напомним, что такие камни, обкатанные за тысячи километров своего, прямо сказать, адского пути, *валуны*, во множестве лежат по полям и лесам северо-запада нашей с вами Родины. Их когда-то в древнейшие времена прикатил сюда ледник, который неизвестно почему с севера, из-за Полярного круга, надвигался на юг, выпахивал целые поля и рощи — снимал с матушки-земли скальп. И катил перед собой огромные камни, которые подцеплял по дороге или выковыривал из почвы.

Камни эти за безумно дальнюю дорогу обкатались, оглаживались. И теперь вот застыли там, где их бросил отступающий под ударами потеплевшего климата ледник. Странные вечные памятники загадочному и грозному времени в жизни нашей планеты.

Вот около такого загадочного памятника и стояли сейчас близнецы. С очень большой натяжкой, но камень этот все-таки можно было принять за лежащего льва, который положил свою тяжеленную голову на вытянутые передние лапы.

А что же это такое: «Искать»?

Искать особенно не пришлось. Медленно обхевав вокруг каменного чудовища, они тут же увидели на его задней левой лапе, на *якобы лапе*, подрагивающую под ветерком бумажку с липким краем. Такие продаются в канцелярских товарах.

«Идите туда. Черная собака» — было написано на той бумажке. И нарисована стрелочка... куда-то в сосенки, в чащу.

Тут близнецы опять вспомнили, что это все-таки... лес!

Но снова трусить им никак не хотелось. Ольга прижала бумажку ко львиной якобы ноге — чтобы лучше понять направление дальнейшего маршрута. А нога-то оказалась теплая. Конечно, всего лишь нагретая солнышком, но все равно — как живая. И после этого стало как-то совсем не страшно. Ольга улыбнулась:

— Айда! Неужели мы с тобой какую-то черную собаку испугаемся?!

— А никто ее и не собирался бояться! — ответил Олег.

Они улыбнулись друг другу и продолжили свой путь.

Черная собака попалась им буквально через каких-нибудь пять-шесть минут пути. Они увидели ее еще издали, за сосенками. Потому что это была «черная собака» — то есть собака *в кавычках*, а по правде — новый валун. Причем раза в два больше того «льва». Огромный пес стоял на задних лапах и вилял пушистым хвостом... Ну, это в смысле — надо иметь хорошее воображение, чтобы так думать. Ольга его как раз имела. Остановились перед камнем:

— Классная собачка... Но где же все-таки Робин Гуд?

— Будем искать! — ответил Олег голосом опытного детектива. — За мной, коллега!

Они обехали камень... Ага, вот она и бума-женция очередная: «0,5 км на запад. Шар». Так-так-так, это уж игра какая-то. Теперь хотят узнать, сумеют ли близнецы определить, где запад... Вообще-то обидно. А с другой стороны, у него ведь серьезная команда, и вроде бы занимаются они серьезными делами — по крайней мере, тайными. Абы кого им брать не хочется — это вполне естественно!

— А ты, кстати, заметил, — сказала Ольга, невольно понижая голос, — что записка первого плана и эти две приkleенные бумажки написаны разными ручками и разными... руками!

— Ну... ну и что?

Ольга испытующе посмотрела на брата... Нет, Олежка не догадывался, о чем она собиралась его предупредить. И тогда, уже окончательно перейдя на шепот, Ольга сказала:

— Наблюдатель!

— В смысле?

— Здесь может быть наблюдатель! — сказала она одними губами.

И тут же засмеялась, немного деланно, потому что хотела показать ему, что начинается двойная игра. Олежка лишь моргнул в ответ: о'кей, все понятно!

— Давай наперегонки — кто первый до шара! — крикнула Ольга.

И помчалась что было сил, но нарочно не на запад, как было сказано в записке, а на север... Я не стану тут долго объяснять, как определять стороны света. Вы и сами это вполне можете понять. Особенно если учесть, что солнышко светило как сумасшедшее — вот тебе и восток. А все остальное уж — задание для учеников первого класса.

Но Ольга, как уже было сказано, побежала на север. И довольно далеко. Это еще и потому, что скольжение-то было отличное, даже слишком: когда снег подтаял, лыжи стараются «прострелить» назад. Но если как следует наклонить корпус вперед, все будет в полном порядке. Лыжной науке их учили мама и бабушка Тома. Их любимый директор Роман Ильич был отличным лыжником, даже в свое время брал призы на первенстве Москвы. Да и сам детдом располагался в удобном для лыж месте — в Измайлово. Кто знает Москву, согласится со мной. Там огромный лесной массив, лыжных трасс — сколько твоей душе угодно, только гоняйся!

Впрочем, дело не в этом сейчас... Ольга вдруг резко затормозила, резко повернулась и поехала на запад, теперь уж точно на запад. Весеннее солнце припекало ей затылок.

Резко изменив направление, она собиралась установить, едет ли за ними кто-нибудь или нет. Потому что, когда бежишь за кем-то по лесу, сделать это незаметно довольно-таки тяжело.

Однако никто вроде за ними не гнался. Тогда Ольга остановилась. Брат подъехал к ней. Хотел закричать, что, дескать, ага, попалась, то есть продолжить игру.

Ольга приложила палец к губам. У нее появилась другая мысль. Повернула на юг, поехала, махнула Олежке рукой: делай, как я.

Если сейчас вы попробуете вычертить путь, который собиралась проделать Ольга, а за ней Олег, то получится: с полкилометра на север, потом столько же на запад, потом столько же на юг. И получится, что они должны были сейчас выйти к месту, указанному на бумажке, приклешенной к собаке, только... с противоположной стороны. То есть Ольга собиралась зайти противнику — если, конечно, таковой имелся — в тыл! Олег, который сперва не понял, что за странные

перемещения совершает его сестра, наконец до-
тумкал и сказал себе: «Ну надо же!»

В самом деле, это и действительно было странно... отчасти. Олег Серегин собирался быть детективом с самого раннего детства. Об этом знали во всех цирках страны все артисты. И часто Олегу полушутя, полусерьезно дарили то маленькую, но очень мощную лупу, то огромные, на пол лица темные очки и к ним седой парик с лысиной, которые совершенно меняли внешность, то подносили кобуру для будущего пистолета, то книгу «Методы расследования карманных краж в трамваях и автобусах города Курска». Ну и так далее и тому подобное — близнецам ведь все любили. Подарки, конечно, носили несколько шутливый оттенок. Но ведь в каждой шутке есть доля правды!

То есть Олежка «официально» был признан будущим сыщиком.

А хитроумные планы раз за разом почему-то придумывала Ольга. Вначале это Олега настораживало. А потом он... не то чтобы смирился, а стал принимать это как должное. Ведь Ольга всегда была рядом. Так зачем беспокоиться, кто там чего придумал. Важно, чтобы преступление было раскрыто. А таких раскрытых преступлений у них становилось все больше — регулярные читатели «Черного котенка» не дадут мне сорвать!

Ольга не могла, конечно, знать точно, правильно ли они идут. Но душой чувствовала: да, правильно! И с некоторых пор стала двигаться совсем медленно, вообще не шевеля ногами, только слегка отталкиваясь пальцами и таким образом производя минимальный шум. Она искала глазами валун. Однако ничего похожего нигде в поле зрения не было!

Хм... Может, Робин Гуд придумал что-нибудь похитнее?

Но оказалось, ничего похитнее он не приду-

мывал... Практически одновременно Ольга уви-
деля поляну и большой снежный... шар на ней.
Из таких примерно шаров лепят снежных баб.
Только этот шар был значительно крупнее «снеж-
нобабских». Ну, это понятно — его же делали
для заметности.

Ольга замерла, и сейчас же Олег остановил-
ся. Вместе, в четыре глаза, они стали осматри-
вать поляну и ее «окрестности». Удобство их по-
зиции заключалось в том, что они стояли на не-
котором возвышении — холм, не холм, а так
себе — некая земляная волна. Близнецы как раз
находились на ее гребне, за сосенками, которые,
как известно, любят расти именно на местах,
что повыше — тут они особенно пущисты. То
есть деревья отлично прятали сыщиков.

И через какое-то время они увидели то, а вер-
нее, того, кого искали. Вон он стоит, голубь си-
зокрылый! Притаился, спрятался... Но от на-
правления со стороны камня-собаки, а ведь двой-
няшки вышли почти с противоположного края.

Это был один из робин-гудской свиты, по фа-
милии Синцов. А звали, кажется, Вадим. Он не
учился в их классе, вообще был, кажется, из ка-
кого-то шестого, а не седьмого. Ольга его просто
видела рядом с Робин Гудом и случайно услы-
шала имя... Таким образом, приходилось при-
знать, что она Робином интересовалась. Так по-
думала Ольга, и ей стало досадно!

Может быть, именно поэтому она и придума-
ла свой хитрый план. Вот что они сделали...
Только прежде надо сказать: когда речь идет о
двойняшках, то само собой имеется в виду, что
они очень похожи. Но сказать так об Ольге и
Олеге — это значило не сказать ничего. Они
были просто как две капли воды и даже более —
как какие-нибудь две молекулы... хотя толком
эти самые молекулы пока никто рассмотреть не
смог.

Ольга прошептала брату лишь три-четыре

слова, и тот все понял. Тихо поехал назад, а потом налево, налево, налево, чтобы выйти Синцову теперь уже точно в тыл. Ольга же постояла еще минут пять, а потом направилась на поляну.

И тут надо заметить, что в поведении ее неуловимо что-то изменилось.

Она больше не была... девочкой!

Да, точns! Если б какой-нибудь известный режиссер увидел сейчас Ольгу, то непременно пригласил бы ее сниматься в своем новом фильме. Это просто удивительно, как за одну секунду она сумела перевоплотиться в мальчишку... Собственно, в Олежку: та же решительность в каждом движении, какой-то лихой напор. Она и ехала, и толкалась палками не так, как несколько минут назад, а по-другому, по-олеговски.

Может, кто-то и заметил бы разницу — потому что Ольга невольно слегка подтрунивала над Олежкиной манерой быть всегда и везде юным «русским богатырем». Но Синцов таких тонкостей заприметить, конечно, не мог. Он спокойно наблюдал за «Олегом», понимая, что задание, данное ему Робин Гудом, выполнено успешно.

А якобы Олегостоял возле снежного комка, ни с того ни с сего рубанул его палкой, потом еще и еще раз. Тут Синцов забеспокоился: во время этой «рубки» могла пропасть в снегу его записка с приказом, как Олегу надо действовать дальше. Но этот глупый тип словно специально не желал замечать записки, а потом ни с того ни с сего вдруг уселся на снежный шар — прямо на то место, где и лежала записка!

Вот болван!

А ведь Робину после не объяснишь, что он, Синцов, тут ни при чем, а во всем виноват этот олух царя небесного!

Именно в этот момент дозорный почувствовал у себя между лопatkами нож. И голос... Олега проговорил:

— Стоять! Не двигаться... Так или иначе,

тебя ожидает смерть! Но ценою правды ты можешь купить себе смерть легкую!

И потом еще что-то из репертуара злодея в средневековых телесериалах. И потом, естественно, смех — безжалостный и немного высокомерный, потому что они все-таки обдурили этого типа.

Но и Синцов оказался не так прост. Он вдруг прыгнул вперед, сделал длинный кувырок... Олег не стал за ним бросаться — куда он денется, этот малолетка, этот явный небоксер по сравнению с таким чемпионом, как он, Олег Серегин!

Однако случилось непредвиденное.

Увы, не проходят даром ни высокомерный смех, ни обзвывание, хотя бы и про себя, человека малолеткой. Синцов выхватил из-за пазухи рогатку — что ж, вполне современная замена средневекового лука:

— Стоять! Стреляю без предупреждения!

— Да брось ты... — начал Олег.

Но шутки с этим робин-гудовским солдатом оказались плохи! Едва Олег сделал шаг, вязаная шапочка с помпоном слетела у него с головы, сшибленная стальным шариком,пущененным из рогатки... О-го-го! Если б такой шарик попал Олегу в лоб... никто б не позавидовал, честное слово! И смелый воин невольно остановился. А Синцов, этот, в общем-то, хиляк, вскочил на свои хлипкие ноги... Но взгляд у него при этом был решительный и суровый:

— Стоять! — процедил он сквозь зубы. — Иначе башку расшибу...

Нет и еще раз нет: Олег далеко не был трусым. Напротив, он был очень смелым человеком. Таким уж, наверное, родился. Но, кроме того, Олег еще и воспитывал в себе это чувство, потому что втайне гордился им и считал — справедливо, я думаю! — данную черту характера одной из самых главных у мужчины. Однако именно как человек смелый он мог хладнокровно оде-

Синцов выхватил из-за пазухи рогатку — что ж, вполне современная замена средневекового лука:
— Стоять! Стреляю без предупреждения!

нить ситуацию. И сейчас Олег понимал: Синцов выстрелит, это точно! Для него самое главное — выполнить приказ дорогого Робин Гуда... поэтому Олег сжал зубы и остановился.

— Слушай меня дальше, — все тем же стальным голосом продолжал Синцов. — Сейчас ты пойдешь к тому шару, где стоит... твоя сестра. Вы возьмете мою инструкцию и...

Но ничего более он сказать не успел.

Между прочим, сам виноват! Чем упиваться своей победой, ему бы лучше следить за Олежкиным лицом. Особенно — за его глазами, потому что они смотрели не на Синцова, а куда-то сквозь него.

Они смотрели на Ольгу, на его потрясающую сестричку, которая наклонилась, слепила два крепких снежка, совершенно бесшумно сделала три шага вперед... ей, конечно, хотелось бы еще немного сократить дистанцию, но это было уже рискованно. Подняла левую руку, показала три пальца. Это, как догадался Олег, означало, что она будет бить на счет «три».

Загнула один палец, второй, третий. И тут же изо всей силы швырнула снежок Синцову в спину. И не думайте, что получить с семи-восьми шагов ледяным снежком — это не больно. Это больно и даже очень! В ярости Синцов повернулся к своей врагине. Взвизгнув, стальная бледная молния полетела в Ольгу. Причем Синцов хотел попасть ей куда-нибудь в лицо — чтобы, гадина такая, на всю жизнь запомнила, как шутить с таким парнем!

Он выстрелил точно, однако стальная пуля пробила лишь пустоту, потому что... едва снежок разлетелся в брызги о сутуловатую синцовскую спину, Ольга сделала длинющий прыжок в сторону и ушла с головой в снег. И она сделала правильно, потому что... «от первого выстрела тебе, дрянь, уйти удалось, но от второго...»

Ольга отлично видела, с какой скоростью

Синцов перезаряжает свое оружие! Поэтому и решила: пули, так или иначе, не избежать, но хотя бы не в голову, не в лицо.

Однако тут уж действовал Олег. Раздосадованный Синцов успел перезарядить рогатку, но выстрелить не успел, потому что на плечи ему обрушилась лавина. Это Олег в один шаг и в один прыжок накрыл его. Куда там хилому стрелку устоять против такого натиска. Он надломился буквально, как хрупкий тополек из сказки.

Олег же довольно беспощадно вдавил его физиономию в снег:

— Ну? Будешь отвечать на вопросы?!

— На какие еще, на фиг, вопросы? — отплевываясь от снега, вопил Синцов.

Даже представить себе было невозможно, что столь щедушное тельце может произвести такой рев. Именно это сказала Ольга с подчеркнутым презрением.

— Ты послушай все-таки нас, Синцов, и пойми: мы пленных не убиваем. Но если враг не сдается, то мы его пленным считать не можем. И казнь для него — акт справедливости, не так ли?

У современных девчонок не поймешь, когда она шутит, когда говорит всерьез. А Синцов, который участвовал в самых разных «мероприятиях», вполне допускал, что его сейчас просто зароют в снегу. И потом жди до мая, когда какой-нибудь любитель ландышей не наткнется на одинокий труп...

— Чего вам надо? — спросил он глухо.

Надо было близнецам не так уж много: они хотели понять, зачем было устроено это странное блуждание по лесу, что оно давало Робин Гуду?

Ответы Синцова были довольно невнятны, но все-таки удалось понять, что вся эта игра была затеяна лишь для того, чтобы, как и предполагала Ольга, проверить их.

Дело в том, что вокруг Города стеной стояли дремучие леса. Но и в самом Городе встречались

рощицы, которые иной раз оставались нетронутыми наступлением строителей, а иной раз были даже специально посажены горожанами. Как вот эта, кстати. Робин хотел испытать Серегина в «условиях, приближенных к военным» — по существу в парке, пользуясь тем, что Олег не знал Города. Дремучий сосновый бор, в который попали Ольга и Олег, можно было в принципе пройти насеквоздь за полчаса. Но ведь это надо знать...

— Примерно через час Робин Гуд будет у себя «в штабе»...

— Что за штаб? — быстро спросила Ольга.

— Ну, просто штаб, и все, — ответил Синцов неохотно.

— Где он?

У нее появилась недурная идеяка... В последней бумажке, лежащей на снежном шаре, было сказано, что Олега ждут на углу улиц таких-то и таких-то. А там, как объяснял им Синцов, их должен встретить еще один из *рыцарей* Робин Гуда и сопроводить в штаб.

А неплохо бы, подумала Ольга, нагрянуть в тот штаб самим и не в назначенные Робином часы, а раньше!

— Так ты скажешь нам адрес? — спросила она зловеще. Потому что уже чувствовала: Синцов станет запираться.

— На кой вам адрес-то? — спросил Синцов угрюмо и одновременно жалобно. — Все равно вы через два часа там будете.

— Понятно! — сказала Ольга голосом палаца. — Понятно... — и бросила Олегу так, словно они это злодеяние совершили уже не в первый раз: — Давай шарф. Сейчас этот тип узнает, как ужасна смерть от удушения шерстью!

Олег едва сдерживался от хохота. А бедному Синцову было вовсе не до смеха. Он отчаянно дернулся, чтобы вырваться на волю... Куда там!

— Отпустите меня, сволочи! — и вдруг закончил совсем не тем, с чего начал: — Я все скажу!

— Все можешь оставить себе, — зловеще проговорил Олег. — Нам нужен только адрес!

Тут вдруг Синцов заплакал — то ли боялся Робин Гуда, то ли не хотел его терять. Но еще больше он боялся страшной пытки шерстяным шарфом, которая может стоить ему жизни. И сквозь почти девчоночьи рыдания он продудел:

— Улица Щорса, дом шесть, второй подъезд, в подвале.

— Пароль, условный стук?

— Нет. Там охрана стоит.

Близнецы переглянулись: ну, стало быть, придется эту охрану преодолеть!

Глава V

СМЕШНОЕ ВОЛШЕБСТВО

6 инцова тоже можно понять: лес кругом, глухомань, удушение шерстью — он где-то слышал, что так вурдалаки со своими жертвами расправляются... Да еще эти две жуткие рожи — совершенно на одно лицо!

Так или примерно так он потом оправдывался перед собой, объясняя — себе же — свое предательство. Хотя на самом деле ни про какое удушение шерстью он, конечно, не слыхал, да и слышать не мог. Ведь этот «прием» Ольга прямо с ходу придумала. И знал Синцов, что сосняк этот никакая не глухомань. Через сто метров опять начинался Город, самые нормальные улицы и даже с многоэтажными домами. Новый район — Серебряная горка, где, между прочим, и находилась гостиница «Зори», в которой, как вы помните, жили близнецы. И никакие у них не страшные «рости», хотя и действительно на одно лицо. А девчонка, Олька эта, так просто симпатичная... Эх!

Об Ольгиной симпатичности Синцов стал ду-

мать особенно отчетливо после того, как вспомнил, что она с ним поступила, в конце концов, очень по-джентльменски... хотя среди девчонок джентльменов вроде не бывает.

Короче говоря, Ольга так сказала. Пусть Синцов не волнуется и слезы не льет. Они его выдавать не собираются. Они сейчас отправятся домой, переоденутся и приедут в штаб. А Робину скажут, что ни на какую Сосновую улицу не ездили, а просто выселили... Кого? Да это не важно. Допустим, самого Робин Гуда. И пришли в штаб!

Олег был вообще-то на этот счет иного мнения. Он лично предателей никогда не жалел — ни своих, ни чужих. Но раз уж Ольга так сказала, встревать не стал. Чтоб Синцов не думал, будто между ними противоречия. Да между ними никаких противоречий-то и не было!

Под конец этой довольно позорной для Синцова сцены он провел их через сосняк, через овраг — по одному ему ведомому мосточку, состоящему из двух шатающихся над пропастью сосновых стволов. И они оказались... ну, буквально в пяти минутах от «Зорь» родных. А улица Щорса — это параллельно улице Ани Черняховской. Если кто не знает, так я скажу на всякий случай: Николай Щорс — это был такой командир во время революции и гражданской войны, а пионерка Аня Черняховская совершила вроде бы какие-то трудовые подвиги, воспитывала молодых бандитов или что-то в этом роде.

Но главное, что им от гостиницы до того дома номер шесть по Щорса было буквально рукой подать. Они явились в штаб на час раньше и еще минут двадцать стояли у дверей, пока прибыла охрана и стала с подозрением спрашивать, чего они тут околачиваются. На это Ольга преспокойно ответила, что их сам Робин пригласил, причем даже специально предупреждал, что если он немного опаздывает, то пусть они внутри подо-

ждут. Ну а охрана — два мальчишки из параллельного седьмого «Б» — не привыкла обсуждать приказы начальства.

Дисциплинка тут была, как поняла Ольга, вполне железная. Как говорится, «шаг влево, шаг вправо — стреляю без предупреждения». Но эта железность и губила дело. В самом деле, бывает ли так, чтобы какой-то командир пригласил посторонних — пока еще посторонних — людей посидеть у него в штабе, а сам опаздывал?

Но мальчишки спокойно пустили Ольгу и Олега. И те почти полчаса могли изучать, что же это за штаб такой.

Говоря по чести, он ничего особенного собой не представлял. Низкие потолки, покатые стены — зарешеченные окна в толстенных этих стенах: дом был, видать, построен не в наше время и даже не во времена наших отцов, а когда-то раньше.

На полу, сложенном из больших каменных плит, потертых, покорябанных, побитых временем, но при этом чистых, прямо-таки выскобленных до своего настоящего светло-серого цвета... так вот на этом полу стоял большой овальный стол, перед ним — трон, не трон, а что-то в этом роде. И вокруг стола двенадцать кресел. Еще тут был шкаф — тоже довольно-таки старинный, покрытый лаком и, как подозревала Ольга, подобранный на одной из близлежащих помоек.

Ольга заглянула в шкаф. Там лежали спортивный лук со стрелами... У стрел, между прочим, стальные наконечники. Такой стрелочкой в кого-нибудь бабахнешь — мало не покажется!

Тут же была плетенная из ивовых или каких-то там еще прутьев мишень с тремя кругами, нарисованными зеленою, желтой и красной красками. Точно такие же мишени используют на соревнованиях. Еще тут были шпага и что-то вроде камзола — в общем, такая штука без рукавов, которая надевается через голову. На этом якобы кам-

золе был вышит большой щит, за которым виднелись рукояти и концы меча и топора. На щите золотыми нитками вышито: «RG». Ну, в общем-то, ясно: Робин Гуд.

Еще там лежала папка. Она была самая простая, из магазина «Канцтовары», с тесемками грязно-телесного цвета. В общем, очень скучная.

А вот надпись на ней показалась Ольге весьма интересной: «Будущие преступления века».

Ольга немедленно развязала тесемки. В папке оказалось несколько листков. На первом большиими буквами было написано: «Стасов Игорь Германович, бизнесмен». Слово «бизнесмен» было подчеркнуто.

Но больше Ольга узнать ничего не успела, потому что послышались голоса. Она поскорее положила папку на место и даже успела тесемочки завязать. А сама присоединилась к Олежке, который, не скрывая восхищения, рассматривал шпагу — с бронзовым эфесом и перламутровой ручкой, с лезвием, сделанным — сразу видно — из старинной стали, кое-где прихваченной ржавчиной, но потом тщательнейше отчищенной.

А в подвал по широким, сложенным из таких же плит, ступеням спустился сам Робин Гуд. Он, видать, торопился. Потому что ему не терпелось узнать, что это за гости его тут ожидают.

И увидел Ольгу и Олега:

— Вы как сюда проникли?!

— Очень просто, вошли через дверь, — усмехнулась Ольга. — Своим сторожкам скажи...

И она не без ехидства стала объяснять, что в штаб никого пускать нельзя, когда там нет командира.

Робин слушал ее с большим неудовольствием. Но и перебить не мог, потому что все было правильно. Наконец не выдержал:

— Ладно, мы...

Он, видать, хотел сказать: «Мы уж сами как-нибудь разберемся, без сопливых!» Но решил воздержаться. Посмотрел уничтожающе на ох-

ранников. Те, с одной стороны, ели начальство глазами, а с другой — как бы не знали, в чем их вина.

Вина-то в основном была именно на Робин Гуде: это ведь он, в самом деле, установил здесь такую зверскую дисциплину, что простой воин и подумать не моги. Ольга же решила доконать самонадеянного героя. И на вопрос, как они вообще узнали про штаб, ответила не спеша:

— Да ты сам нас сюда привел!

— В смысле... чего?

— В смысле, что я за тобой вчера последила да и узнала, где твой штаб находится.

— Да я вчера тут не был!

Это был, само собою, прокол... Но только не для Ольги. Потому что реакция у нее была отличная.

Не успел Робин договорить, как Ольга уже знала, что ответить и какое при этом сделать лицо.

— Не вчера, так позавчера, может быть, — тут она улыбнулась, изображая самонадеянную девчоночью таинственность: — Я тебе всего-то говорить не собираюсь!

— Так вы что, вообще не ходили по карте? — это он попытался спросить у Олега.

Но ответила Ольга:

— Естественно, нет! Мы съездили туда. Посмотрели — это какой-то лес... Ты нам, видно, испытание решил устроить, да? — она глядела на Робин Гуда, изображая суровость.

Робин был явно сбит с толку. И Ольга поняла: если этот разговор будет еще продолжаться, он почует неладное. Тогда... Да, собственно, ничего страшного не случится, кроме одного — Синцов будет раскрыт. А ведь они ему обещали...

И Ольга пошла, так сказать, ва-банк. Недовольно мотнула головой:

— Что ты хочешь доказать-то?.. Так или иначе, мы за тобой шли, а ты ничего не заметил!

Робин помолчал какое-то время, потом недовольно помотал головой:

— Да этого просто быть не может!

— Как же тогда это случилось? — Ольга с улыбкой смотрела прямо ему в глаза. — Ведь случилось же?

— Нет!

— Что ты хочешь доказать?

— Только одну простую вещь. Если б это случилось, я бы вас заметил! Я всегда замечаю, когда за мной следят.

— Но ведь ты нас не заметил! И я тебе легко докажу, что ты далеко не все замечаешь! Вот смотри...

Она вынула из кармана шарик, убрала руки за спину, вынула их, сжав в кулаки:

— В какой руке?

Робин наугад стукнул по левой. Ольга раскрыла ладонь — нету шарика. Снова убрала руки за спину, снова подставила ему кулаки для угадки — опять мимо.

И так продолжалось жуткое количество раз. Робин и стоящие рядом мальчишки были озадачены, Ольга же смеялась. Но не ехидно, а самым добродушным образом.

Этому фокусу ее тоже научил дядя Ваня Янцы. А подсмотрел он его у жуликов, которые называются наперсточниками. Вы их, наверное, тоже видели не раз. Три чашки — под одну из них обманщик кладет шарик. Потом на ваших глазах быстро-быстро передвигает чашки, а вам предлагает внимательно следить, а потом угадать, под какой из них шарик.

Но вы ни за что не угадаете. Потому что шарик — отлично, очень незаметно раскрашенный под каменный или деревянный — на самом деле из поролона. И если вы угадали чашку, наперсточник просто прижимает этот крохотный мягкий комочек пальцем. А вы смотрите: опять под чашкой нет шарика!

Ольга сейчас делала примерно то же самое. У нее в каждой руке было по такому шарику. И она один из них зажимала между пальцами, а

другой предъявляла удивленному Робину: дескать, снова ты ошибся!

Но фокус этот не может продолжаться вечно, надо как-то из него выходить. И вот Ольга в очередной раз подставила кулаки для угадки, Робин, уже сердясь немного, ударил по одному из них. Ольга раскрыла ладонь — нету шарика. Потом улыбнулась, раскрыла вторую ладонь. И там нету шарика!

— О! — сказал один из охранников. — Куда ж ты его девала?

Ольга быстро сунула руку к нему в карман... конечно, только сделала вид, что сунула туда руку, а на самом деле всего лишь дотронулась до мальчишки. Однако на ладони у нее оказался шарик!

— Здорово! А еще так сделай...

Она теперь вынула шарик из уха у второго охранника. Тут уже раздался настоящий хохот, и Робин попросил... при этом в голосе его уже не слышалось ни обиды, ни настороженности:

— Как ты это делаешь?.. Покажи!

Однако Ольга отрицательно покачала головой:

— Не могу. Это чужой фокус и чужая тайна.

На самом деле она сейчас соблюдала железное правило иллюзионистов: никогда не раскрывать своих трюков. Иначе зритель будет разочарован. А это плохо и для него, и для артиста.

Глава VI

СМЕРТЬ ДУБЛЕНКИ

еще немножко они поговорили про фокусы и про фокусников. Но уже не было ни обид, ни подозрений. Робин махнул рукой:

— Ладно, аллах с ним! Тут концов все равно не найти, — потом уже посмотрел на Олега, который почти не участвовал в Ольгином пред-

ставлении. — Пойдете с нами... на операцию? — посмотрел на близнецов испытующе: — По правде, не собирался вас брать, потому что сперва надо пройти испытательный срок. Но в качестве наблюдателей, думаю, можно... Сейчас все обсудим с рыцарями Круглого стола.

Время между тем приближалось к четырем, тем самым, в которые Ольга и Олег должны были сюда прийти. И вот в штаб один за другим стали приходить мальчишки. Ольга всех их знала — видела в школе, в своем или в параллельных классах.

Но вроде как не знала вовсе. Они здесь становились серьезными, таинственными. Неторопливо рассаживались на стулья вокруг овального стола. Перекидывались странноватыми для постороннего репликами:

- Как дела, сэр Генри?
- Благодарю вас, сэр Питер, все в порядке.
- Вам удобно, я не задел вас?
- О нет, не беспокойтесь, сэр Арчибальд!

И так далее и тому подобное. Ольга смотрела во все глаза. А Олежка, так тот просто балдел. Оно и понятно: рыцари, тайное собрание, благородные разбойники!

Робин Гуд представил Ольгу и Олега. Сказал, что они цирковые артисты, что «хотят участвовать в нашем общем благородном деле».

- Хотите?
- Да! — быстро проговорил Олег.

А Ольга промолчала. В общем-то, она не знала точно, хочет этого или нет. Но тут получилось, что Олежка ответил как бы за них обоих... Ну ладно. Раз так вышло, пусть так оно и будет! На ее молчание, собственно, никто особенного внимания не обратил: чего там девчонку слушать, когда ее брат сказал твердое мужское «Да!».

Она, кстати, была здесь единственной девочкой. И, по идеи, должна была дрожать по этому поводу от волнения и благодарности.

— Теперь слушайте, рыцари, мой план! — сказал Робин торжественно. — Если будут какие-либо уточнения, прошу!

Рыцари в ответ сдержанно зашумели, мол, какие могут быть еще уточнения, если сам Робин Гуд разрабатывал план... Такие тексты, по правде говоря, не особенно понравились Ольге. Слишком уж его превозносят, этого Робина! Хотя, как говорится, поживем — увидим.

Кстати, план у Робина был довольно толковый. Уж Ольга-то понимала в планах — сама их столько насоставляла, что и не перечесть!

Я не буду здесь пересказывать замысел Робин Гуда, по вполне понятным причинам — чтоб вам интересно было узнать, как все происходило.

И вот они всей компанией, но как бы отдельно друг от друга сели на автобус «четверку» и вышли на остановке «Улица Льва Толстого».

— Вот он, его «Мерседес», — тихо сказал Робин.

Близнецы, которые на этот раз участвовали в качестве наблюдателей, кивнули еле заметно и пошли к внушительной, ослепительно сверкавшей машине светло-бежевого цвета. Сели на скамейку недалеко от того места, где должны были происходить события. А солнышко обливало их из своей щедрой лейки, а кругом была такая апрельская синева, что и не передать.

Ольга сперва не обратила внимания, что на лобовом стекле машины, под «дворником», лежит какая-то бумажка. Как Ольга потом узнала, ее подложил тот самый Синцов, с которым у близнецов уже были известные нам «отношения».

И вот наконец к машине подошел человек в дубленке под цвет его «Мерседеса». Ольга, может, и не подумала бы об этом, но семенящая рядом с ним девица довольно визгливым голосом что-то сказала про дубленочку и про «мери-на». А хозяин машины довольно хохотнул.

Тут он заметил клочок бумаги, вынул его то-

ропливо, прочитал, оглянулся кругом, никого подозрительного не обнаружил, небрежно скомкал записку и бросил в грязь, которой в этом весеннем дворе более чем хватало.

Близнецы не знали, что это за бумажка такая, а она предлагала господину бизнесмену такому-то передать 500 долларов США на нужды бедных людей. Для этого господину такому-то надо... И дальше рассказывалось, куда и как он должен положить деньги.

Господин же, как видно, оказался с достаточно крепкими нервами. Да и если обращать внимание на каждого вымогателя, просто никакого здоровья не хватит и никаких денег!

Он открыл дверцу, усадил в машину свою писклявую даму, которая была накрашена и вообще *расфуфырена* — просто дальше некуда!

Как только дверца за самонадеянным бизнесменом захлопнулась, сейчас же в лобовое стекло его машины ударили град стальных шариков. Причем откуда они прилетели, определить было невозможно. Все произошло слишком быстро. Но, так или иначе, стекло разлетелось вдребезги. Ольга никогда такого не видела! Зрелище что надо!

Мужчина сперва упал на сиденье, думал, на-верное, что в него стреляют из автоматического оружия — длинной очередью. Но потом понял — это из рогатки, и выскоцил из машины. За ним рванула и его девица. Но бизнесмен даже ругнуться не успел, потому что в его прекрасную дубленку ударил новый шквал, только на этот раз не шариков, а чего-то не совсем понятного. Потом, уже в штабе, Ольга смогла исследовать эти снаряды. То были небольшие полиэтиленовые мешочки, наполненные масляной краской — красной, синей или черной.

Когда такой снарядик ударяется во что-нибудь — в дубленку, например, — на мишени остается несмыываемое, ничем не выводимое пятно.

Бизнесмен буквально осталбенел от произошедшего. Потом дернулся, хотел куда-то побежать, кого-то заловить. Но ловить было совершенно некого. Мешочки прилетели неизвестно откуда — как и подобает... снайперским пулям.

Только одно было понятно: стреляли какие-то... ну, в общем, не взрослые люди.

Он уставился на близнецов. Но те настолько мирно сидели на своей лавке, что... ну просто не придерешься! Во дворе находилось еще несколько человек «подходящего возраста». Однако и они — сразу ясно — не имели к этой истории никакого отношения. Тогда бизнесмен прогрохотал проклятия в адрес неизвестно кого и, не глядя на девицу, потопал обратно в свой подъезд. А Ольга и Олег посидели еще минутки две-три — чтобы не привлекать внимания своим стремительным уходом, и пошли на автобусную остановку.

Конечно, хотелось заехать в штаб, потолковать с Робином про эту историю. Но у близнецов уже вовсе не оставалось времени. Надо было перекусить, а потом отправляться в цирк на репетицию. А там уже и вечернее представление приближалось.

Глава VII

ХРУСТАЛЬНЫЕ КАБЛУКИ

 в этой школе перед началом уроков все ученики строились на линейку... Такой здесь был, может быть, немного устаревший, но тем не менее надежный способ общения учеников с директором. Десять минут линейки, и все всё знают, без всяких слухов и сплетен. То есть в принципе удобно, хотя и надо приходить и, соответственно, вставать из-за этого пораньше.

На следующее утро, кроме обычного — кто сегодня дежурный по школе, да какой класс лучше всех убрался, кто вчера отличился в учебе (одна девочка из пятого класса умудрилась получить пять пятерок — это же буквально сам Гиннесс в обморок упадет), — в общем, кроме всего обычно-школьного — директор еще грозно объявил, что за безобразное поведение на уроке биологии учащемуся седьмого «В» Кудинову Роберту объявляется строгий выговор с занесением в дневник.

Тут директор приказал Робин Гуду выйти из строя и долго, причем, надо сказать, очень качественно, его отчитывал — с разными примерами из жизни и литературы. Далеко не все учителя и даже директора так умеют. Но этот умел... имя у него, кстати, тоже было нетрадиционное — Игнатий Фаддеевич.

— Проступок твой столь значителен, а главное, столь... — директор остановился, стараясь найти нужное слово. — Да просто низко это было с твоей стороны! Евгения Петровна действительно отвечает за твою жизнь. Но шантажировать ее этим... по-моему, гадко!

Робин стоял красный, как... да Ольга и не знала такого предмета, который мог бы сравниться с его краснотой!

— Я хотел тебя выгнать из школы, — продолжал Игнатий Фаддеевич, — но за тебя заступились... — тут он сделал паузу. — Как ни странно, заступилась Евгения Петровна Лебедева, та самая, над которой ты так нагло издевался. Она по-товарищески просила меня оставить тебя в школе. И даже родителей не вызывать... Стань же в строй, Кудинов, и пусть тебе будет стыдно, если, конечно, твоя душа еще способна на такие эмоции!

Так вышло, что на линейке Робин Гуд стоял с ней рядом, и Ольга видела, как он сейчас закусил губу... До крови!

Ольга хотела ему что-нибудь сказать — утешительное. Но Робин перехватил ее взгляд, отрицательно покачал головой:

— Не расстраивайся, Олечка. История будет иметь продолжение. Тут дело не в Кудинове, а в Робин Гуде. Его имя и честь полоскать не имеет права никто!

— Ты Игнацию хочешь отомстить? — спросила она почти со страхом.

— Зачем же мстить топору? — Робин Гуд усмехнулся. — Надо мстить палачу... Улавливаешь разницу?.. Я бы даже сказал: палачихе! — Он пристально посмотрел на Ольгу: — Ты хочешь мне помочь?

— Нет!

— Жалко, — Робин Гуд дернул плечом. — Ну что ж, обойдемся без тебя!

Это прозвучало как наказание.

Ольга ничего не ответила, не знала, как ответить. Повернулась, чтобы уйти, потому что линейка была окончена, сразу все составные части этого еще секунду назад такого ровного строя размагнитились, линейка распалась, превращаясь в толпу. Народ потоками потянулся в разные стороны... И все же Ольга решила закончить разговор, не уходить от Робина побитой собакой.

— Эй! — она решительно взяла его за плечо.

Робин Гуд обернулся. На лице его было написано удивление: мало кто позволял себе такое. «Ничего-ничего, — подумала Ольга, — ты меня еще узнаешь... если на то пошло!»

И совершенно спокойно, словно хотела попросить тетрадку по алгебре — задачу списать, сказала:

— Раз уж я в этом участвовала, ответь мне, пожалуйста, почему вы решили напасть на того... с «мерином»?

Робин Гуд внимательно посмотрел на нее, усмехнулся:

— Изволь, отвечу тебе, Ольга. Он подлец и вор. Состояние свое нажил нечестно!

— Ты с ним знаком? — спросила просто так, чтобы продолжить разговор, может, на чем-то поймать Робин Гуда. Ведь Ольга на него злилась.

— Лично — нет! Но дела этого подонка знаю!

— Откуда?

— Ну... поступает кое-какая информация!

— Какая, откуда?

— Извините, мисс. Тут я ничем помочь вам не могу.

— Почему же?

— Да потому что это тайна. И *тебе* ее я открывать не намерен!

На перемене после достаточно удачно прожитого урока она передала их разговор Олежке.

— Ну а почему Робин должен нам доверять на сто процентов. Тем более ты отказалась ему помочь.

— А ты разве согласишься?

Олежка уловил обиду в ее голосе:

— Ну чего ты, Оль?.. Надо же сперва узнать, что за помошь, правда?

Это, конечно, было бесспорно. Ольге нечего было ответить, кроме как «лупить бараньими рогами в стену», как говорит бабушка. И она сказала:

— А про этого... бизнесмена? Ведь он все выдумал, согласись!

Но сама чувствовала, что ничего Робин Гуд не выдумал, что бизнесменчик тот действительно довольно противный и подозрительный тип... Хотя по внешнему виду нельзя судить о человеке. Но по тому даже, как он шел к своей ненаглядной машине, а та девица — за ним вприпрыжку, уже по одному этому очень многое можно было понять!

Олег посмотрел на нее и, конечно, догадался, о чем она сейчас думала. Сказал примирительно:

— Ладно тебе, Олек. Сама же чувствуешь... А если он тебе не нравится, то нельзя же из-за этого...

— А тебе нравится?

— Ну...

Олежка замолчал, а потом вдруг довольно решительно кивнул.

— И ты хочешь с ним... продолжать... знакомство?

Новый кивок.

Ольга буквально не знала, как ей быть. Не ссориться же с Олежкой!

Да она просто и не знала, как это делается! Не могла себе представить такого... Эх, может, взять да и наплевать на то, что ей *кажется*, и пойти в солдаты к Робин Гуду?.. А там поглядим!

Третий урок у седьмого «В» был физкультура, и ее проводила как раз Евгения... Евгеша. Они сегодня должны были разучивать новый комплекс по аэробике. Это делалось обычно в просторном актовом зале, потому что на аэробике ведь каждый занимает, так сказать, «много места», а физкультурный зал в этой школе был тесноват.

Им пришлось переодеваться в классе. Сперва девочки, выгнав мальчишек, потом мальчишки. Урок начался соответственно с опозданием. И все же начался. Ольге было любопытно, как поведет себя Робин Гуд. А он не повел себя никак. Сидел на стуле у стены — в своих обычных джинсах и вельветовой рубашке.

— А что же ты, Кудинов? — решительно спросила Евгеша.

— Не могу, — ответил Робин, вставая со стула, — у меня травма.

— Вот как? — Евгения, конечно, не поверила его словам. — И какая же у тебя травма?

— Душевная!

Евгения рассмеялась, и многие вслед за ней. Классу показалось, что инцидент исчерпан. А это

всегда хорошо... И Евгении, кстати, тоже так показалось. И Ольге тоже!

Со спокойной душой все принялись за музыкальную гимнастику. А Евгения Петровна, кстати, оказалась очень даже неплохой аэробисткой, несмотря на некоторую полноту. Двигалась она здорово — красиво и гибко. И дыхание у нее было хорошее. А ведь ей приходилось не только всем все показывать, но и самой «прыгать» вовсю, да еще и вести счет, подсказывать, какое упражнение идет следующим.

За танцами Ольга совсем забыла про Робин Гуда. До той минуты, когда вдруг в дальнем конце зала Круглов и Зализняк затеяли драку — ни с того, ни с сего. Конечно, сразу танец сломался, все повернулись на шум. Евгения кинулась разнимать драчунов... И тут словно бы кто-то хлопнул ее по плечу. Ольга обернулась — Робин Гуд, никем не замеченный, быстрой крадущейся походкой дошел, почти долетел до маленькой комнатки, артистической уборной, в которой переодевалась Евгеша — по крайней мере, оттуда она вышла в оранжевых лосинах, зеленой майке и кроссовках.

Теперь Робин скрылся в той комнатке. А драку почти сразу удалось прекратить — Евгения их пристыдила — и кончен! Урок снова поплыл по своему обычному руслу. Но еще минут через двадцать, уже где-то перед самым звонком, опять начался конфликт — теперь между Барановым и Чукиным. Поскольку это было прямо около Ольги, она могла заметить, что дерутся мальчишки не по-настоящему. Да и чего бы им драться, если они оба из команды Робин Гуда. Еще вчера в штабе: «Вы не возражаете, сэр Арчибалд?» — «О, конечно, сэр Тобби!» Теперь же они мутузили друг друга, а главное — произнесли совершенно *иные* слова.

И тут Ольга подумала, что ведь и Зализняк с Кругловым тоже рыцари из окружения Робина. Вернее, она поэтому и обернулась — чтобы по-

смотреть, как Робин будет реагировать на скору своих подчиненных.

И теперь Ольга снова обернулась, посмотрела на дверь той комнатки раздевальной... Так и есть: оттуда метнулась серая стремительная тень. Робин сел на стул у стены, углубился в чтение какой-то газетенки...

Якобы углубился в якобы чтение!

Зачем ему это все понадобилось?

Теперь уж Ольга не сомневалась: обе драки — инсценировка. По приказу Робина.

Стало быть, бедную Евгешу что-то ожидает!

Ольге очень хотелось как-то ее предупредить. Но ведь это, сами понимаете, называлось бы «заточить». Что является в школе самым страшным грехом... Вот в том-то и дело!

Прозвенел звонок, Евгения пожелала им счастливо доучиться сегодняшний день и отправилась в свою комнатку, чтобы надеть платье, туфли на каблуках ну и так далее. А они, седьмой «В», потянулись к выходу. Но вдруг получился какой-то затор. Это их Зализняк остановил:

— Господа учащиеся! — крикнул он. — У досточтимого рыцаря Робин Гуда есть к вам большая просьба — задержаться на несколько минут. Вас ждет интересное зрелище.

Народ в классе вообще-то уважал Робин Гуда. Хотя бы уже за то, что слава о нем шла по всей школе. А одновременно и класс их становился знаменитым. Стоило только сказать: «Да я же из седьмого «В», как твой собеседник воскликнул:

— А, понятно! Это где Робин учится?

Ребят из седьмого «В» уважали, они были как бы школьными аристократами. И все из-за него!

Поэтому теперь, когда Толька Зализняк произнес свою фразу, народ покорно и в то же время с любопытством остановился у дверей. Ждать им пришлось недолго, потому что из актового зала вышла Евгеша, совершенно преображенная и на очень высоких каблуках. А дело в том, что она

была довольно-таки низкого роста и, несмотря на свою полноту, смотрелась, что называется, «бомбочкой». Вот и вынуждена была как можно сильней «подкаблучиваться».

Улыбаясь, Евгения шла сквозь толпящийся народ — довольноная собой, приветливая тетенька. А седьмой «В», по жесту Зализняка, следовал за ней. Это была довольно-таки живописная процессия.

И вдруг Ольга услышала:

— Ой! Ребята, кончайте! Верните портфель!

Это пропищала Маша Неделина, самая крохотуля. Ее обижать было просто свинством. И Ольга со всей решительностью повернулась на крик... Вернее, только собираясь повернуться, потому что мимо нее, буквально в нескольких сантиметрах пролетел портфель, — ясно, неделинский. Ольга невольно отпрянула.

А портфель-то былпущен опытной и меткой рукой. Он лег точно под каблуки Евгении Петровны. И дальше произошло... буквально чудо. Десятисантиметровые каблуки ее вдруг подломились, словно были не с железным, а с каким-нибудь хрустальным стержнем внутри. Евгеша ахнула и тяжело — под тяжестью своего веса — плюхнулась на ступеньку. Но не на ступеньку на самом деле, а на Машкин портфель. И на нем, как на санках, скатилась по лестнице прямо в двери четвертого этажа — соответственно под визг и хохот чуть ли не всей школы. Потому что это ведь была большая перемена, то есть великое переселение народов — кто толпой двигался в другой кабинет, кто рвал когти в буфет — ухватить пирожечка с капусточкой, кто надеялся проплыть на школьный двор, чтобы поиграть в «отмерялы». Но, так или иначе — зрителей полно. И вдруг на них наехала несчастная Евгеша.

Это был, конечно, позор на веки вечные!

Глава VIII

КЛОПФЫ ДЛЯ ПРОСТОЛЮДИНКИ

то была великая месть! — Робин Гуд стоял в окружении своих рыцарей. Они все находились в самом приподнятом настроении.

Дело в том, что в класс приходил сам Игнатий, но ничего не мог добиться.

— Кто бросил портфель, Неделина?!

— Я не знаю!

Она и в самом деле не знала. А как тут узнаешь? Толкучка, портфель словно бы сам собой вырвался из рук.

— Ну, значит, мне придется наказать именно тебя!

— За что же, Игнатий Фаддеевич! — Машка готова была разрыдаться. — Я-то здесь при чем?

— Портфель твой?.. Значит, будешь отвечать. Вплоть до исключения с «волчьим билетом»!

Никто толком не знал, что это за «волчий билет». Якобы такая справка — никуда тебя с ней не примут! Но теперь в очень многие места вообще не требуется никакого документа. А тем более Машка ни в какие институты международных отношений или в экономическую академию не рвалась. Она хотела быть закройщицей и потом открыть свое маленько ателье.

То есть этот «волчий билет» был ей в принципе не страшен. Но Машке было ужасно, что ее ругают, на нее кричат! А зачем кричал Игнатий, всем тоже, к сожалению, было понятно. Он орал на невинную овечку Машку, чтобы признался настоящий виновник.

Но тот, кто это сделал, не был дураком — просто так идти в объятия огнедышащего дракона. Тут дело не в трусости, а просто глупо: ведь Машке-то ничего не будет в результате. Да если

Игнатий только начнет, можно в отдел народного образования такую телегу накатать — сам разрыдаешься!

Директор, между прочим, это преотлично понимал. Он скинул класс суровым взглядом:

— Так не будете признаваться? Хотите, чтоб я все-таки Неделину исключил?.. Отлично. Так и сделаем. Неделина, собирай вещи!

— Несправедливо будет, Игнатий Фаддеевич, — сказал Робин Гуд спокойно.

— Несправедливо?.. Ну так признайся! Ты же у нас защитник слабых и больных!

— Во-первых, Маша не больна ничем. А во-вторых, я именно ее и защищаю. Говорю, что если вы начнете ее преследовать, то наш класс...

— Что... «ваш класс»?!

— Да в «Московский комсомолец» заметку напишем, — сказал Робин задумчиво. — Про то, что человеку нанесли несправедливую моральную травму.

Класс буквально замер в восхищении. Игнатий в результате так и ушел ни с чем. Хотя он, конечно, догадывался, кто это все сотворил. И все как бы знали: это сделали люди Робин Гуда... Ну и сам, конечно, Робин! Однако доказательств ни у кого не было.

Только Ольга могла бы рассказать, как Робин Гуд пробрался в артистическую уборную, а потом выскоцкнул оттуда. Но ведь она не могла об этом говорить — по вполне понятным всем причинам.

Она только могла клеймить Робина, не называя его имени. Сейчас, после ухода Игнатья, классный час сам собою кончился — никого из взрослых с ними не осталось: директор ретировался, классная руководительница, она же Евгеша, вообще отбыла из школы в неизвестном направлении. А они сидели в ожидании звонка, чтобы на законных основаниях разойтись по домам.

Вот тут-то как раз Робин Гуд и расхвастался своей «великой местью». Причем не говорил, что это именно его рук дело. А просто, дескать: «Евгешка заслужила такой урок судьбы. Портфель Машкин вырвался сам собой, но вырвался он очень по делу».

Тут надо заметить, что народ вообще-то не умирал от любви к биологине. И поэтому, когда Ольга сказала, что месть была не великая, а жестокая, и в этом — для честного человека, конечно! — есть большая разница, народ ее идеи не воспринял. С нею не стали ссориться — все-таки Ольга артистка цирка, тоже звезда класса и школы. Но и поддерживать не стали.

Когда спускались по лестнице, рядом с ней оказался Робин Гуд:

— Хотел вам заметить, мисс, что жестокости не было. Только стремление привести в жизнь намеченный план... Естественно, я говорю не про себя лично. А просто так... Рассуждаю.

Ольга не стала ему отвечать, пошла быстрее, догнала Машу Неделину, обняла ее за плечи:

— Вот же, Маш, бывают в жизни злые шутки! Ни за что ни про что чуть из школы не вылетела.

Машка махнула рукой куда-то вдаль, видимо, имея в виду Игнатия:

— Да меня бы Робин защитил!

Надо же! «Меня бы Робин защитил». А то, что она попала в это нелепое положение, разве не его вина? Ну, Машка-Машка! Однако объяснить ей что-то Ольга не стала.

Некоторое время они шли молча. И уже в самом низу Ольга вдруг спросила:

— А ты не знаешь, Маша, где Евгения Петровна живет?

— Евгеша?.. А зачем тебе?

Ольга посмотрела ей прямо в глаза:

— Да просто мне ее жалко!

В глазах у Машки промелькнула растерянность. Она как бы подзабыла, что Евгения тоже

человек, а не боксерская груша. А теперь вспомнила...

— Ты ей, что ли, сказать хочешь?..

— Я к ней просто хочу сходить!

Они посмотрели друг на друга.

— Ладно, записывай адрес: улица Речная, дом восемь, квартира тринадцать.

Ольга посмотрела на нее удивленно. Она-то думала, что придется выслушивать долгие объяснения, как дойти до такого-то дома, повернуть туда-то и там еще спрашивать... А дело было в том, что Машин дед Вячеслав Михайлович имел старорежимную привычку поздравлять всех, кого возможно, с разными праздниками. И внучку заставлял это делать. У Марьи же таких «адресатов» набиралось немного, ну и, короче, она запомнила...

Ольга попробовала найти глазами Олежку, но тот шел в компании рыцарей, они о чем-то договаривались, и лицо у Олежки было заинтересованное до ужаса и веселое. Они затевали что-то нечестивое и, похоже, любопытное... Эх, любому, кто на них посмотрит сейчас, станет завидно.

Выходит, и для Олежки Евгеша была «боксерской грушей»!

Ольга резко остановилась, повернула в сторону буфета. Хотя он был сейчас, наверное, уже закрыт. Остановилась за колонной в школьном вестибюле... Да, она осталась совершенно одна. А главное — без Олежки. Но все равно она доделает, что собирается!

Улица Речная... Это, как объяснил ей человек с черными блестящими усами, довольно далеко. А хотелось есть. И поесть надо было именно сейчас — чтобы не идти на репетицию с тяжелым брюхом. Тем не менее пошла на остановку... Транспорт в этом городе ходил хорошо. Видать, мэр тут хороший, заботился о людях. И о приезжей Ольге он тоже заботился. Трамвай, потертый, правда, весь дребезжащий такой, при-

шел буквально минут через пять. И еще минут десять Ольга ехала мимо разнокалиберных домов, думая о родной Москве и одновременно вспоминая другие города, где ей совсем недавно пришлось побывать — такая уж судьба артиста!

В общем, за этими мыслями она незаметно доехала до нужной остановки. Евгения жила в пятиэтажном доме без лифта, на четвертом этаже. Ольга шла, стараясь не читать, что там написали разные умные люди семи-пятнадцати лет... Ужас какой-то!

Наконец остановилась перед дверью, на которой висела железная табличка с номером 13. И тут Ольга поняла, что воспоминания о Москве и других городах, мысли про «настенных писателей» и так далее и тому подобное были только для того, чтобы не думать, как она сейчас позвонит в эту дверь... И что скажет!

А что ей говорить-то? «Я видела, как Кудинов Роберт...» Но ведь это невозможно!

И скорее, чтобы окончательно не умереть от страха, надавила на звонок.

Долго ей не открывали, Ольга даже успела трусливо обрадоваться, что, слава богу, никого дома нет...

Фиг-то! Дверь вдруг открылась, даже можно сказать, распахнулась. Кстати, в ней не было смотрового глазка, а хозяйка даже не поинтересовалась, кто там. Просто открыла, и все.

И Ольга сразу поняла, почему ей так долго не открывали — глаза у Евгении были заплаканные, а вернее даже будет сказать, зареванные!

— Здравствуй, Оля, — произнесла Евгеша и улыбнулась невольно. Ведь они виделись сегодня, причем всего часа два назад.

— Меня просили... — начала Ольга давно заготовленную фразу.

И остановилась. Совершенной чепухой показались ей слова про то, что ребята попросили ее, Ольгу, сходить к учительнице, чтобы спросить...

Евгения, конечно, не могла знать, что там Ольга нагородила в своей голове. Но поняла, что не стоит у нее высматривать, кто и зачем послал — никто ее не посыпал!

— Пойдем...

Евгения пошла в комнату, а Ольга за ней. Сразу было видно, что здесь жил далеко не богатый человек. И вся обстановка колченогая, и общарпанность чисто вымытого пола, и стены, которые были доклеены кусками других обоев — просто какие были. Правда, Евгения делала это в виде разных там рыб да цветов. Но почему это делается, было Ольге слишком понятно — потому что новые обои купить денег нет!

Это была однокомнатная квартира. И они остановились в тесном коридорчике. На распутье, так сказать: то ли в кухню идти, то ли в комнату.

— Ты есть хочешь? — вдруг спросила Евгения.

Секунду Ольга колебалась, как ответить...

— Да!

Тогда и Евгения на мгновение замешкалась, потом... чего уж там скрывать-то.

— Только у меня одна каша! — и улыбнулась с какой-то отчаянностью.

— Вот и отлично! — воскликнула Ольга.

— Отлично? — это Евгения произнесла напряженно. — Что же тут «отличного»?

— Да потому что мне есть ничего вкусного не положено! — Ольга улыбнулась. — А кашки будет в самый раз.

И стала рассказывать, как им приходится держать диету, как вообще они живут — цирковые люди.

Евгения Петровна слушала ее внимательно и в то же время с какой-то странной улыбкой. Наконец сказала:

— Представляешь, а я ведь тоже мечтала стать циркачкой!

Вот это был сюрпризик.

— Правда-правда! — Евгения видела ее изумленные глаза. — Я собиралась стать трюкачкой, а может, это называется *трюковица*?.. — она вопросительно посмотрела на Ольгу. — Ну, кто под куполом цирка такие, знаешь, головокружительные штуки выделяет.

Ольга не стала ее поправлять — что это называется воздушные гимнасты. Слушала, улыбалась и кивала. А Евгения рассказывала, как она бегала по разным студиям, по самодеятельным циркам.

— Ну и, в общем, у меня ничего не получилось! — она махнула рукой. — А могла бы с тобой в одной труппе выступать.

Глянув друг на друга, они улыбнулись полной несбыточности этих слов.

И тут же Евгеша спросила:

— Скажи мне, ты сама пришла?

Нет, Евгения Петровна давно уж не была цирковой. Она с ног до головы была учительницей... училкой. Но ее слова не застали Ольгу врасплох. Она подождала секундочку, чтобы перевести дыхание после такого неожиданного удара:

— Я пришла по поручению комитета в защиту Евгении Петровны Лебедевой, — и улыбнулась.

Евгения теперь значительно внимательней посмотрела на нее:

— По-нятно... И кто это сделал, ты мне тоже не скажешь?

Ольга в ответ пожала плечами.

— Ну да, конечно — солидарность!

— Я же просто не могу, Евгения Петровна! — таким тоном это у нее получилось, как будто она воспитаннице детского сада объясняла прописные истины.

— А ты знаешь, что он подлец?

Евгения вдруг встала, подала Ольге... свою туфлю. Только секунду Ольга не понимала, в чем дело. Но едва перевернула туфлю подметкой

квержу... Каблук был сломан. И на нем отчетливо виднелся подпил. Так вот чем занимался Робин Гуд в той комнатке!

— Мало того, что я опозорилась перед всей школой, — Евгеша покраснела. — Это у меня, Оля, единственные приличные туфли. Я просто не представляю, в чем на работу завтра...

Тут в глазах у нее снова встали слезы. Но выкатилась только одна — видать, Евгеша, как все опытные учительницы, умела сдерживаться. Зато уж эта слеза была такая крупная, каких Ольга в жизни своей не видывала. Она, словно маленький трактор по горам по долам, ползла по Евгешиной полной щеке.

— Он у меня за это заплатит, клянусь!

Да, точно: на войне не бывает правых и виноватых. И Евгения готова была поступить с Робин Гудом еще, может быть, суровей и злее, чем он с ней.

Ольга посидела еще минут пять и ушла. В общем, этот визит можно было считать неудачным. Хотела утешить Евгению, но не утешила. Только узнала, что учительница мечтает отомстить. И в результате своей сердобольности она еще и испортила с ней отношения: Евгеша просила, чтобы Ольга настучала, а Ольга отказалась. Теперь Евгеша будет иметь на нее зуб. Еще подумает, что Ольга приходила к ней как шпионка!

Под эти не очень веселые размышления она села в трамвай. Думала, глядя в окно, о чем-то якобы постороннем. Но при этом вышла на две остановки раньше. Причем вовсе не по рассеянности, а чтобы... в штаб попасть. Как ни странно, визит к Евгеше дал ей возможность думать, что... Робин Гуд не такой уж злодей. Просто это война. Один противник старается нанести другому как можно больший урон. Вот теперь и Евгения готовится ударить Робин Гуда куда-нибудь в незащищенное место.

Дверь в подвал была заперта, но, приложив ухо к старой обивке, Ольга услышала там, внутри, голоса. И тогда она постучала — таким якобы условным стуком: два раза медленно, потом пауза, потом три раза быстро.

— Кто там? — спросили из-за двери через некоторое время.

— Честная крестьянка. Пришла искать защиты и помощи!

Ей сразу открыли. И она заметила, были довольны, что она пришла... Тут был и Олежка, между прочим.

— Ты где пропадала?

Он порывался обнять сестру. Но вовремя спохватился.

В ответ Ольга махнула рукой:

— Где мы были, там нас больше нет!

— Плачет-рыдает? — вдруг спросил Робин. — Сама виновата, не надо было со мной связываться.

Ольга посмотрела на него, что называется, «широко открытыми глазами»: ну ничего себе у человека поставлена служба оповещения. А Машка-то какова!

Однако эти все чувства и мысли Ольге пришлось крепко спрятать и держать в себе. Она только сказала, что Евгения сильно переживает из-за испорченной туфли.

Робин на секунду задумался:

— А скажи-ка мне, Маленький Джон, есть у нас что-нибудь в казне?

Толька Зализняк, который, оказывается, и был Маленьким Джоном — помните, был у настоящего Робин Гуда главный помощник с таким именем? — так вот, Толька Зализняк открыл стоящую на столе шкатулку, заглянул туда... Ольга была больше чем уверена: они и так знали, сколько в ней денег. Но ритуал есть ритуал. И Маленький Джон довольно заунывшим от

торжественности голосом ответил, что в казне сто пятьдесят гульденов.

Робин вопросительно посмотрел на Ольгу:

— Хватит этого несчастной старушке, чтобы купить себе клопфы?

— Чего?..

— Клопфами, — наставительно улыбаясь, пояснил Робин, — в старой добре Фландрии, на родине моего друга Тиля Уленшпигеля, называют деревянные башмаки, в которых ходят все простолюдины.

Ольга понимающе кивнула:

— Так вот, дорогой сэр Робин. Клопфы для обиженной одним якобы благородным разбойником простолюдинки стоят не меньше полутора тысяч!

— Елки-палки! — совсем не по правилам восхлинул Женька Круглов, он же сэр Тобби.

— Достанем! — уверенно сказал Робин Гуд. — Сегодня же вечером положим ей в почтовый ящик полторы тысячи.

— А если подсмотрят малолетние воришки?.. — проговорил сэр Тобби, который, видимо, хотел загладить свои «елки-палки».

— Не беспокойся, друг, — спокойно ответил Робин. — Мы попросим эту достойную женщину известить пострадавшую простолюдинку. Пусть только в другой раз она ведет себя достойнее!

Невольно Ольга улыбнулась.

— Не угодно ли присоединиться к нашей трапезе? — спросил между тем Робин Гуд.

Они пили фанту и ели... довольно-таки странные бутерброды: на ломти белого хлеба были положены... печенья. Ольга посмотрела на Олежку, тот пожал плечами. А в руке, между прочим, он держал именно такой недоеденный «бутерброд». Ольга усмехнулась:

— Давайте, аллах с ним!

Как говорится, двум смертям не бывать, а

одной не миновать. Тем более что кашей угостить Евгеша за разговором ее так и забыла.

Бутерброд по-робингудовски оказался, между прочим, довольно вкусным. А тем более с голодухи, а тем более сама фанта — отличная вещь. Между тем доставалась она Ольге крайне редко — все, естественно, из-за режима!

Глава IX

ГРУДА ЗОЛОТА

 ни, между прочим, были довольны, что Ольга пришла, что их скоре конец. И к тому же, как потом выяснилось, она им была нужна для одного дела... После таких новостей и самой Ольге стало проще жить. А то, в самом деле: Олежка там, она... «в противоположном лагере», как говорится.

Мальчишки за столом то начинали друг друга называть сэрами и говорить всякие высокопарные фразы, то переходили на простой человеческий язык. А Ольга помалкивала и слушала... Мужественно отказалась от второго «печеневого бутерброда» и укорила взглядом Олежку, который второй бутерброд принял лопать... если уже не третий!

— Ну что, пацаны, — в очередной раз сменив «сэров» на простой разговор, сказал Робин Гуд, — возьмем Ольку? Все же она была наблюдателем в начале этой операции... А теперь нам нужно, Оль, чтоб ты участвовала в ее finale... Не возражаете, досточтимая леди?

Ольга невольно улыбнулась, а потом пожала плечами: дескать, валяйте, говорите, в чем там состоит ваша операция.

Тогда Круглов-Тобби приподнял плетеную металлическую вазочку с печеньем — под ней оказались фотографии, три штуки.

Сэр Тобби по одной протягивал их через стол Ольге. На первой изображен был мальчишка лет восьми. Он сидел на корточках возле кошки, явно уличной породы. Дело происходило в каком-то дворе... чем-то Ольге знакомом.

На второй фотографии возле мальчишки стояли Круглов и Синцов, а тот смотрел на них, похоже, со страхом... Снимок вообще-то был не очень четкий, однако Ольга смогла понять, что физиономия у мальчишки удивленно-испуганная.

На третьем снимке — мальчишка... теперь уже видно, что напуган до полусмерти. Синцов держит его, а Зализняк грозно поднял руки, словно какой-то колдун.

— Что это такое? — спросила Ольга.

Хотя уже сама почти обо всем догадывалась. Потому что на третьем снимке она уже точно узнала двор. Вот на этой как раз лавочке они сидели с Олежкой и смотрели, как рогаточные снаряды летят сперва в лобовое стекло «Мерседеса», а потом в дубленку «эксплуататора».

— Это его сын, что ли? — спросила Ольга.

— Молодец, рубит! — поощрительно хмыкнул Синцов.

— Что же вы ему такое сказали? — довольно холодно поинтересовалась Ольга.

— Да ничего особенного, — беспечно улыбнулся Робин Гуд. — Что вы ему сказали, Монах Тук?

— Ну, вроде того, что зарежем и через мясорубку пропустим... И дальше в том же роде — чего рэкетиры в фильмах говорят! — Синцов за-смеялся.

Ольга смогла лишь головой мотнуть, потому что мальчишка на снимке, сколько могла передать любительская фотография «мыльницей», был от ужаса довольно-таки зеленого цвета.

— Да брось ты! — продолжал Робин, улыбаясь. — Пацаненку ничего не сделается. При его

жирной жизни такая встрясочка только на пользу. А папаша его — гад!

— Но почему же все-таки он гад?

Робин Гуд подумал секунду, как ответить.

— Ну, в общем... есть точные сведения!

— Какие?

— Есть, говорю тебе. Подробней пока ответить не могу! — сделал паузу. — На нас работает много добровольных информаторов. Они помогают благородной шайке под водительством Робин Гуда в их борьбе с мировым гадством! — так он выразился...

Вроде бы в шутку, а в то же время вполне серьезно.

Ольга глянула на братишку своего, тот чуть заметно пожал плечами, что, мол, не стоит, наверно, ей выделяться, потому что какие-то свои секреты эти ребята пока не могут им открыть — это вполне естественно.

— Короче, Оль, — продолжал Робин, — нам нужна твоя помощь... Сделаешь?

— А что надо?

— Позвонить, а потом еще кое-что...

И Робин Гуд изложил план операции, в которой Ольге отводилось... главная, не главная, но очень хорошая роль. Да кто же тут откажется!

В сопровождении Маленького Джона Ольга отправилась к автомату, набрала номер, который тот ей дал.

— Только ты не волнуйся, — шепнул Зализняк, из чего Ольга сделала вывод, что сам-то он как раз волновался.

Кивнула спокойно и сказала в трубку:

— Алло! Вы готовы к передаче денег?

— Готов! — очень неприветливо ответили на том конце провода. — Приезжай.

И потом еще прибавил «пару ласковых». Вернее, не пару, а куда больше, потому что он не мог остановиться минуты две. Наконец положил трубку.

Тут можно было дать сто процентов гарантии, что их будут ждать «компетентные органы». Бизнесмен это старался скрыть, но уж больно он злился на рэкетиров. И не считал их серьезными противниками. Ну да, он ведь почти точно знал: это ребята. Во-первых, к его сыну приставали именно пацаны, а во-вторых, кто же еще будет стрелять из рогатки, как не мальчишки?

— Это ничего, — сказал Джон-Зализняк. — Мы как раз тем и воспользуемся, что они нас всерьез не принимают.

— А зачем именно мне надо было звонить?

— А потому что у тебя голос писклявый, чтобы уж вообще они решили, что имеют дело с детским садом!

— Кто «они»?

— Ну, из охранного агентства... Он частных детективов нанял.

— А почему не милицию?

— Да потому, что такие типы, как он, милиции сами боятся! — и Зализняк засмеялся.

Тут ей пришло в голову одно сомнение, и она спросила:

— Слушай, Маленький Джон, а откуда вы все это знаете?

— Знаем! У Робина такие знакомства — зачакаешься! Ты видала, какой у нас штабчик первоклассный? Это ведь тоже...

Тут он понял, что сболтнул лишнее, и замолчал.

А тогда и Ольга подумала, что, в самом деле, откуда это у них все? Ведь одно дело ютиться где-нибудь на чердаке или в мокром подвале, ожидая, что в твой «штаб» сейчас завалятся бомжи, два года не мытые, или шпаны, которая клей «Момент» нюхает, или... да мало ли на свете всяких, извините, хмырей.

А здесь-то все чистенько, убрано. Хотя это они, конечно, сами такие молодцы. Но вот мебель, но вот само это отличное помещение — с

белыми потолками да с обклеенными обоями стенами, да с такой дверью прикольной, да с такими запорами. Да и с казной, кстати! Ведь откуда-то деньги у них берутся. И к вечеру достать полторы тысячи, чтобы Евгеше их в почтовый ящик сунуть, для очень и очень многих совершенно невыполнимое дело.

А для Робина выполнимое!

Ну, и теперь остается задать простой и... сложный вопрос: откуда это все у них?

И возникает слово СПОНСОР. Такое модное теперь.

Спонсор? Хм! Но кто может быть спонсом у благородного разбойника? Это вопрос, на который с ходу не ответишь.

Хотя, может быть, они сами зарабатывают?

Может, и сами, но кое в чем без взрослого не обойтись. Например, такой подвал заиметь. Ведь раз сюда «чужие» в дверь требовательно не стучатся, значит, он на кого-то записан — на взрослого человека.

Ладно. Об этом разузнаем позже. А пока надо идти на «дело», где у нее — хе-хе! — чуть ли не главная роль. Сперва хотели эту роль поручить Синцову, как самому маленькому. Но потом решили, что Ольга лучше, потому что она... девочка и до самого конца, до самого решающего момента останется незаметной для тех, кто будет рэкетиров ловить.

Когда они с Зализняком вошли в штаб, Ольга увидела вдруг, что Олежки нет. Заметив ее растерянность, Робин усмехнулся:

— Спокойствие. Он на особом задании!

— Да? И какое же оно?..

— Извини, тебе пока знать не положено!

Нормальненько! Получается, ей нельзя узнать, что делает родной двойняшка. На фиг ей сдалась такая конспирация! Но не хотела с ними сейчас спорить — не до того.

Они вышли из штаба. С задней стороны дома

лепилась небольшая пристройка, что-то вроде сарая, а может, гаража... Да, именно гаража. Когда Робин Гуд отомкнул дверь, Ольга увидела мопед — хороший, видать, совсем новенький, еще пахнущий заводской краской и блестевший, как блестят только новые веци.

Ольга с неодобрением покачала головой — она не доверяла мопедам. В городе Ростове ей пришлось пользоваться мопедом в одном рискованном деле. Так Олежка из-за этого чуть жизни не лишился, по-настоящему! Ольга сказала об этом Робину.

Тот улыбнулся в ответ:

— Отлично, что вы уже участвовали в таких делах... А про мопед можешь не волноваться. Ты же будешь работать не на нем.

Действительно, ей было отведено другое транспортное средство — велич... в смысле велосипед.

Робин Гуд еще раз сказал Туку и Тобби, где и во сколько они должны быть, а сам оседлал мопед... Ольга примостилась сзади, взяла Робин Гуда за плечи. Поехали!

По дороге туда Ольга вспоминала довольно-таки неприятный разговор, который она вела из автомата с «гадом-эксплуататором». В общем-то, по тому, как он Ольгу ругал, его вполне можно было назвать именно гадом — он ругался несусветно. Хотя и Ольга, между прочим, говорила ему далеко не самые приятные вещи. Она, собственно, их читала, вклиниваясь в «гадовскую» ругань.

— В течение ближайшего получаса, — говорила она. — Чтобы пакет с деньгами... сумма известна... чтобы он был на суху дерева, которое растет у вас во дворе. Сук отмечен красной ленточкой. Все понятно? Иначе будет плохо.

«Гад» в это время орал про то, что они потеряли всякую совесть, что в прежние времена, когда он был пионером и комсомольцем, такого...

— Мы ждем, — опять вклинилась Ольга. — Но ждем недолго. Потом пеняйте на себя. Будет хуже!

На этом все фразы, которые ей нужно было прочитать, кончились, и Ольга хотела просто повесить трубку, но не повесила. Ольге интересно и... странно было слушать «эксплуататора». Он ругался очень похоже на то, как ругается Игнатий Фаддеевич. То есть ни единого нецензурного слова, плюс он давил на совесть, старался — что было самым невероятным! — воспитать.

Но тут Ольга и Робин Гуд приехали, и Ольге некогда было дальше думать про «эксплуататора»... Это был какой-то двор. Здесь их встретил Маленький Джон и еще один парень из рыцарей, сэр Гарри. А как его звать по-настоящему, Ольга не помнила.

— Ну что? — спросил Робин.

— Полный о'кей! — ответил Джон.

Он дал Ольге велосипед, тоже, как и мопед, новенький, сверкающий и так далее.

— Опробуй! — сказал Робин строго.

Ольга без спора проехала круг по двору, потому что этот велик в ближайшие полчаса должен был играть в ее жизни очень важную роль.

— Теперь слушай еще раз, что тебе надо делать!

Ольга сдержалась, а на самом деле ей очень хотелось сказать: «Дорогой сэр! Я все запоминаю с первого раза!» Но Ольга спокойно выслушала Робина. План, кстати, был отличный! На первый взгляд казался путанным. Но, поскольку каждая деталь была продумана, план обязан был сработать, как часики.

И тут одна интересная мысль пришла ей в голову.

— Ты все это сам придумал? — спросила Ольга, изображая глубокое уважение.

— Ну... почти, — ответил Робин.

Так она и подозревала!

В смысле опять на горизонте проплыла тень «спонсора»... И дальше вопрос: а если Робин, все его рыцари, плюс Ольга, плюс Олежка — всего лишь безмозглые роботы в чьей-то игре?!

— Что там с частными детективами? — спросил Робин Гуд. — Они присутствуют?

— Сэр Арчибалд вывесил предупреждение, — ответил сэр Гарри.

Арчибалд почти с самого утра сидел в засаде на крыше дома, где жил «эксплуататор», и мог видеть все их приготовления. Сейчас он обвязал печную трубу на доме шарфом с эмблемой «Спартака». Это значило, что «гад» устроил засаду.

— Ну что ж, — Робин Гуд неторопливо кивнул. — Он за это еще поплатится... когда-нибудь. А теперь вперед! — это Робин сказал, явно волнуясь.

Но страха не было в его голосе!

Запустил мотор своего мопеда, кивнул Ольге: за мной! И поехал со двора. Ольга двинулась следом.

Дальше происходило несколько событий разом. Их, конечно, хорошо бы видеть воочию. Но поскольку перед вами всего лишь книга, довольствуйтесь тем, что есть!

Во двор, где на дереве с помеченной веткой висел некий пакет и «эксплуататор» сидел на лавочке чуть поодаль, ворвался мопед. За рулем был некто в омоновской шапочке, которая, как известно, закрывает все лицо, оставляя только дырки для глаз. На бешеной — по мопедовским, конечно, понятиям — скорости этот в шапочке стал носиться по двору. И тут из-за деревьев, из подъезда, еще откуда-то стали высекивать такие очень спортивные ребятишки. Но двор был достаточно просторен, и наемным спортсменам приходилось много бегать и прыгать. Но все без толку!

И в это же время во двор въехала девочка на

велосипеде. Не привлекая к себе внимания, она как бы кралась вдоль стены дома. А потом вдруг резко свернула к дереву.

Этого маневра от нее не ждали.

Но и не очень опасались чего-то подобного. Потому что, оказывается, сумка с деньгами не просто висела на дереве, а была прочно привязана хорошей веревкой. И тому, кто должен был брать доллары, предстояло порядком повозиться!

Однако эта существеннейшая подробность была учтена в плане Робина... или того «спонсора». Ольга, а это была она, за несколько метров от дерева, отпустила руль и поехала без рук. Для кого-то такое упражнение было бы невыполнимым номером, кому-то далось бы довольно легко. Ольга же чувствовала себя на велике без рук совершенно свободно. У них был такой номер когда-то: они ездили с Олежкой по арене и перекидывались летающими тарелочками, а Веста носится между ними и старается хоть одну тарелочку поймать. Так вот они гоняли по арене, не держась за руль, потому что... ну артисту цирка по-другому ездить просто неприлично!

Теперь, отпустив руки, Ольга неслась к дереву. Причем не просто неслась. Одной рукой она готовилась схватить сумку, а другой — перерезать веревку, которой нанятые охранники привязали авоську. То есть подлететь и просто схватить ее было невозможно. «Хватальщик» неминуемо должен был затормозить. На это рассчитывали, этим и собирались воспользоваться люди из охранной конторы. Но дело в том, что Робин — или его «спонсор» — предусмотрели этот фокус. Ольге заранее был выдан нож. И вот на ходу она подхватила сумку левой рукой, а правой полоснула по ручке.

— Эй, ай! — и что-то там еще кричали ей вслед. Из кустов вырвалась машина — и, казалось, путь велосипедистке перекрыт.

Но Ольга вильнула в сторону мусорных ба-

Отпустив руки, Ольга неслась к дереву. Причем не просто неслась. Одной рукой она готовилась схватить сумку, а другой — перерезать веревку, которой нанятые охранники привязали авоську.

ков, проскочила между ними. А машине — извините, дяденьки! — не проехать никак.

Пока те двое, что сидели в ней, выбирались наружу, Ольга промчалась метров пятьдесят по асфальтированной узкой дорожке, въехала в железную калитку, которая тут же захлопнулась, и кто-то — Олежка! — сунул в железные ушки замок и закрыл на ключ.

— Лети же, Оля! — крикнул он.

А преследователи уже ломились в калитку. Ольга нажала на педали. Оглянувшись, она увидала, как Олежка бросился куда-то вдоль забора. Преследователи в это время, помогая друг другу, перелезали через забор. Здоровые дядьки, могли бы отлично податься в каком-нибудь кафе — вообще в замкнутом помещении, где не надо много двигаться, но лазить по заборам оказалось им не с руки.

Когда они оказались наконец на той стороне, Олег уже затаился под старыми бревнами. Ольга же, выскочив в следующий двор, окинула его быстрым взглядом. Ага — вот она, открывая дверь парадного. Прямо на велике Ольга влетела туда. Бросила велосипед, схватила с перил плащ, косынку, стремительно нацепила на себя.

Вышла из подъезда совершенно другая девчонка. И даже походку изменила — переваливается с боку на бок уточкой, как делают совершенно неспортивные девицы, которые только и умеют, что красить губы да нести по телефону всякую ахинею. Совершенно спокойно прошла она мимо двух «шкафов» — взлохмаченных, неровно дышащих, с глазами, которые рыскали по сторонам в поисках той вертушки на велосипеде.

«Утку в плаще» они просто не заметили. И только потом, когда они обнаружили в подъезде брошенный велосипед и пустую сумку, «шкафы» сообразили, как они «лопухнулись». Побежали на автобусную остановку, стали спрашивать.

Да, ответили им, вроде видали, но куда она поехала, на каком автобусе, не могли вспомнить.

На самом деле Ольга никуда не поехала, вернее, просто «для блэзира» проехала одну остановочку, а потом выскочила и через дворы побежала на улицу Щорса, в штаб.

Там уже все были в сборе. Ольгу встретили буквально как героиню. Провели на почетное место, рядом с Робин Гудом. Ольга стала доставать из всех карманов кипы денег и выкладывала их на стол. А рыцари кругом вопили и веселились, вспоминали, как они клево поработали.

И Робин Гуд подтвердил, что действительно работа получилась что надо! Взял денег, сколько уместилось в ковшике из двух ладоней, подкинул разноцветные разномастные бумажки. Они снова упали на стол.

— Здесь должно быть пятьсот долларов, паньи, — сказал Робин, заметно волнуясь. — Сто, я считаю, имеем право пустить на пополнение казны. Еще сто — Евгеше, пусть купит себе туфли, так и быть. Полтораста — на восстановление потерянных мопеда и велика... и того сколько у нас остается? — он ткнул пальцем в Круглова, обладателя, как считала их математичка, «сильного аналитического ума».

Круглов без запинки ответил:

— В районе четырех тысяч рублей.

Ольга никогда не была жадная на деньги. Но тут любого невольная дрожь возьмет — от таких сумм и от таких груд, хотя и бумажного, но все-таки золота!

— Остальные, стало быть, эти четыре тысячи мы сегодня же подбросим тете Вале Денисовой, — и, увидев несколько удивленный Ольгин взгляд, пояснил: — Она живет вон, у сэра Гарри во дворе. У нее сын в Дагестане погиб! А пенсия всего триста восемьдесят рублей!

Глава X

РЫЦАРИ И СУШКИ

 азну они сразу же малость порас-
трясли. Отправили Монаха Тука, как
самого молодого, в магазин. Но Оль-
га прикинула... Нет, говорит, по магазинам хо-
дить — это все-таки не рыцарское дело и не «мо-
нах-туковское». Буду его сопровождать!

Они купили мороженого «пломбир в брикетах», конфет, чаю. У них потому что и чайник был французский с кипятильником и с золотым напылением — тоже, кстати, не детская какая-то вещь. От взрослого!

Но Ольга сегодня, в день победы, решила ни о чем таком не думать!

Они еще к мороженому и конфетам купили колбаски, хлебушка наисвежайшего, который для артистов цирка наиболее вреден, потому что весь идет на образование жира... якобы. Ольга поклялась себе, что съест его только один кусочек.

Так, кстати, и сделала!

А уж остальные лопали, как говорится, «до звонкого пуз». Ольга смотрела на них, переглядывалась со своею родной «половинкой»... Да нет, все точно: это были хорошие ребята, хорошая компания. И пока близнецы остаются в этом Городе, они будут с рыцарями дружить! Так решила про себя Ольга, посмотрела на Олежку, и тот, поняв сестру, согласно и радостно кивнул.

Однако время поджимало — пора было спешить на репетицию, а там и выступление через несколько часов. Их проводили со всем возможным почетом и славой. Про Ольгино участие в деле всем уже хорошо известно, а Олег исполнил пусть и эпизодическую, но очень рискованную роль: ему ведь пришлось исчезать из-под самого

носа этих «шкафов». В общем, близнецы вышли из штаба в самом отличном настроении!

Но по дороге в цирк невольно как-то к Ольге вернулись беспокойные мысли.

Все-таки что же это был за человек, которого они... это самое... как бы ограбили.

Нет, если он гад и фашист, тогда нормально — это робингудство. Но если он просто бизнесмен. Тогда это рэкет, и ничего больше!

— А с чего ты взяла, что он хороший? — Олежка удивленно и с заметным недовольством пожал плечами.

— Да нет, ни с чего. Но я, знаешь, что?..

И Ольга рассказала про свои подозрения о «спонсоре». Олежке опять это не понравилось.

— Ну и, допустим, есть... Ну и что? Какой-то взрослый, который... Чего тут плохого? Помнишь, мы читали в Симферополе книжку про вожатого?

У них время делилось не по месяцам и неделям, как у обычных людей, а по... городам: это происходило в тот момент, когда они гастролировали там-то и там-то... И в «симферопольское время» близнецы действительно читали книжку про пионеров, которые существовали лет тридцать или сорок назад — кстати, вполне нормальные ребята, такие же, в принципе, как современные. Хотя и с некоторыми «вольтами». И вот у этих пионеров был так называемый **вожатый** — очень классный дядя, он работал на заводе и в свободное время занимался с ребятами тем, что умел делать сам, — в футбольинку их учил и ходил с ними в походы.

Теперь Олежка говорил, что, возможно, у Робин Гуда тоже есть такой «вожатый» — просто помогает, потому что хороший человек, и все.

Ольга недоверчиво покачала головой. Не то чтобы она была такая вот подозрительная. Но дело в том... Вот, например, тот же подвал. Он, знаете, сколько стоит? Да вам лучше и не знать,

чтобы сильно не расстраиваться. Но Ольге как раз пришлось узнать. Она с бабушкой совершенно случайно поехала договариваться, чтобы их животные временно побыли в нежилом помещении — тоже вроде подвала. Так им сказали такую цену — ее и произносить-то не хочется!

А робин-гудовский подвал стоил никак не меньше. Стало быть, у них был «вожатый» с таким огромадным кошельком, который надо как минимум на «Газели» возить!

И дело не в том, что нет богатых и одновременно добрых людей. Они есть, конечно. Однако нормальный богатый человек, если захочет помочь ребятам, он им построит, например, хоккейную коробку, а летом тут можно, например, в большой теннис играть или в футбол. Они в Липецке познакомились с таким отличным дядечкой.

Но давать деньги, чтобы ребята были «благородными разбойниками»? Это, согласитесь, странно! Даже опасно. Потому что — вот сегодня, допустим, их взяли бы и поймали. Потом явились бы в штаб:

— Откуда у вас такая роскошь?

«От верблюда...» — другого ответа не придумаешь.

Но потом, конечно, все раскрылось бы про «спонсора-вожатого». И тому *доброму человеку* влетело бы со страшной силой, разве не так? И он это, конечно, должен понимать.

Но все равно помогает Робину... содержать его «благородную» шайку. Значит, это ему для чего-то надо!

И на следующий день после уроков Ольга отправилась в тот двор, к тому дому, где вчера она так смело и ловко добыла с дерева сумку денег. Шла, и ее знобило, хотя кругом бушевала весна, словно море разливанное. Но ведь Ольга шла, можно сказать, в логово тигра — как тут не задрожишь?

Пришла. Что дальше делать? И заметила: прямо перед входом во двор — заведение. На вывеске: «*Nаш дом* — хлеб, продукты, игровые автоматы». Ольга решила: «Дай-ка зайду». Поэтому что можно пристроиться возле игрового автомата, а самой в окно смотреть, не появится ли «эксплуататор». Да и вообще, он, наверное, тут человек известный — что-нибудь да про него узнаю.

Вошла в магазинчик. И буквально, как жук на булавку, напоролась на взгляд «эксплуататора». Того самого, кого они грабанули. Ну ничего себе! Это просто оказалось его заведение. Ситуация, ничего не скажешь.

Больше всего Ольга хотела сейчас бежать отсюда. Но она заставила себя стать в коротенькую очередь: две бабушки, она — третья. Стала соображать, чего бы ей купить. Из подходящих товаров — мороженое, жетоны на игровые автоматы, их тут стояло два: электронный теннис и автогонки.

Первая бабушка сказала:

— Здравствуй, Игорь. Мне батон хлеба и конфет вот этих, лимонненьких, сто пятьдесят граммов. Только я тебе деньги завтра принесу, хорошо? Ты меня запиши.

Ни слова не говоря, Игорь-«эксплуататор» взял батон, зачерпнул из лотка хорошую пригоршню конфет:

— Не стану я ничего записывать. Возьмите так и кушайте на здоровье! — продавец улыбнулся.

И было сразу понятно: он это сделал, не думая ни о какой своей выгоде. Просто дал, и все — от чистого сердца.

— Спаси тебя бог! — и старушка ушла.

Вторая покупательница спросила сахару, хлеба и сухарей. Он все ей дал, взвесил не спеша. Народу-то никого, только девочка незнакомая. Да и вообще он работал с удовольствием.

Спросил про какого-то Сашу. Старушка стала обстоятельно отвечать. И Ольга поняла, что это ее, видимо, внук. Ей очень хотелось еще послушать их разговор, но довольно подозрительно — чего это она тут стоит, уши навострил. И тогда она кашлянула, тактично давая понять, что тоже хочет получить свой товар.

Старушка тут же обернулась, а Игорь посмотрел на Ольгу — внимательно. Однако сразу было видно, что не узнал ее. Не собирался даже. Потому что в нем не было злобы или подозрительности:

— Тебе чего подать?

И Ольга пошла на «смелый эксперимент»: вынула из кармана кошелек, раскрыла то отделение, где у нее была мелочь, стала считать с озабоченным видом. Старушка и «эксплуататор» ждали, глядя на нее. Ольга наконец мотнула головой:

— Не хватает немного!

— На мороженое?

— На супчики... триста граммов.

— Сколько же не хватает?

Тут надо заметить, что она вовсе не дружила с математикой и для нее устный счет был тяжелой мукою. Но тут, когда надо было сыграть не очень умную и одновременно не очень богатую девчонку, у которой каждая копейка на счету, она каким-то чудом сообразила — высчитала, что при ее деньгах надо сказать именно про триста граммов! Тогда ей не хватит двадцать две копейки.

Ольга это и сказала.

Сумма, конечно, довольно-таки ничтожная. Но для продавцов, у которых «копейка рубль бережет», «подальше положишь, поближе возьмешь» и тому подобное, маленьких сумм вроде бы не бывает.

— Ну... — продавец махнул рукой, — после занесешь!

Вернее всего, ему просто хотелось отправить «этую девчонку» и договорить со своей знакомой.

Но Ольга решила идти до конца. Она покачала головой:

— Не-е, знаете, я тут редко бываю...

Что на его стороне сделал бы *нормальный человек*?

«Ну, тогда возьми, — он сказал бы, — не триста, а двести пятьдесят!»

Игорь вместо этого махнул рукой, усмехнулся, взвесил Ольге триста граммов сушек, взял ее копейки, не считая, но при этом автоматически все разложил в кассе по отделениям: рубли к рублям, полтинники к полтинникам, а гривенники к гривенникам.

Триста граммов для сушек — довольно объемистый пакет. «Прекрасно, — подумала Ольга со злорадным задором, — сейчас я с тобою чайком побалуюсь!»

В штабе оказался один Робин Гуд, сидел за столом, в своем «королевском» кресле, задумчиво чертил что-то на листке бумаги. И потом, когда Ольга посмотрела туда, это все сплошь были скрещенные мечи да шпаги, а также летящие неизвестно куда стрелы.

Ольга со значением выложила на стол свой пакет. Робин не без удовольствия посмотрел на сушки, потом на Ольгу. Кстати, он был довольно-таки симпатичный мальчик — высокий, широкоплечий, с белыми волосами и карими глазами. Таких встретишь редко. И таким, если по-честному, не очень-то хочется говорить неприятные вещи. Да что поделать — такая уж у Ольги судьба!

И спокойно, с некоторым ехидством она стала рассказывать о том, что видела и магазине «Наш дом».

— Зачем же ты светилась? — спросил Робин довольно-таки резко, словно Ольга была его подчиненная.

— Я не светилась, я освещала ситуацию! А тебя что, только этот вопрос волнует?

— А что меня еще должно волновать?

— Да то, например, что он никакой не эксплуататор, а хороший человек!

Робин неопределенно и довольно равнодушно пожал плечами:

— Чего теперь? Дело-то сделано.

— Ну, классно ты рассуждаешь!

— Да, вот именно, классно! — закричал он в ответ. — Потому что главное лично для меня, что мы тете Вале Денисовой добыли деньги.

— И для этого ограбили хорошего человека?

— Какой же он хороший, если он торгаши?..

Он, Олечка, хороший только среди торгаши.

— Не понимаю я этого!

— А ты подумай! — он усмехнулся.

— Ладно, я подумаю, — Ольга посмотрела ему прямо в глаза. — А ты можешь мне ответить: тебе кто все же сказал, что этого человека надо... рэкетировать?

— Ой, слово-то какое жуткое!.. Да никто мне этого не говорил. Это я сам так решил.

— Неправда.

Долго они смотрели в глаза друг другу. И все больше понимали, что тех *хороших отношений*, которые бывают между мальчишкой и девочкой, никогда между ними не получится. И для Ольги было облегчением, что в штабе один за другим стали появляться рыцари. А уж то, что это было облегчением для Робина — точно!

Пришли, поставили чайник. Не спросив, откуда сушки, с удовольствием принялись их лопать. Тут и Олекка пришел — кажется, с Маленьким Джоном. Стал что-то обсуждать, смеяться. Ольге неприятно было на это смотреть. И она не знала, что ей делать. Сейчас при всех заводить этот... «базар» она просто не могла решиться.

А рыцари сидели за столом, с удовольствием

пили чай, чувствуя рядом дружеское плечо! Команда — вообще великое дело. Особено для мальчишек, особенно такая, где сражения, стрелы, боевые дела и тайны.

Но вот Робин поднялся со своего места. Это сразу заметили, за столом воцарилась тишина. А Робин Гуд еще подождал несколько секунд. Окинул всех спокойным и строгим взглядом:

— Сейчас я расскажу о нашем следующем и очень важном деле!

Он это здорово умел — значительно говорить и строго смотреть, как настоящий предводитель.

— Есть группа нечистых на руку дельцов. Где обитают, скажу позже. Сейчас — главное. Нам надо узнать: как и чем живут, откуда барышни, кто знакомые, кто деловые партнеры. На глаза к ним не лезть и пока — никаких актов возмездия... Подчеркиваю: никаких! — он окинул всех взглядом. Остановился на Ольге: — Ты будешь с нами работать?

Ольга еле заметно усмехнулась в ответ:

— А ты почему у меня-то спрашиваешь?

Пусть-ка он сам расскажет, что Ольга узнала про «гада-эксплуататора»!

Но Робин Гуд ничего этого говорить не стал. Уперся в нее твердым взглядом:

— Спрашиваю, потому что ты девочка, а у нас... мужские игры!

— А я тогда хочу спросить, мы для кого это будем делать?

Стало заметно, что он смущился:

— Ни для кого... Для нас, для наших планов дальнейших.

— А можно узнать, что это за планы?

— Пока нельзя... И ты, кстати, должна понять, что тебе я пока всего рассказать не могу!

— Почему? Ты мне не доверяешь?.. — тут Ольга окинула взглядом рыцарей. — Во дела!

Однако она не получила поддержки — в их

взглядах только удивление. Видать, они не привыкли разговаривать с Робином подобным образом. Он их предводитель: как скажет, так и надо действовать!

— Ты, Ольга, лучше ответь, будешь работать?

— Подумаю.

— Ну, подумай...

И он спокойно, словно бы ничего не случилось, стал говорить, где живут те люди и как лучше за ними «присмотреть». Ну вот, теперь Ольга знала все, что ей было нужно. Кашлянула, задвигала стулом. Робин посмотрел на нее.

— Извините, мне пора... — посмотрела на Олекку: — Ты пойдешь?

Наступила неловкая пауза. Он послал своей родной половинке удивленный и смущенный взгляд:

— Я это... ну, в общем, немного еще посижу...

Ольга встала:

— Ну сиди... а я пойду, — и, как бы оправдываясь, добавила тихо: — У меня... свидание...

— Так и надо говорить! — Робин усмехнулся чуть презрительно. А в то же время с облегчением.

— А я так и говорю.

И Ольга ушла, больше ни на кого не взглянув.

Глава XI

ГОРА СМЕРТИ

 оездка к бывшему «эксплуататору» получилась у нее вполне успешной. Так почему бы не попробовать еще раз? Ей хотелось узнать, что это за новые такие «гады» появились у Робин Гуда. А потом, быть может, кинуть ему в лицо свои бесценные сведения... Особенно если там живут никакие не гады!

И Ольга отправилась в путешествие на следующий день по не очень-то знакомому для себя Городу... Она еще переодевалась у себя за ширмой, когда Олежка — из-за своей ширмы — сказал ей торопливо:

— Я к Робину. Ты со мной?

Почему-то ей стало обидно... больно — надо же, пытаются отрезать ее половинку! Но ответила очень спокойным голосом:

— Я позже туда подорую.

Глядела в окно, как торопливо бежал ее брашишка... Тут главное, не чувствовать себя несчастной.

Вздохнула, закрыла глаза, посчитала до десяти и отправилась в путь-дорогу. На трамвае через весь Город. Но ведь это интересно — рассматривать Город из полупустого трамвая... Какие-то неведомые улицы, неведомые здания, церкви с новенькими золочеными куполами, парк за старинной оградой из черных чугунных пик, на конце каждой из которых прилеплена пятиконечная звезда.

Постепенно дома кончались, а начинались... постройки. Редко где возвышался особняк какого-нибудь «новорусского» человека.

А так все деревянные дома — какие получше, какие похуже, но все примерно одинакового калибра.

Нужный ей дом Ольга отыскала без особого труда, потому что название улицы и номер на нем были выведены четкими белыми буквами. Сейчас она стояла перед высоким забором, покрашенным, как и все почти заборы не только в этом Городе и на этой улице, но и практически во всей нашей стране, — в зеленый цвет. Неизвестно уж почему, но заборы обожают, чтоб их выкрасили именно в этот цвет...

Итак, она стояла перед этим забором, высотой метра два с половиной, не меньше, а достаточ-

ки на нем были пригнаны друг к дружке так, что и микробу между ними не пролезть.

Ольга отошла на другую сторону неширокой этой улицы — надеялась хоть что-то увидеть на вражеской территории. И увидела — верхушки неинтересных в это время года яблонь, а дальше крышу дома, крытого добротным оцинкованным железом... Всё!

В некоторой растерянности Ольга оглянулась кругом: что же предпринять?

Ей вообще-то приходилось в своей жизнивести наблюдения. Когда у тебя брат готовится стать детективом, а ты его родная половинка, обязательно научишься «следить за объектом», «быть тенью», «красться тише мыши» и тому подобное. Но это все случалось в городах, на городских улицах. А теперь Ольга оказалась... как бы в деревне, на улице деревенской. Тут прятаться вообще негде. Так, может, вообще не прятаться? Пойти к ним в дом под видом... вот об этом варианте она совершенно не подумала.

И потому Ольге оставалось только ждать. Кто-то очень правильно сказал, что терпение — главный талант сыщика. Сказав себе это, она стала за дерево напротив калитки.

Но, оказывается, деревенскому сыщику мало быть только терпеливым. Надо еще быть и по-деревенски незаметным. А это очень трудно, практически невозможно. Если в городской обстановке на вас просто, извините, плевали — есть вы такая Ольга Серегина или вас нет, то на деревенской улице... э-ге-ге! Тут же обратят внимание и подумают: а это чья же такая девочка? Митрофановых, что ли? Да нет, вроде не Митрофановых. Сидоровых? Тоже нет. Тогда зачем она тут стоит, под нашими окнами?

И ведь не поленятся, выйдут на улицу:

— Девочка, а девочка, ты к кому? Ты чья будешь-то?

Причем не со зла, а из простого любопытства.

И еще — непорядок, дескать, когда девочка одна, без взрослых, и на нашей улице.

Ольга никогда в такие ситуации не попадала, когда тебя мягко, но... цепко допрашивает какая-нибудь старушка, метко выцеливая синими снайперскими глазами. Она как-то сообразила заранее, что такое может случиться, поэтому вышла из-за дерева и стала медленно ходить по улице, глядя куда-то вверх и якобы что-то записывая в блокнотик, который нашелся у нее в кармане.

И так спокойно и уверенно ходила, что никто и не подумал даже к ней обратиться с вопросом, а если бы обратился, Ольга сказала бы, что она по заданию учительницы определяет, какие птицы уже прилетели в Город, а какие еще нет.

Но никто к ней не обратился. Да и вообще ей здорово повезло. Потому что она увидела то, что ей так было нужно. Ворота дома вдруг раскрылись — их открыл решительный такой человек в полушибке нараспашку, в шапке-ушанке, неизвестно как держащейся на самом затылке, в свитере с высоким горлом, в меховых сапогах, на которые были надеты высокие галоши. Можно сказать, одежда явно «не по сезону», потому что все-таки уже пришла весна. И пусть день не совсем веселый, а скорее даже пасмурный, и у сосулек с носа не капает, но все-таки апрель. К чему эти меховые доспехи?

Не на Северный же полюс он собрался?..

Человек широко распахнул воротины, а из образовавшегося проема выехала «Нива». Сразу было видно, что машинка в полном порядке, готова доехать — если понадобится, конечно, действительно до Северного полюса, не испугавшись никаких торосов, трещин во льду и тому подобных неприятностей.

Из машины вылез человек... чем-то похожий на того, что открывал ворота. И стал ворота закрывать, а Первый ушел внутрь, чтобы там, наверное, сунуть дужку замка в петли. Теперь

Ольга могла рассмотреть Второго. У него был такой же торчащий палкой нос, и глаза «в кучку», и лицо «осколочком». Но одет он был совершенно по-иному: в кожаной шоферской куртке, без шапки, так что отлично были видны его серо-рыжие волосы и невысокий, изрезанный продольными морщинами лоб.

То, что Первый — его брат, тут и гадать не приходилось. Но они были не двойняшки, не близнецы. По возрасту не подходили.

Первый вышел из калитки, на ходу что-то тихо говоря Второму. В повадках обоих сквозило напряжение, желание что-то утаить, боязнь чего-то. В то же время они старались держаться так, словно у них ничего не случилось. Старший (одетый по-весеннему), улыбаясь, что-то сказал, и младший тут же громко рассмеялся. Но и улыбка, и смех его были показными, ненатуральными.

А может, так лишь казалось Ольге: ведь она и ждала, что эти «братья» будут крайне подозрительными. Вот они подозрительными и... стали!

«Нива» укатила. Ольга подождала несколько минут.

А чего ждать-то? Уж взялся за гуж, полезай в кузов, как говорит бабушка Тома. Подошла к калитке, потянула ее на себя — оказалось, не защерто.

Ольга вошла во двор... Нет, к счастью, только собиралась войти. Потому что сейчас же откуда-то, казалось, с неба раздался ужасающий рык, рев, и что-то похожее на саблезубого тигра, того, который был когда-то самым страшным хищником на Земле и якобы даже мамонтов гробил, обрушилось на Ольгу.

Впрочем, нет, чудовище действительно хотело обрушиться, да у Ольги реакция была на высшем уровне. И бармалей этот лишь треснулся мордой или чем-то там еще о ворота — Ольга успела захлопнуть калитку.

Ну что за ненормальные хозяева? Если во дворе собака, так об этом надо писать!

А зверюга-то — жуть с ружьем, как раз под стать хозяевам! Хотя, если не злиться, если спокойно посмотреть на факты, их Веста, пожалуй, тоже не особенно гостеприимно встретила бы незваного гостюшку.

Она едва успела перевести дыхание, и тут калитка открылась. Душа Ольгина мгновенно нырнула в пятки. Но перед нею стояла не баскетильская собака, а мальчишка лет двенадцати или тринадцати. Тут, как говорится, к гадалке не ходи, это был чей-то сын — в смысле, то ли старшего, то ли младшего. Потому что у всех у них была очень похожая порода: этот нос, перпендикулярный блинообразному лицу, словно колышек на солнечных часах, глаза, сидящие на нем, как два воробья. Белесые брови и ресницы... В общем, красавцем его назвать было трудно!

— Это ты заходила? — спросил мальчишка.

— Ну я.

А сама лихорадочно готовила ответ на следующий вопрос.

— Зачем?

Она была уже готова:

— А я брокер по цветным металлам.

— Че-го?!

— Ну вот. И ты не знаешь, — сказала Ольга, как бы сожалея, что тратит время на такого необразованного «клиента». — Я хожу по домам и узнаю, у кого есть металлом и не хочет ли он его сдать... за приличное вознаграждение.

Понимаете сами, откуда в простом, почти деревенском доме цветные металлы? Да их здесь просто быть не может. Но, с другой стороны, тема интересная — можно потрепаться вдосталь... Ольге того и надо было. Во время разговора она попробует что-то разузнать про «братьев Похожевых».

— Если ты знаешь местонахождение цветных металлов у кого-то из соседей, мы можем оплатить твою информацию.

Но получилось не так. Получилось, как гово-

рится, с ковшом на брагу. Мальчишка вдруг спросил заинтересованно:

— А почем ты принимаешь?

Это он сказал шепотом, потому что явно боялся, что его услышат. Ольга подумала секунду — какую же цену сказать-то?

— По пятьдесят центов за кило.

Ей показалось, это очень большая цена. Однако мальчишка скривил свой блин. Нос его при этом продолжал торчать, словно карандаш у известного персонажа из журнала «Веселые картинки».

— Мало! — сказал он решительно. — Привыкли вы, брокеры несчастные, людей грабить!

— Мало, говоришь? — улыбнулась Ольга. — Само собой, мало!

Мальчишка удивленно посмотрел на нее.

— А когда про цену говорят, — пояснила Ольга, — всегда недовольны.

Мальчишка засмеялся:

— Точно, правильно!

Ольга бросила на него быстрый взгляд: ну да, так и есть, этот мальчишка интересовался ею не только как «брокером по цветным металлам». Очень хорошо. Она вдруг замолчала, подняла голову, глянула куда-то в сторону-вверх, как делают все девчонки, которые желают, чтобы их развлекали. Дальше обычно следует какая-нибудь дурацкая фраза, типа:

«Ну?.. Расскажи мне что-нибудь!»

А мальчишке-то этому, оказывается, и в самом деле было что рассказать! Вот уж действительно: внешность обманчива!

Он вдруг поманил ее пальцем:

— Пойдем, что покажу!

Подвел Ольгу к могучему сараю, сбитому из толстенных досок. На двери, которую, по виду, не прошибешь и пушкой, висел замок, похожий на гирю для поднятия тяжестей. Мальчишка опасливо оглянулся на ворота и калитку, и Ольга

сразу подумала, он боится тех «братьев». Мальчишка вынул ключ:

— А тебя как зовут?.. Меня Игорь.

Он открыл замок, с видимым усилием опустил его на землю:

— А у тебя, Оль, деньги при себе?

Это был трудный вопрос, но Ольга и тут нашлась:

— Спокуха! Деньги будут мгновенно!

— Точно?

— Зачем мне врать?..

На самом деле у нее было очень много причин для вранья! Но доверчивый Игорь уже открыл дверь... это было потрясающее зрелище: у стены этого очень просторного сарайя лежала огромная куча медных, латунных, а еще алюминиевых, свинцовых и оловянных обручей, набалдашников, каких-то лепешек величиною с армянский лаваш. Про оловянные и свинцовые Ольга поняла позже, потому что потом у нее *появилось время* все тут рассмотреть... даже слишком много времени!

— Откуда это? — искренне удивилась Ольга.

Наверное, она не так спросила, не тем голосом. Брокер должен был бы спросить по-другому. Игорь с явным подозрением взглянул на нее.

— Чего ты, в натуре? — как можно грубее прорычала Ольга. — Мы не можем покупать что попало. А если это все ворованное?

Игорь мгновенно успокоился: один человек подозревает другого в воровстве — значит, все нормально.

— Да ты чего — «ворованные»! — он засмеялся со всем возможным презрением. — Это же все с танков снято, с пушек... А в основном со снарядов.

— А если бы они взорвались!

— Кто?

— Ну... которые на машине уехали.

Игорь махнул рукой:

— За них не переживай. Это в основном все у мужиков перекуплено, которые в лес ходят...

— В лес?

Тут Игорь опять стал ее подозревать... только не совсем понятно, в чем. Наконец догадался:

— Ты чего, не местная, да?

— Я из Санкт-Петербурга, — зачем-то соврала Ольга. — А это настоящий цветмет?

Так она при помощи глупого вопроса спаслась еще от одной неприятной ситуации.

Игорь как-то сердито и нетерпеливо стал рассказывать. Оказалось, в окрестных лесах во время далекой Великой Отечественной войны долгое время шли бои. Город несколько раз переходил из рук в руки, здесь столько солдат полегло — и наших и немецких. Потом все же немцы начали драпать и побросали тут целые горы оружия, провианта, одежды.

Долгие годы жители здешних мест ходили в леса и тянули домой много всякой всячины — от консервов с синтетической гитлеровской колбасой и новенькой военной формы до пулеметов и пушек. Один чудак даже хотел приехать в свой колхоз на фашистском танке. Но не для того, чтобы с председателем «по душам» потолковать, а чтобы вспахать поля, поскольку тракторов не было.

Только умельцу не повезло. Он взорвался на противотанковой мине... По той дороге, между прочим, сто раз люди ходили и даже грузовики ездили, но вот стоило проехать танку всей своей тяжестью — и готово!

С этими минами вообще происходили истории. Во время боев их позакапывали на каждом шагу — в лес не войдешь. Но люди все равно ходили. И... кому-то везло, а кто-то нарывался.

Потом все добро, можно сказать, сгнило, покржало, испортилось окончательно. И только остался металл — медь, свинец, олово, латунь, бронза кое-где. Цветные металлы. Их собирали и относили на приемные пункты. За них давали

хорошие деньги. Особенно в наши дни, когда все помещались на цветных металлах. Так что смертельный промысел процветал.

Те, кто ходил в лес, по-прежнему могли подорваться. Хотя кое у каких мин взрыватели сгнили, испортились, на такую мину наступить не опаснее, чем на кирпич! А вот у других взрыватели еще действовали. И по-прежнему грохотало в лесной чащве. Цветной металл доставался в основном тому, кто не боялся «раздевать» старые артиллерийские снаряды: аккуратно при помощи молотка и зубильца свинчивал свинцовые носы, перерубал латунные или медные кольца, опоясывающие снаряд, доставал изнутри оловянные прокладки.

Снарядов в лесу лежало много — только «работай». Но в каждом из них сидела смерть. Были мастера — могли по десять штук в день «раздеть», а другие подрывались на первом же.

Братья Серафим и Николай Жеребцовы тоже промышляли этим делом. И были большие умельцы. Но очень скоро поняли: добром их промысел не кончится — когда мужика, который научил их «ремеслу», разнесло в прах, а за три дня взорвались трое парней из их компании.

И Жеребцовы стали нанимать «работников»: принес рюкзак с «побрякушками», как они это называли, получай деньги или прямо — бутылку водки... Гора, которая сейчас высились перед Ольгой, это гора страха и, может быть, оторванных рук и ног... Гора смерти.

Такую вот историю про своих дядьев рассказал Игорь Жеребцов. А зачем он это рассказал первой попавшейся девчонке?.. Странно ведь!

И Ольга исподлобья посмотрела на него.

— Да потому что я с ними жить не хочу! — сказал Игорь почти с отчаянием. — С ними никто жить не хочет... Сын из армии не вернулся — в Сибирь упил, жена, тетя Даша, от него ушла...

— От кого?

— От дяди Серафима!

— А чего он?

— Да жадный... как свинья!

— А второй?

— Дядя Николай? То же самое... Орет, бьет.

Я-то ему на фиг не нужен, — Игорь подумал и добавил: — Этот, считай, еще хуже!

— А ты?

— Чего — я?

— Зачем с ними живешь?

— У меня мать умерла, их сестра была. Я хочу денег накопить и уехать... в смысле убежать... Вот, купи! — он показал рукой на гору «цветных железок».

— Так это же не твое...

— Тебе-то какая разница! Ты брокер или не брокер? Имей в виду, если ты меня заложишь, тебе ничего не достанется вообще!

Было жалко этого мальчишку. Помочь ему она никак не может, даже больше — она его обманывает: выведает свое, а потом бросит на произвол судьбы. И он будет думать: «Еще одна сволочь!»

— Слышишь, Игорь. А почему они сами-то не продают?

— Да твое какое дело?.. Ты возьмешь лом?

— Ну... Хотя бы надо телегу какую-нибудь! — Ольга разверла руками. — Но ты не ответил, почему они сами-то?.. Может, это не настоящее?

Игорь посмотрел на нее как на полоумную:

— Ты даешь — «не настоящее»! Какое же еще-то?!

— Поддельное!

— Дура ты, что ли?

— Ну а чего ж тогда они?..

— Да потому что у них кое-что повыгодней появилось! — он оглянулся на дверь. — Только я не знаю, что...

В сущности Ольга уже поняла: эти братья действительно сволочи, если уж родной племянник так про них говорит, не считая жены и сына, которые вообще сбежали. Значит, Робин — и

его «спонсор»! — правы: за такими можно следить и потом прищучивать.

Но Робин почему-то сказал: не трогать, следить. Значит, «спонсору» чего-то другое от них надо.

«Хотя, какое мое-то дело?»

— Все-таки, знаешь, странно, что они сами этот лом не сдают, согласись!

— А чего странного? — Игорь насупился. — Странно ей... Ты ведь не знаешь, что у них появилось.

— Не знаю и знать не собираюсь!

Теперь уж и речи не было про то, что Ольга ему «понравилась с первого взгляда». Он понял, что она просто тянет волынку, хочет подешевле взять товар, как делают все эти брокеры, шмокеры, хакеры и тому подобные скоты, которые только и умеют, что людей накалывать.

— Короче, мы как решим? — Игорь уже явно пер на нее.

Все-таки проснулась в нем жеребцовская порода!

— Чего ж... Я не против. Давай обговорим реальные сроки и реальные цены...

И тут вдруг раздалось требовательное: «Би-би-и-и-и!» Игорь испуганно посмотрел на ворота. Ольга не менее испуганно посмотрела на Игоря.

Глава XII

ХОХОТ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

было ясно: вернулись братья, надо куда-то исчезать. Причем в самом быстром темпе.

— Прячься же ты куда-нибудь! — буквально прошипел Игорь Жеребцов.

— Ну так прячь!

— А куда я тебя спрячу?!

Они обменялись взглядами, в которых свети-

лась одна и та же мысль: «За каким фигом я только с тобой связался... связалась!»

Ольга уже кое-что придумала, а ему сказала — быстро и неприязненно:

— Иди открывай... Собаку не забудь выпустить!

— А ты?

Вместо ответа Ольга подпрыгнула, ухватилась за балку. Они пролегали довольно высоко под крышей сарая, на них должен был держаться потолок. Однако его не было, лишь в одном месте лежало два листа фанеры. Вот туда, перепрыгивая с балки на балку, и кинулась Ольга. Легла, затаилась. Услышала, как Игорь лязгает замком... Не очень-то это был приятный звук. Сердце замерло, уж не от страха ли?..

Как же ей отсюда теперь выбираться?

И тут же она сообразила, что очень глупо было прятаться. На самом деле она могла спокойно поздороваться с этими... «типчиками» да и убраться восвояси. Но не сообразила! И мальчишка этот глупый тоже не сообразил. Потому что они оба — в душе — знали, что совершают что-то незаконное по отношению к братьям: Ольга про них разнюхивала, Игорь хотел цветмет прикарманить.

Теперь Ольга сидела в тюрьме, куда сама себя и посадила. Дурь несусветная! Но делать нечего. Поудобнее улеглась на балке, проверила, сколь это было возможно, не видно ли ее снизу. Вроде нет.

И невольно рассмеялась. Да при чем тут видно или не видно. С чего она взяла, что братья сразу кинутся в сарай?

Уселась на балке, свесила ноги. Уже собралось было спрыгнуть на земляной пол сарая, чтобы в щели...

К счастью, к великому своему счастью, спрыгнуть она не успела. Потому что услышала, как снова лязгает пудовый замчище, который висел

на сарайной двери. И тут Ольга испугалась! Зачем они идут сюда? Неизвестно. Просто, наверное, чуют. Как та баба-яга, которая все по двору своему рыскала: «Что-то русским духом пахнет!»

Она лежала на балке — теперь ни жива, ни мертвa. И вот услышала, как они вошли в сарай. Остановились...

— Иди сюда!

Голос грубый, неприветливый.

— Иди-иди, чего, как неродной? — и потом неприятный такой смех. — Ну? Давай, ври, что тут без нас делал?

— Чего-то делал, — отозвался второй голос, еще более грубый и какой-то... пошлый.

— Ничего я не делал, — отозвался Игорь. — Я дома сидел.

— Смотри!.. В сарай не ходил?

— Не-ет! Как я пойду? У меня и ключа нету!

Сказал с исключительно правдивой интонацией, и Ольга, которая знала, что ключ у него именно есть, искренне удивилась артистическим способностям Жеребцова-младшего.

— Смотри...

Сразу вслед за этим она услышала звук удара, вскрик Игоря, и потом жалкий вопрос ноющим голосом:

— За что, дядя Серафим?

— Если б знал за что, убил бы! — и дальше послышался довольно-таки глупый смех взрослого идиота.

— В дом вали, дверь закрой и окна занавесь, которые во двор выходят... — это сказал другой брат, наверное, младший. — Да шучу я, шучу, дурак. Окна можешь не занавешивать. Но если на двор выползешь... Смотри!

Они помолчали, наверное, следя, как Игорь уходит в дом.

— Дверь-то прикрой.

— Знаю! А ты доставай.

— Да вон, в рюкзаке. Никак узел не распушаю.

— Ну, путай, путай...

— Все, готово.

— Дай-ка сюда... Тяжеленький!

Дальше Ольга услышала какой-то странный звук... Что же это могло быть? Пожалуй, так открывают какую-то тугую дверцу... А может, люк? Она хотела было перекатиться на бок, чтобы посмотреть, что там такое делается. Но при первом же движении фанера, на которой она лежала, так скрипнула, что Ольга тут же замерла.

— Ты слыхал? Чего это было?

— По-моему, ничего не было. Больно ты, Сима, сумасшедшенький стал!

Потом наступило молчание, которое показалось Ольге бесконечным. На самом деле, конечно, пауза эта проползла быстро, словно напуганная черная кошка ночью, а потом они заговорили снова.

— Ну? Понял? Ничего не было! Никто туда не заглядывал. Нитка цела, и бумажка на месте

— Ладно, замолкни! Береженого бог бережет... давай сюда мешочек, я сам полезу.

— А почему-то ты?

— Да потому, что я твой старшой. И сам желаю полюбоваться!

— Ладно, лезь, потом я. Тоже хочу посмотреть.

После этого довольно долгое время ничего слышно не было, кроме какого-то сопения. Пожалуй, так сопят обжоры, когда им достается лакомая еда.

— Ну, скоро ты, Серафим?

— Сейчас!

Ответ этот прозвучал как-то глухо, словно из под земли...

Из-под земли?!

И, отодвинув осторожность в сторону, Ольга

все же перекатилась на самый край фанерного листа. Так что теперь она могла просто свалиться братьям на голову, а уж то, что лист этот прогнулся очень заметно — это сто процентов!

Единственное, он не заскрипел, как в первый раз. Уж почему, неизвестно. Быть может, проявил благородство... Так или иначе, Ольга могла свесить голову.

Она увидела, что младший из братьев стоит над... погребом. А оттуда идет слабый свет — вернее всего, от фонаря.

— Ну, сколько там, Сима? — и такое нетерпение послышалось в голосе среднего Жеребцова, что, казалось, это были не слова, а сверла, которые сейчас пробуравят медлившего с ответом Серафима. — Сколько же?

— Да ты будто сам не знаешь... Килограммов шесть уже!

— Ой, братуха! Как хорошо-то! Как замечательно! Ведь мы с тобой миллионеры, миллионеры, миллионеры! — и Николай буквально застыг на краю погреба.

— Не говори так часто «миллионеры», а то получатся «миллиционеры»! — и из ямы донесся самодовольный смешок.

— Как же мы все это с тобой вывезем-то, а?.. На доллары будем менять, что ли?

— Конечно, на доллары!

— Так ведь уж больно стремно это...

— Сумеем, ничего. Сейчас, Никола, не про это надо думать! Пусть у тебя душа болит, как нам все оттуда взять!

— Ой, холодно очень в это болото лазить. Холодно, братушка!

— Ничего, вытерпишь! Зато как заживем-то, а, представляешь?

Тут они захочотали. Старший брат глухо, из-под земли, словно покойник. А младший вторил ему, подхочатывал, словно бес, и при этом он не

мог удержаться, топотал ногами. И это было жуткое представление.

Чтоб хотя бы не смотреть на них, Ольга снова аккуратно легла на балку. Но жеребячий жеребцовский рёгот легко долетал к ней. Фанера скрипнула под Ольгинными боками, и не раз. Но братья теперь ничего не замечали, словно загипнотизированные.

А может, и правда загипнотизированные?

Глава XIII

СЛЕПАЯ

ни оставались в сарае довольно долго — переговаривались, пересмеивались, перехрюкивались. И, судя по тому, что говорили они как-то отрывисто, Ольга поняла: братья Жеребцовы радостно толкались плечами.

Потом вдруг Серафим сказал:

— Все, Коля, баста! Утри с рыла счастье. Там уже могут видеть, понял?

Он говорил при этом не как все, а: «пон'ял». В другое время эта ошибка рассмешила бы Ольгу. Сейчас она показалась какой-то зловещей. Скажем, если б Кощей Бессмертный шепелявил, это вряд ли вызвало бы у вас улыбку, ведь так?

Наконец замок лязгнул. Ольга невольно представила себе, как он сжал свои мерзкие акульи зубы. Хотя замок-то ни в чем не виноват. Просто исполнял свою работу, не различая, у хороших людей он служит или у плохих.

Но еще какое-то время она сидела у себя... на потолке, словно муха — ждала, правда ли они ушли, а может, вдруг вернутся ни с того ни с сего. Потом тихонечко свесилась вниз — все спокойно. Повисла на руках и мягенько спрыгнула на пол. Она ведь была гимнастка что надо, такие

трюки умела делать, в таких номерах участвовала... Ну и что?! А то, что ей нужно взять себя в руки и подумать, как она с ее данными будет отсюда выбираться.

Стоп! Сейчас вообще об этом нельзя думать — ни грамма. Ведь она должна заниматься разведкой! И Оля подошла к горе всяческих металлических штук. А где же дверца в земле? И почти сразу увидела ее. Дверца была сделана довольно хитро. В смысле: кто не знает, что тут подполье, ни за что не догадается. Потому что завалена — замаскирована всякими медными и оловянными «железяками». Но если присмотреться, они, каждая, были прихвачены к крышке, которая сама была сколочена из как бы очень старых досок. И такие же доски валялись там и сям на земляном полу, как это обычно бывает в сараях.

Ольга попробовала приподнять эту крышку-дверку... Куда там! Даже и не старайся. Дверка, во-первых, была дико плотно пригнана, а во-вторых, эти медяшки, оловяшки, бронзовяшки и прочее, прибитые и привинченные для маскировки, весили будь здоров сколько.

Тут Ольга поняла наконец, почему братья Жеребцовы не сдают эту гору, которая явно стоила бы немалых денег. Она тут лежит для отвода глаз!

Ну хорошо, лежит себе и лежит. А что же Ольге-то делать? В порыве отчаяния она схватилась за крышку... Ой, ведь говорили ей — и мама и бабушка, — что девочкам тяжелое поднимать не стоит. Но делать нечего!

И вспомнила своего деда, который — наоборот — учил Олежку, как поднимать штангу. Вот он берется за ту железную палку, которая, как известно, называется гриф. Думает о том, как сейчас станет поднимать эту тяжесть и ни за что не даст ей упасть на землю. И одновременно кричит, выдыхая из себя: «Х-хааа!» После этого штанга обязана подниматься!

Это все Ольга напомнила себе, ухватившись за дверку... И та заскрипела протяжно. Тяжело стронулась с места — и пошла вверх! И тут уж Ольга ее не упустила. Да и дверца почти сразу потеряла свой вес. Ведь все-таки это была не штанга.

Уф, Ольга посидела, подышала над открывшимся ходом... Еще и потому, что не так-то просто было решиться туда лезть. Ступени какие-то необычные — земляные. Уползают в темноту.

Ольга вспомнила книжку, об авторе которой она, конечно, представления не имела. Между прочим, так почти всегда бывает с бедными авторами: пишут-пишут, стараются-стараются, а как там его зовут-величают? То ли Антон Иванов, то ли Сергей Иванов, то ли Иван Сергеев, то ли вовсе Иван Сергеевич... Тургенев.

Тут Ольга не помнила даже названия. Но книжка тем не менее была интересная — про фараоновские, египетские пирамиды. Какие там на многочисленных и очень длинных ходах придумывали ловушки. То ступенька проваливающаяся, то пружина, которая мечет в идущего копье, то ненадежно висящий на потолке камень. Чуть шаг сделал, он тебе на башку ка-ак шарахнет!

Однако Ольга сошла по ступеням вполне благополучно. С чем и поздравила себя. Она находилась в небольшом исключительно земляном помещении с ровными и даже, казалось, гладкими стенами. По стенам этим тянулись длинные полки, которые, наверное, правильней было бы назвать стеллажами. А на стеллажах, как и положено в погребе, стояли всевозможные банки.

Что ж, хорошая маскировка!

А почему, собственно, маскировка? Это ведь и есть погреб.

Нет, маскировка все-таки! Потому что в простые погреба не делают таких тайных входов — вот в чем дело!

И значит, в этих банках должна быть какая-то тайна. Некоторое время Ольга стояла перед ними, наконец заставила себя протянуть руку к одной... А света было здесь очень мало, только тот, что из щелей в сарайных стенах проникал и кое-как просачивался сюда.

Ольга медленно и очень осторожно открыла крышку одной из банок... Открывалась она трудно, со своеобразным причмокиванием, с каким открываются все банки, приготовленные на зиму... тотчас запахло — кстати, не очень плохо, а скорее очень хорошо. Рука Ольгина как бы сама собой опустилась внутрь, нашупала что-то скользкое такое. Но не противное. И пахло это — потрясающее!

Короче говоря, уже через секунду Ольга хрестела удивительного засола грибком. Затем она подцепила второй и третий гриб. Это, конечно, была большущая радость. Но и тревога. А почему, сейчас объясню, если вы сами еще не поняли.

В остальных банках были капуста, огурцы, какой-то салат... Брусника моченая! И тут ей пришлось задержаться довольно долго. Наконец Ольга прекратила свои «исследования». Все припасы оказались настоящими. И она уже стала думать, а может, Жеребцовы просто радовались тому, сколько тут у них вкусной еды заготовлено?

Но как-то не верилось в это, просто ни грамма не верилось. Ольга села на что-то тяжелое и округлое... на кадку с чем-то. Надо было подумать, понять, что же такое происходит, куда ей двигаться дальше.

Вроде больше некуда.

Это опять же так мог подумать человек, который не видел, как братья двадцать минут назад плясали тут и сопели от нетерпения и жадности. А Ольга-то их видела!

Значит, надо искать!

Обошла этот довольно обширный подпол. Ну буквально ничего подозрительного! Хотя видно-то плохо — практически вообще никак. Хм, значит, надо на ощупь. Опять пошла вдоль стен, трогая их кончиками пальцев. Стены были влажные, гладкие... и вдруг рука попала на какую-то трещину. Нет, не трещину. То был шов. Идет до самого пола, а вверху закругляется... да это же дверка!

Через несколько минут упорных поисков Ольга обнаружила и что-то вроде ручки, за которую можно потянуть. Дверца вместе с частью стеллажа отодвинулась, приоткрылась. Там уж Ольга просто ничего не видела. Темнота. Совершенно непроглядная. Иметь бы фонарик или коробок спичек. Так не было!

Она стала на колени перед дырой в никуда. Протянула руку глубже, глубже, нащупала край чего-то... Пропасти?

Да нет, конечно. Ступеньки. Опять земляные.

Готова была разреветься, так не хотелось туда идти... Пойдешь! Потому что другого случая просто не будет. Как рыцари сюда попадут? Да никак. Просто Ольге дико повезло. И она обязана этим воспользоваться.

А вдруг там ступеньки обрываются в какую-нибудь яму бездонную?

Но ведь знала же, что никуда не обрываются они! Чего им обрываться! Их сами братья делали. Для себя. Они просто считали, что никто никогда сюда не придет, что все у них в усадьбе, в сарае, все замаскировано, запрятано с великой жеребцовской хитростью.

А ты вот ее разгадала. Так иди же!

И она пошла... О, как это было страшно! Представьте себе, что вы находитесь на даче или у бабушки в деревне. Встаньте ночью, часиков в двенадцать, желательно, когда — по непроверенным данным! — вылезают все скелеты, привидения и так далее и тому подобное... И именно

в этот час отправьтесь-ка в ближайший лесок и принесите... себе на память обыкновенную еловую шишку.

Увидите, как сложна эта задача!

А ведь Ольге было куда страшнее. Однако она прошла все шесть ступеней. И вот стоит в следующей подземной комнате. Выход отсюда был почти невидим, он светился так слабо, как... я не знаю, как светит пятерка стоящему у доски двоечнику, который сейчас должен написать алгебраические формулы, никогда в жизни им не учленные.

Что она собиралась тут найти?.. Да это просто невозможно!

Больше того. Ольга вдруг представила себе, что если братья сейчас решат заглянуть в сарай... они же сразу увидят, что вход в их тайный подпол открыт. И тогда — все! Они просто не выпустят ее отсюда живой!

Нет, само собой разумеется, что Олежка начнет ее искать. Но ведь он даже представления не имеет, где! Она никому ничего не сказала, не оставила записки, ни единым намеком никому не подсказала, куда направляется. Наоборот, в штабе у Робин Гуда все решили, что она их делами больше не интересуется.

И, встав на четвереньки, словно собачка Веста, Ольга буквально бросилась вверх по ступеням. Выскочила в кладовку с маринованностями и солеными. Пробежала по лестнице наверх. Оказалась на поверхности земли... О, какая это была радость! Хотя она и сидела, как мышь в мышеловке, в этом наглоухо запертом сарае, а все равно это были радость и блаженство — просто находиться на поверхности земли, а не в могиле!

Оказывается, живому человеку в могиле очень тяжко!

Таким счастьем казалось ей сейчас вновь забраться на балку и сидеть там, в ожидании, ког-

да за нею явится Игорь Жеребцов. Ведь он должен в конце концов явиться, ему же самому очень плохо будет, если Ольгу там застукают! Значит, сиди себе и жди. Но ведь она не за тем поднялась сюда.

И Ольга снова подошла к ступенькам. Словно Дюймовочка из сказки, в последний раз глянула на серебряный весенний свет, бивший в щели сарая, а потом захлопнула над собой крышку. Постояла так некоторое время, привыкая к темноте, как привыкают к огромному горю, которое обрушивается на тебя.

Она как бы стала слепой... Вы, конечно, хоть раз в жизни играли в слепых, да? Идешь, ничего не видишь, даже для смеха постукиваешь палочкой по земле... Вроде ты в сплошной темноте, но при этом отлично знаешь: стоит тебе сейчас сорвать повязку с глаз, и все — вот оно, солнышко!

У Ольги сейчас было совсем другое. Сколько ни пьялься, как ни раскрывай глаза, они все равно ничего не увидят! И от этого ужас пробирал ее до костей.

В погребе с соленьями Ольга остановилась. Слезы буквально душили ее. Протянула руку, нашупала банки. Почти безошибочно нашла баночку с моченой брусникой. Да, это лакомство из лакомств! И оно редко достается простому москвичу. Ольга за все прожитые двенадцать лет ела это чудо... ну, может быть, раза три.

Сейчас она запускала туда руку, черпала ягоды и восхитительный сок. Слезы сами собой сошли у нее на глазах. А рыдания проходили, как проходит икота от заговора, что, дескать, икота-икота, сядь на Федота, с Федота на Якова...

Почти спокойно она вошла в дыру, где начиндалась вторая лестница вниз. Пошла по ней, почувствовав, что и слепой можно жить. Потому что совсем по-другому работают оставшиеся четыре чувства. Они стараются куда сильнее, потому что зрение их давит. Чего тебе, например,

прислушиваться, едет машина или нет, когда ты можешь просто посмотреть. И ощупывать ничего не надо — взглянул, «ощупал взглядом»... Ну и так далее.

Теперь она и прислушивалась острее, и осознание, которое у обычного человека почти «ослеплено» зрением, сейчас работало на полную мощность. Вообще — стало чуть ли не главным чувством.

Вот она по второй лестничке спустилась в совсем небольшое помещение: шаг вперед и шага полтора в сторону. Все. И сколько ни шарила, ничего, кроме пустоты, отыскать не могла. Как говорится, трудно найти черную кошку в темной комнате... особенно если ее там нет!

Сейчас Ольга вынуждена была сказать себе, что кошки тут действительно нет. Как же это понять? Ведь кошка должна, должна тут быть!

Значит, она просто спряталась!

Снова пошла вдоль стен, ощупывая их руками. А пол — ногами. Пусто!

Ольга, кажется, даже перестала бояться. Двигалась в темноте, как заправская... слепая. Ищи-ищи-ищи, где-то оно тут все-таки есть!

И вдруг... оступилась.

А если точно, то она не оступилась, а почувствовала под ногой что-то необычное. Что-то было не так! Что? Словами трудно сказать. Но вроде как если бы идешь по улице, по асфальтовому тротуару и вдруг правой ногой попадаешь на чугунную крышку канализационного люка. Умом понимаешь, что этот люк совершенно надежен. А все равно нога — даже через зимний сапог — «слышит», что внизу пропасть. Что люди эти нет-нет да и переворачиваются, и люди туда падают.

Сейчас что-то подобное почувствовала Ольги-на правая нога.

Неужели нашла?! Тут же встала на колени... ничего вокруг себя не видя, буквально ничего. Но пальцами рук уже «увидела»: да, земля

здесь как-то суще, чем на остальном полу! Стала шарить, шарила долго и нашла наконец кольцо, вдавленное в землю. Потянула его на себя. Сперва ничего не получилось, потому что она одной ногой продолжала стоять на этом... люке.

Наконец открыла, принялась ощупывать рукой новую образовавшуюся дыру. Словно мешала темноту в некоей огромной миске. И вот ущупала лестницу, деревянную! Сразу сердце забилось: то все были земляные, а тут деревянная! Значит...

Прежде всего это значило, что ей снова надо лезть куда-то.

Невольно посмотрела вверх, хотя ничего-шеньки не могла увидеть, конечно. Просто подняла голову — туда, где над многими слоями слежавшейся влажной земли жил апрельский день. Здесь, во тьме земляной могилы, в это почти не верилось!

Чтобы снова не начать бояться, Ольга стала думать-гадать, что же за необыкновенная вещь должна лежать в этой последней яме. Да, последней! Так она уговаривала себя. А сама, ощупывая ногами каждую ступеньку, все спускалась и спускалась. И наконец — она вновь стоит на земле. Это было уже совсем маленькое помещеньице — колодец. Ольга вытянула руки и дошла ими до обеих стенок. Опустилась на корточки и тут же почувствовала, что пальцы ее уперлись во что-то... в какую-то сумку, а может, рюкзак — в общем, во что-то, сделанное из брезента.

Нашла шероховатые металлические пуговицы. Расстегнула две из них, сунула руку внутрь. Ничего особенного не почувствовала. Пальцы ее погрузились в какие-то мелкие металлические предметы... предметики. Она просто представить себе не могла, что это такое может быть. Точно знала одно: раньше она этого в руках ни разу не держала.

Когда-то давным-давно, в старшей группе

детского сада, у них была игра: «Угадай, что это». У тебя плотно, «по-честному» завязаны глаза. И ты должна на ощупь взять с большого блюда какую-нибудь вещь. Это могли быть неперсток, или мяч-попрыгун, или огрызок карандаша, или картофелина, или клубок ниток, или спичечный коробок. Ты угадывала, а все остальные смотрели на тебя.

Потом глаза завязывали другому. Вера Ивановна, воспитательница, клала на поднос новый предмет, и игра продолжалась. Так вот, Ольга могла угадать предмет далеко не всегда. Попробуйте поиграть в эту игру и сами убедитесь, что она не так уж проста. Но всегда Ольга могла хотя бы предположить, что это такое. Сейчас она... ну просто представления не имела, ни малейшего! И почему-то ей стало страшно, даже противно трогать эти предметы. Все же она зачерпнула их пригоршню, быстро положила в карман, быстро застегнула тугие пуговицы.

Теперь можно возвращаться наверх. К солнцу. В солнце. Легко нащупала деревянную лестницу, по ней выбралась во второе помещение... О, какого труда стоило ей спокойно или более-менее спокойно закрыть за собою люк. Потому что все время казалось, будто кто-то невидимый сейчас схватит ее за ноги.

Но она изо всех сил приказала себе *не убегать, двигаться спокойно!*

Во втором помещении было уже много проще. Она даже заставила себя присесть на последней ступеньке. Сказала тьме:

«Ну вот, я тебя больше не боюсь!»

И темнота тут же наказала ее! Ольга стала плутать среди банок — ей никак не удавалось найти выход, отыскать ступени наверх. Вот здесь, возле этого бархатистого от пыли стеклянного бока и стойки с незагнутым гвоздем должны быть... Ступеней не было!

И паника охватила ее. Метнулась влево, вправо, чуть не сшибла банку с капустой... И вдруг

ей попалась банка с брусникой. На этот раз Ольга не притронулась к ягоде. Только остановилась в испуге: брусника должна бы стоять, по ее расчетам, совсем в другом углу!

Что же такое случилось?

Только не дергаться!

А страх с шипением уже опоясывал ее, словно мерзкая змея. Как спасение, Ольга все же зачерпнула пригоршню ароматных ягод. Когда у тебя во рту такая вкуснотень, просто невозможно бояться!

И она поняла: это *по моим* расчетам брусничная банка должна стоять в том углу. А нужно-то не *по твоим*, а *по правильным!* У нее просто смешилась точка отсчета. Так, начнем сначала. Будем «танцевать от печки»... В смысле — от этой вот, дорогой ее сердцу, а главное, животу — брусничочки. Мысленно представила себе, сколько банок ей надо пройти, чтобы попасть к ступенькам, ведущим к замаскированному мешняшками люку. Стеллаж с банками прорисовался в памяти очень ясно, и Ольга поняла, что она все же не стала настоящей слепой, и зрение, даже будто бы отключенное темнотой, все равно остается главным из всех пяти ее чувств!

Через положенные восемь банок она буквально споткнулась о ступеньку. И была счастлива! Поняла, что совершила самый, быть может, главный подвиг в своей жизни — смелостью победила темноту.

По-собачьи, четырьмя «лапами», побежала вверх, пока не уперлась головой в люк. Уперлась в него посильнее. И люк скрипнул. С большой неохотой, правда, но все-таки скрипнул, подался вверх. Сейчас же в эту щель хлынул свет, словно размывая, расширяя образовавшуюся дыру.

Ольга пробкой выскочила наружу, захлопнула крышку. О, ей хотелось плясать от счастья! Разбежалась, сделала сальто вперед в группировке. То есть, проще говоря, перекувыркну-

лась в воздухе и снова стала на ноги... и при этом чуть не расквасила себе лоб о стену. Потому что все-таки сарай братьев Жеребцовых — это далеко не цирковая арена!

Но вовремя успела упереться руками в толстенные доски. А глазами невольно припала к щели. Елки же палки! От дома к сараю быстро шел Игорь. На полпути остановился, оглянулся довольно-таки боязливо. И уж потом без остановок припустил к Ольге.

Чего делать? Вроде бы надо залезть на балку — для маскировки. Но уже не успеть как следует там улечься. Тогда Игорь тем более может догадаться, что она чем-то здесь занималась — «левым». Потому решила остановиться прямо напротив входа. И первое, на что наткнулся Игорь Жеребцов, был ее суровый взгляд:

— Чего ж ты так долго?

— Долго?! — воскликнул он в сердцах. — А ты попробуй приди, когда они дома!

— Так они ушли?

— Они именно что дома! — проговорил Игорь с тем отчаявшимся выражением, с каким школьники впервые читают стихотворение Пушкина «Под голубыми небесами...».

— А как же ты тогда сумел?

— А вот сумел, — продолжал Игорь все тем же сердитым голосом. И вдруг добавил: — Они напились потому что и спать легли...

Тут Ольга догадалась, что он не такой уж плохой человек, а, наверное, очень даже нормальный. Невольно она улыбнулась.

— Ладно, пошли по-быстрому!

— Я иду, иду... А как же там собачка ваша? Она меня не слопает?

— Привязана. Они ее сами боятся. Мне велят, чтобы я ее привязывал.

— Ну, тогда все, — Ольга вышла наконец из сарая, где... где она столько пережила всего. На всю жизнь хватит.

Тут Игорь вспомнил, что перед ним все-таки

очень симпатичная девочка. И начинались их отношения совсем не на деловой основе. Тем более что у него была не хилая заначка — бумажечка в десять долларов. Их он, правда, берег на дорогу — куда-нибудь от своих проклятых дядьев смотраться. Но уж ради такого случая...

— А мы когда с тобой увидимся?

Ольга с некоторым удивлением посмотрела на него. Сперва хотела сказать:

«На фиг ты мне сдался!»

Но это было бы неконспиративно... Именно так она и подумала. Как-никак — сестра будущего сыщика.

— Хорошо, встретимся завтра без пяти два на углу Щорса и Анны Черняховской... Найдешь?.. И я дам тебе точный ответ!

В смысле про металлом — наверное. Но и сама толком не знала, что имела в виду.

— Х-хорошо, — ответил Игорь несколько оторопело. — Ты там живешь, что ли?

— Ну, в общем, и да и нет.

Игорь остался у ворот в полном недоумении. А Ольга уходила очень быстрым шагом, довольная собой.

Да ведь она и в самом деле была большим молодцом!

Глава XIV

ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ ЗОЛОТО

то не сидел в могиле, тому не понять, какое это простое, но в то же время огромное счастье — никого не опасаясь, ехать в автобусе, сидя у широкого, повесеннему прозрачного окна. И еще одна удача. За все десять остановок в салон не вошло ни одного пожилого дяденьки и ни одной пожилой тетеньки. Вообще ни одного взрослого, пред-

ставляете! А если кто-то «из них» входил, то обязательно были свободные места.

Что ж, по справедливости Ольге и должно было немного повезти — за те муки египетские и за тот страх — как в фильме ужасов.

И тут ей вспомнилось кое-что! Те странные металлические предметики.

Ольга сунула руку в карман. Снова ощупала их. Но вынимать почему-то не стала. Ей было страшно их вынимать. Почему — она объяснить не могла... Еще и воровато оглянулась по сторонам, хотя ни в чем не была виновата.

Дома она застала одного Олекку. Взрослые уже уехали в цирк, а он решил дождаться сестру. И на том основании, что Олекка совершил такой подвиг — не поехал на «Волге», а теперь вынужден будет тащиться в общественном транспорте, братишко ворчал. Дескать, они опаздывают на репетицию, а теперь еще жди, пока она поест. Потому что поесть Ольге следовало обязательно. Иначе не будет сил на выступление... Причем не позже, чем за час до репетиции.

И вот Олекка ворчал, а сам, пока Ольга мыла руки, поставил на стол еду, тарелку, вилку, нож, чашку, в которую тут же налил чаю, потому что знал: Ольга не любит горячего.

Она ела, благодарно ему улыбалась, а он все продолжал свою «лесопилку». Тут Ольга опять вспомнила про те металлические штуки, которые она конфисковала у Жеребцовых. Сейчас самое бы время их посмотреть. Однако они лежали в кармане куртки, а куртка осталась в бабушко-дедовом номере, куда Ольга заскочила взять портфель... И автоматически сняла там куртку.

— Пропадаешь неизвестно где! — продолжал занудничать Олекка. И тут, вспомнив что-то, спросил, почти не надеясь на утвердительный ответ: — Это, между прочим, тебя видели возле дома тех гадов?

— Меня... А как они меня сумели увидеть?

— В бинокль! — значительно проговорил Олег, словно в этом была какая-то особая заслуга.

Оказывается, рыцари Робин Гуда пришли на жеребцовскую улицу, увидели и поняли то же, что и Ольга: спрятаться там совершенно негде. И тогда они приняли единственно правильное, как им думалось, решение: Маленький Джон, сэр Гарри и Монах Тук пошли в лесок, который начинался сразу за улицей, забрались на три наиболее удачных дерева и стали наблюдать.

Ну и фиг они чего оттуда увидели!

Разве только, как Ольга вошла в ворота «вражеского замка». Потому что вражеский сарай был за вражеским замком.

— Ты с ним была знакома, да?

— Нет! — Ольга победоносно улыбнулась. — Но я с ним познакомилась!

И выразительно посмотрела на Олежку: мол, робингудовцам ещепростительно — они привыкли только шариками пулять, а вот Олежка, известный сыщик, ему приемы разыскной работы должны быть известны! Еще великий Шерлок Холмс, для того чтобы оказаться как можно ближе к подследственному, переодевался то в нищего старика, то в пьяного матроса.

А Ольге и переодеваться не понадобилось. Ее ведь Жеребцовы не знали, в том числе Жеребцов Игорь. Поэтому ей достаточно было просто «поменять профессию»: сказать, что она собирает цветной металлом. А потом втереться в доверие при помощи томно опущенных глазок и всего прочего в том же роде. Дальше Ольга рассказала о своих похождениях в могильных катакомбах. Причем тут ничего не надо было прибавлять, потому что и так все получилось супер-конкретно.

Олег сейчас же забыл свое ворчание. Он искренне гордился своей потрясающей половинкой:

— Ну, Олька, ну, геройка! Ты подшибла самолет с одного выстрела!

Она рассказала, как нашла тот мешок на застежках и вытащила оттуда...

— Так чего это было-то?

Братишко смотрел на нее со жгучим нетерпением. В ответ Ольга чуть растерянно пожала плечами.

— Ты принесла сама не знаешь что?!

Они кинулись в бабо-дедовский номер, схватили ее куртку. Оба одновременно. Посмотрели друг другу в глаза. По справедливости, ЭТО должна была бы вынимать Ольга. Но ведь Олежка был *старший брат*. Не смейтесь, те полторы, а может, две минуты, на которые он был старше, в судьбе двойняшек играют огромную роль. Раз появился на свет первым, значит, старший, на всю жизнь!

Так было и у них.

Хотя в то же время частенько получалось, что именно Олег слушался младшую сестру. Вот и сейчас она бы запросто могла сделать так, чтобы Олег уступил ей это право — влезть в карман и вынуть... Но Ольга вспомнила, как ей отчего-то страшно сделалось, когда она эти *штуки* нашупала.

И не стала сопротивляться, отпустила руки. Олег живо залез в один карман, показал взгляdom: «Пусто!» В другой:

— Есть!

Почему-то Ольге очень захотелось зажмуриться... Вот еще, ерунда какая!

Олежкина правая рука выплыла из кармана ее куртки. Это, конечно, продолжалось каких-нибудь полсекунды. Ольге же казалось куда дольше!

Олежка раскрыл ладонь.

Сперва Ольга не поняла, что это такое. Какие-то странные «железяки» желтого цвета.

Потом до нее дошло: да ведь это золото!

Дальше она догадалась: не просто золото, это же золотые коронки!

Поняли вы, о чём я говорю? Коронками называется то, что зубные врачи надевают человеку, если у него зуб испортился или на нем стоит некрасивая пломба. Часто коронки надевают на несколько зубов. Теперь это делают обычно из металлокерамики или пластмассы, которые не отличить по цвету от настоящего зуба. А раньше, когда так не умели, ставили золотые коронки.

Пять или шесть таких коронок лежали сейчас на Олежкиной ладони.

Невольно Ольга вскрикнула, чуть не потеряла сознание, а Олег дернул рукой, словно на ней сидели ядовитые пауки.

Коронки с металлическим, «золотым» звяком упали на пол. Совершенно не думая, что он делает, Олекка шагнул вперед, закрывая собой сестру.

Они, конечно, тут же поняли, что никакой опасности эти вещи не представляют. Просто было противно, что они из человеческого рта.

И не просто ведь изо рта, вы понимаете? Какие-то подлецы вырывали их, когда человек уже умер, — вот в чём ужас!

— Их там целый мешок, понимаешь? — прошептала Ольга.

Откуда их взяли братья?.. Неужели раскапывали могилы?.. Но ведь этого не может быть!

А с другой стороны, этот, младший, как его?.. Николай... говорил: «Там холодно» — и что-то еще в том же роде. Так, может, все-таки?..

— Надо в темпе все Робину сказать! — воскликнул Олекка.

Но тут уж Ольга проявила твердость. Медленно покачала головой.

— А почему, Оль?.. Почему ты против?

Хотя она не сказала ни слова. Но им ведь и не требовалось никаких слов!

А дело в том, что Ольге казалось: с Робином

как-то не все чисто в этой истории. Велел следить за Жеребцовыми. Сказал, что они «гады». Стало быть, что-то знал? Но при этом никого из рыцарей не предупредил, что Жеребцовы где-то, где «очень холодно», у людей золотые зубы вырывают.

Почему не сказал? Не потому ли, что золото — это богатство, если, конечно, коронки расплавить или как-то еще *переработать*. Недаром Николай и Серафим говорили, что нужно обратить ИХ в доллары! И что они миллионеры.

Может, и Робин?..

Но как-то уж очень это было на него не похоже!

Значит, опять, как привидение из тумана, выплывал тот самый неведомый «спонсор», про которого уже думала Ольга. Может, это его рук дело? А Робин просто рядовой исполнитель, «рыцарь на побегушках».

Но и это как-то совсем не было похоже на Робин Гуда...

— Что ты предлагаешь, конкретно?

Ольга пожала плечами:

— Да просто последить за ним хотя бы денек-другой, вот и все.

— Ну... — Олежка нервно хмыкнул. — Да-вай попробуем!

Ему казалось, что этим он в чем-то предает друга. Но и с Ольгой не согласиться было трудно.

Тут близнецы посмотрели на часы. Все, больше ни одной минуты они не имели права думать о чем-то, кроме цирка. Стремительно собрались, спрятали жутковатые коронки, тщательно после этого вымыли руки и помчались на репетицию. Потом отдохнули, поговорили с дядей Ваней Янцзы, который, кроме того, что был стариннейшим другом их деда, являлся еще и, может быть, лучшим из живущих на земле фокусников.

Потом начался праздничный вихрь, который называется *цирковое представление*. И близнецы радостно нырнули в него, как «ныряли»

почти каждый день, и от этого праздник не переставал быть чудом. Потом, через два примерно часа, все отгремело, отсверкало, отлеталось и оттанцевало. Измученные, со счастливыми глазами, они смотрели друг на друга:

— А как у нас сегодня?.. — и со смехом вспоминали какую-нибудь накладку, которую публика не заметила, а на самом деле номер был «на волоске от смерти». Но в результате вышли из положения с блеском!

На следующий день после уроков, в те относительно свободные часы, которые обычные школьники тратят на приготовление домашнего задания, близнецы отправились на поиски Робин Гуда. Надо заметить, что и Робин, увы, не тратил времени на приготовление домашних заданий, поэтому и учился всего лишь на «твёрдые тройки» и тем — опять же увы — был доволен.

Так что сейчас Робин Гуда вернее всего можно было найти в штабе. Они «запустили» туда Олега, который зашел только для того, чтобы якобы узнать, нет ли здесь Ольги.

Робин действительно был в штабе. Выслушивал доклады своих рыцарей о совершенно неудачном вчерашнем дне. И когда Толик — Маленький Джон сказал, что, вообще-то, они никогда не были шпионами и задание это не для них, Робин Гуд нахмурился, но ответить толком ничего не сумел. Только твердил, постукивая кулаком о гладкую столешницу их прекрасного «рыцарского» стола:

— Мы это должны узнать! — окунул всех сердитым взглядом. — Мы должны непременно. Это металлическое задание!

— Задание? — быстро переспросил Олег.

Робин Гуд на мгновение замер. Но тут же нашелся:

— Ну... ваше задание, мое задание... Вот и все!

То есть «спонсор» — права Олька! Однако Олег ничем себя не выдал, лишь кивнул, пожелав им удачи, и сказал, что если он быстро найдет сестрицу, то присоединится к рыцарям. На последок Олег спросил у Робина:

— А ты тоже там будешь — за домом следить?

— Не-е-а, у меня дела... мы только вечером здесь встретимся. Придешь?

Олег развел руками:

— У нас же работа.

Глава XV

ЧЕЛОВЕК В ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ

а том и расстались. Однако не расстались на самом деле, потому что близнецы тихонечко спрятались на противоположной стороне улицы, откуда выход из штаба был отлично виден. И вот буквально минут через пятнадцать рыцари вывалились на свежий воздух. Они не были грустными или озабоченными, для них задание следить за «гадами» было очередной игрой.

Иначе выглядел вышедший на улицу последним Робин Гуд. Он шел, глубоко засунув руки в карманы, подняв плечи и насупив брови. Шел, не оглядываясь, не думая, что кто-то может за ним следить... А ведь у ноттемгемского шерифа, наверное, были свои соглядатаи! И Робину следовало бы об этом подумать.

Нет, он ни о чем таком думать не хотел. Топал себе по улице, а потом вошел в парк. Это, собственно, не парк был, а почти лес. Тот самый, кстати, где сражались Монах Тук и близнецы. Робин шел, погруженный в глубокую задумчи-

вость, а близнецы, которые не раз и не два занимались детективной работой, следовали за ним, словно две тени.

Прилетевшие уже в эти места птицы не могли наораться от радости, и Ольга, не забывая о бдительности и бесшумности, слушала, замирая сердцем от восторга, дорогих певцов. Робин же их вовсе не замечал.

И вдруг заметил. Вынул рогатку... сердце у Ольги буквально сжалось. Она посмотрела на брата. Этих выстрелов допускать нельзя. Их надо предотвращать любой ценой!

И Олег согласно кивнул.

Но, слава богу, что они не полезли раньше времени в бой. Потому что Робин Гуд, оказывается, и не думал убивать птиц. Хотя при его меткости он мог бы запросто это сделать.

Нет, Робин устроил совсем другую стрельбу. Он брал мокрый липкий снег и комками лепил его к стволам деревьев. Потом, достав несколько шариков, стал стрелять в эти комки. Бам — и только брызги, бам — и только брызги, бам — и только брызги!

Здорово!

Ольга давно заметила, что Робин Гуд — э-хехе — красивый мальчик. Но сейчас она впервые заметила, что эта красота имеет отношение... и к ней. Робин был, во-первых, высокий. Во-вторых, у него были светлые волосы и светло-карие глаза. Сам же взгляд всегда спокойный и... смелый какой-то. Губы яркие, а щеки бледные. А плечи широкие, и Ольга отлично знала, что он сумел бы постоять за себя!

Постреляв в прилепленные комки, Робин Гуд слепил еще один комок, подбросил его высоко вверх, очень быстро прицелился из рогатки, пум — и снежок разлетелся в прах. Это действительно был великий выстрел. Настоящее цирковое искусство, которое только, увы, не показешь в цирке.

Ольге даже показалось, что снежная ледяная пыль от того комка мельчайшей капелькой попала ей на лицо. И странное волнение охватило Ольгину душу. А впрочем, все было ясно: она влюбилась! Вот именно в эти мгновения. Так страшно было сейчас посмотреть Олежке в глаза — он бы сразу обо всем догадался!

Но, слава богу, родной двойняшка сам боялся посмотреть ей в глаза, потому что тоже... влюбился в этого потрясного Робин Гуда!

А веселый Робин Локсли — ведь так, если вы помните, звали великого стрелка — убрал свое оружие и быстрым упругим шагом отправился куда-то... да куда же еще, как не домой!

Вышел на трамвайную остановку. Вот как, ему от штаба надо было проехать до дома несколько остановок. Все же Ольге это показалось немного странным. Они ехали в другом вагоне и отлично видели, как Робин сидит с левой стороны, где сиденья на одного. Ольга и сама любила там сидеть. Только одно ей было, пожалуй, странно: почему он оставил в штабе портфель... Да, действительно: Робин ехал домой без портфеля.

Так, может, все-таки он ехал не домой?

Сказала об этом Олежке. Тот нехотя дернулся плечом:

— Давай лучше ему все расскажем, а? Как-то противно подслеживать за таким... человеком!

Ольга ничего не ответила. Прежде всего потому, что ей не хотелось спорить с братом. А потом — она и сама чувствовала, что это какое-то... глупое преследование. Главное же — нечестное!

Хотя вроде ничего нечестного тут не было.

И все-таки было!

Действительно в том, что следишь за хорошим человеком, а он ничего об этом не знает, есть нечестность.

Робин в это самое время вышел из трамвая, и близнецы, конечно, тоже. Причем нисколько бо-

лее не скрываясь: увидит так увидит! Однако он не увидел. Потому что прямо от остановки чуть ли не побежал во двор девятиэтажного красивого дома, каких в Городе было — раз, два и обчелся.

Тут Ольга посмотрела на брата и почти силой заставила его не окликать Робина. Коли уж пришли, надо понять, куда же так стремился сей благородный рыцарь. Олег в ответ лишь неодобрительно покачал головой.

Соблюдая некоторую осторожность, они побежали за Робин Гудом. И быстро поняли, к кому он так стремится. Это был человек в хорошей военной шинели, в полковничьей папахе, в генеральских бурках... А вернее, в бурке, потому что у него была одна нога и он сидел в инвалидном кресле.

— Дядя Петя! — закричал Робин. — Привет!

Дальше они ничего слышать не могли. Но увидеть кое-что им удалось. Робин стал что-то ему рассказывать, вернее так: он стал отвечать, видимо, на довольно-таки неприятные вопросы человека, сидящего в коляске. Уже через минуту Робин буквально оправдывался перед инвалидом. Потом просто стоял, опустив голову, и слушал, как его ругают... Ольга глазам своим не могла поверить.

Потом нотация прекратилась. Человек в офицерской форме теперь давал Робину указания. Он говорил очень тихо, но энергично. Взмахивал правой рукой и разгибал пальцы: большой, указательный, средний. То есть давал своему подчиненному... Робин Гуду указания: первое, второе, третье. Наконец махнул рукой: двигай, мол, отсюда и без выполненного задания не возвращайся!

Робин кивнул, четко повернулся, словно был на военной службе. И пошел обратно к трамвайной остановке. Дальше он проделал тот же путь до штаба. Взял портфель. И потом дворами направился к довольно обшарпанной пятиэтажке.

Минут через десять выскочил из этого дома с пустым полиэтиленовым пакетом в руке — явно за хлебом или чем-нибудь подобным.

Тронув брата за руку — стой тут, Ольга вышла из укрытия, в котором они прятались. Пробежала немного и в результате сделала так, что они с Робин Гудом буквально столкнулись нос к носу... И опять она должна была признать, что Робин очень красив. Только на лице его была написана глубокая грусть.

— О! Привет! — сказала Ольга, беззаботно улыбнувшись. — Как дела?

— Тебя брат ищет, — ответил Робин Гуд не очень приветливо. Наверное, у него было очень плохое настроение.

— Ты здесь живешь? — спросила Ольга невинно.

— Да... А что?

— Ничего. Нельзя, что ли, спросить?

— Спросить можно!

И Ольга почувствовала, насколько Робину не до нее. Вообще — насколько она сейчас ему безразлична.

«А ведь я из-за тебя чуть ли не жизнью рисковала!»

— Спасибо за ценные сведения, — она кивнула и пошла прочь.

Робин и не подумал посмотреть ей вслед. Когда мальчишка глядит тебе вслед, это всегда чувствуется. А если — нет, ты словно идешь по пустоте. Именно так сейчас Ольга и шла.

— Ты чего? — Олежка невольно тронул ее за рукав.

И пусть. И никто не нужен ей, кроме родной половинки!

— Знаешь, Олежища, вся разгадка там!

— Разгадка чего?

Ольга сама не знала, как ответить... А в общем, она имела в виду историю с братьями

Жеребцовыми, которые где-то берут эти золотые зубы.

В то, что они раскапывают могилы, поверить, конечно, было трудно! Но дело даже и не в них, а в том, что Робин Гуд приказывает своим рыцарям следить за ними. Занятие, кстати, совершенно не рыцарское! И Робин это понимал, наверное, лучше всех.

А все-таки шел на подобные вещи.

Почему? Несомненно, потому, что тот человек в инвалидной коляске, дядя Петя, был для него очень важной фигурой... Авторитетом!

Вдруг Ольга подумала, что слово, которое так нечаянно выскочило из нее — «авторитет», оно из воровского языка!

Но ведь это случайность...

Хм, а если нет?

Инвалида они опять застали во дворе на том же месте между песочницей и грибком. Близнецы какое-то время наблюдали за ним. Казалось, он просто дремал на апрельском радостном солнышке. Но едва Ольга вошла во двор, сразу поднял голову, сразу и точно попал в нее взглядом. Так что было уж не вырваться.

Впрочем, Ольга и не собиралась вырываться. Пошла прямо к нему.

Олежка, соответственно, остался в засаде. Близнецы никогда без надобности не показывали, что их... двое. Неожиданность в детективной работе — дело очень полезное.

Итак, Ольга пошла к этому... как его? К дяде Пете, а Олежка остался в засаде. Почему он? Да очень просто. Потому что в засаде лучше оставлять сильнейший отряд. Так внезапность работает с куда большим эффектом.

И вот Олег следил, как сестрица его подошла к дяде Пете. Поговорила — буквально несколько секунд. Ветеран что-то бросил ей — не слишком приветливое, и Ольга отчалила... Сразу видно, что несолено хлебавши!

После этого дядя Петя опять закрыл глаза, словно Ольга к нему никогда и не подходила.

А дело было так. Ольга подошла... С чего же начать-то?.. И решила, что с самого дикого. Чем диче, тем подозрений меньше.

— Здравствуйте!

— Здравствуй! — он усмехнулся. — Ну? Что ты мне сказать хотела?

Ольга стремительно прикинулась простофильей. Собственно, с этой физиономией она и шла к нему. А теперь сделала «простофилю хитрую». Можете себе представить, что это такое. Что-то вроде торта «Наполеон», в который вместо крема набухали соленого маргарина. По виду вроде то же самое, только в рот взять невозможно!

— А откуда вы знаете, что я хотела вам что-то сказать?

— Да уж на тебя как глянешь — угадать не трудно! Так чего надо-то?

— Ничего особенного. У вас тут в доме живет Лида Берестова?..

А с этой девочкой Ольга когда-то дружила. Потом из-за их бесконечных переездов Лидин след затерялся. Впрочем, кто следит за судьбой близнецов по другим книжкам, наверное, поймет, о ком я говорю.

Но человек в коляске ничего понять не мог. Он удивленно посмотрел на Ольгу:

— А это кто такая?

— Девочка одна...

— Понимаю, что не мальчик! И зачем она тебе?

— Так вы знаете Лиду? — по правде говоря, Ольга была этим обстоятельством здорово удивлена.

— Да не знаю я никакую Лиду! — ответил ветеран раздраженно. — Иди отсюда... Идиотка какая-то!

Он запахнул шинель, а для этого ее сперва надо было распахнуть. И Ольга увидела на гим-

настерке три или даже четыре ордена... Настоящий ветеран, воин, а значит, хороший человек!

Она хотела извиниться и уйти. Однако не ушла, а стала продолжать игру в простофилию... Потому что ей показалось кое-что... странным... И тут придется чуть-чуть вспомнить про цирк Олавы Джоновича Сильвера. Я уж вам, правда, про него говорил. Но не сказал, кажется, как он появляется на арене. А появляется он, надо сказать, очень эффектно. Высоченный, широкоплечий красавец, да еще чернокожий, да еще с ослепительно белой шапкой курчавых волос.

Суть именно в этих волосах. Дед Олава действительно седой. Но не очень. Он то, что называется «с проседью». Но это *неэффектно*, когда человек чуть-чуть седой. Хорошо, когда седой, *как лунь...* Есть такое выражение. И вот старый — а на самом деле не такой уж *старый*, потому что он так с двухпудовыми гилями управляетя, что залюбушься, — так вот *старый* Олава для того самого эффекта постоянно подкрашивает волосы. Как черные корни вылезают, ему бабушка Тома их сразу осветлителем — ба-бах!

И вот сейчас Ольга, которая не раз помогала бабушке красить деда, увидела опытным глазом, что виски у ветерана войны и две красивых, очень печальных пряди на лбу тоже выкрашены! Тут Ольга стала внимательней присматриваться к дяде Пете... У него что-то и лицо... какое-то не очень старое, честное слово!

Наконец он заметил ее пристальный взгляд.

— Ты чего это? Как уставилась на меня?

— Да вы мне одного ветерана напоминаете, из кинофильма... ой, только не помню, как он называется... А вы случайно не под Сталинградом воевали?

— Нет, не под Сталинградом, — ответил ветеран с подчеркнутой обидой. — Вы думаете, что, кроме Сталинграда, нигде и сражений настоящих больше не было!

— Я так не говорила... А вы где воевали?

— Да на разных фронтах, — ответил он с некоторой неохотой. — Линия фронта шла по всей стране!

Еще раз она присмотрелась к этому человеку... ведь он обманывал! Ему не могло быть семьдесят лет. Зачем он это делал?.. С орденами, на инвалидной коляске, с оторванной снарядом или миной ногой...

— Ладно, спасибо вам большое. Я пойду еще поспрашиваю...

Она вернулась к Олежке. В задумчивости близнецы пошли к трамвайной остановке.

— А может, тебе все-таки показалось?

— Может, и показалось, — Ольга пожала плечами. — Но он не такой старый, как говорит! Ему не семьдесят — это я спорить могу!

— А может, он... да мало ли... пластическую операцию, например...

— Ну чего ты, Олежка?.. Ты в это веришь, что ли?!

Сколько-то времени они молчали — до самого прихода трамвая.

— Я Робин Гуду верю! — сказал наконец Олег. — А ты ему что, не веришь?

— Я так не говорила!

— Ну и вот!

— Что?

— Да то, Олечка! Мы себя ведем как-то странно.

— Как же странно?

— Да как собаки на сене.

— В смысле?!

Как говорит бабушка, повеяло ветром хорошей склоки.

— В смысле, что ни себе, ни людям, — он в упор посмотрел на сестру. — Надо отдать Робину эти зубы и все рассказать! Чтоб он знал, что эти твои кони-лошади-Жеребцовы — подлецы!

Ольге было что возразить на это. Однако она сказала спокойно:

— Да пожалуйста. Я что, тебе возражаю, что ли?

— Ну тогда все в порядке, — Олег улыбнулся. И Ольга с радостью улыбнулась ему в ответ.

Глава XVI

НЕ ЖЕНСКОЕ ЭТО ДЕЛО

ыцари сидели за столом, в своих креслах. Робин — во главе. А Ольга и Олег на простых стульях. Потому что по уставу, придуманному еще королем Ричардом Львиное Сердце, рыцарей могло быть определенное число — двенадцать. И если кого-нибудь исключат за позорный проступок или убьют в честном поединке, только тогда кто-то мог сесть на освободившееся место рыцаря.

Но все равно, хотя они и сидели на простых стульях и не были рыцарями, именно близнецы сейчас являлись тут главными фигурами!

Посреди стола лежали эти ужасные золотые штуки... Отвратительные!

— Это... ты достала? — спросил Робин Гуд, совсем другими глазами глядя на Ольгу... Совсем другими.

— Ну... — она махнула рукой.

— Нет, погоди! — чуть ли не закричал Олежка. — Я расскажу! Она сейчас все испортит!

И стал рассказывать... \

Ольга всегда знала, что он не такой уж мас-так на рассказы. Но тут Олежка просто отлично, просто потрясно рассказывал. Быть может, дело в том, что он не для себя старался, не про себя говорил, а про свою родную сестренку. Ольга, между прочим, многого ему не говорила, но Олежка сам догадался — и как ей было тяжело,

и как она не испугалась, когда многие и многие дрожали бы, как осиновые листочки.

Олежка замолчал. Рыцари, а особенно сам Робин с удивлением смотрели на Ольгу:

— Чего, правда, — так все и было?

— Вопрос вообще-то странный! — заметил Олежка с обидой. — Или кто-то из господ рыцарей сомневается в моей честности?

Тишина проползла между ними, словно невидимая черная кошка. Но тут же рыцари стали говорить, что ни в чем они не сомневаются, что они уверены в честности сэра Ольгерда! И уверены в смелости госпожи Олеоноры.

Слушать их было и смешно, и приятно в то же время. Потому что «госпожа Олеонора» знала, что это, может быть, самые смелые ребята, с которыми сводила ее судьба. Теперь, раз они про нее так говорили, она, наверное, имела право на то, чтобы высказать свое мнение... по некоторым вопросам! Ольга его и высказала. В виде вопроса:

— А вот скажите мне, пожалуйста, славный рыцарь Робин Гуд, этот ваш дядя Петя, он действительно стоит того, чтобы за него сражаться?

Робин метнул на Ольгу быстрый взгляд: ведь про дядю Петю он никому ничего не говорил!

— А ты как узнала?.. — и умолк. Умолк потому, что ведь и ребята, его рыцари, тоже ничего про дядю Петю не знали. И славный Робин Гуд нахмурился: никак не получается у него гладко с этой Ольгой! Все время ей больше всех надо!

Однако взял себя в руки:

— Могу ответить. Дядя Петя Кучерявый...

— Что за «Кучерявый» такой?

— Это его подпольное прозвище.

— Что за «подпольное»?

— Слушай, Оль, а ты не много вопросов задаешь?

— По-моему, в самый раз!

А золотые зубы-то лежали на рыцарском столе, и тут всякий сказал бы, что она имеет право спросить и имеет право знать! Рыцари, сидевшие справа и слева от своего предводителя, молчали, а она спрашивала!

Это был неприятный для Робина момент, очень неприятный. Впервые рыцари не одобряли его.

— Хорошо. Здесь никакой тайны нет... Просто дядя Петя меня просил...

Значит, тайна все-таки была!

Эх, не хотелось Ольге, совсем не хотелось с ним вступать в такие отношения. Ей очень хотелось относиться к нему как к красивому и смелому мальчику, который бы провожал ее из школы, а вечером гулять с ним под самыми крупными, какие только найдутся на небе, весенними звездами. Но получалось все наоборот, хоть ты застрелись... из рогатки!

— Так рассказывай, — сказала Ольга спокойно, однако и сурово, мол, говори, я себя обмануть не дам!

— Просто дядя Петя довольно-таки много знает, — Робин пожал плечами. — Он потому что разведчик.

— Бывший? — спросил Олег, имея в виду, что без ноги разведывать — тяжелое занятие.

— Бывших разведчиков не бывает! — сурово отчеканил Робин.

И потом стал рассказывать, как дядя Петя и во Вьетнаме побывал, и в Афгане, и в Корее — в общем, на разных войнах, но всегда разведчиком! Он сам нашел пацана, который был тогда простым стрелком из рогатки, рассказал ему про Робина, дал штаб — вот с этим столом, и креслами почти что дубовыми, и с этим электрочайником, и со всем остальным...

— Как это «дал»? — спросила Ольга. — Заплатил за все?

Оказалось, что Робин про это не очень знал.

А в самом деле, ему-то что? Взрослый хороший дядька, с орденами, инвалид войны, разведчик, дает ему такое богатство. Говорит: это потому, что Робин ему приглянулся — за смелость, за неуступчивость всяким там гадам. Ну и ясное дело, ничего, кроме гордости, ты в таком случае испытывать не можешь. И, соответственно, брешь от него такие отличные и такие нужные тебе подарки!

Ну и, само собой, ты говоришь, что будешь выполнять кое-какие просьбы дяди Пети. Тем более что задания эти как раз такие, которые тебе именно хочется выполнять. Например, какого-то гада прищучить, как было в прошлый раз с тем бизнесменчиком.

Или в этот раз... Тут Робин Гуд посмотрел на Ольгу:

— Мы хотя и не знали, кто они такие, эти братья, а оказалось, что они подонки из подонков, — ты сама это узнала. Вот и выходит, что дядя Петя опять оказался прав!

Рыцари молчали, но на физиономиях у них было написано облегчение: им вовсе не хотелось с Робином ссориться. А тут оказалось, что все отлично. Роберт увидел их лица, кивнул спокойно так, уверенно:

— Только с этой минуты, пацаны, у нас еще одна общая тайна — самая главная. Если мы пропремся, если с дядей Петей что-то случится...

— Мы можем поклясться! — торжественно проговорил Маленький Джон.

Робин покачал головой:

— Клясться-то, может, не надо. А вот слово дать — друг другу и самим себе...

Как-то уж больно складно он говорил, и Ольга заподозрила, что это дядя Петя провел с ним соответствующую беседу. Опять вспомнились его крашеные височки.

А у деда твоего?

Но ведь дядя Петя не цирковой артист!

Хотя разведчикам много чего необычного приходится делать... Нет, вы не подумайте, Ольга вовсе не хотелось ни в чем его подозревать, совершенно ни в чем. Она вообще не любила подозрительных. Но вот ничего не могла с собой поделать! Как только вспоминала его глаза — холодные, ищущие. Его вопросы... Хотя ничего особенного в его вопросах вроде и не было!

Да что там, собственно говоря? Надо просто еще раз все перепроверить. Если он хороший, этот дядя Петя, так и слава богу! И сказала Робину:

— Чего ж ты сидишь тогда? Отвези ему... — и показала пальцем на ужасные зубы. — Наверно, ему это будет важно!

Робин внимательно посмотрел ей в глаза:

— Хочешь, поедем со мной. Поговоришь — сама во всем убедишься... Человека же видно!

Тоже, вернее всего, была не Робина фраза.

— Ведь это ты нашла! Я чужую славу присваивать не хочу.

А поехать-то, в самом деле, было бы неплохо. Но ведь Ольга сама все себе напортила дурацкими разговорами про Лиду Берестову да еще тем более с полуглупым выражением лица... Она могла лишь улыбнуться да покачать головой:

— Большое вам спасибо, граф, за приглашение. Но я полагаю, это не женское дело — участвовать в тайных переговорах и в ловле нечестных людей. На то в нашем королевстве есть мужчины и рыцари!

— Во дает! — не выдержал сэр Гарри.

— И, наверное, вы правы, досточтимая леди, — сказал Робин Гуд самым учтивым голосом. — Тогда мне пора.

— С вашего позволения, господа, — Ольга поднялась. — Я тоже откланяюсь. Вы проводите меня, граф?

— Почту за счастье! Куда вам?

— К трамваю, с вашего позволения...

На остановке они еще потрепались в том же духе, чем немало развлекли стоявшего чуть в стороне дяденьку лет пятидесяти. Затем подошел трамвай «номер три», который как раз шел к дяди-Петиному дому.

— Вынужден вас покинуть, дорогая леди! — произнес Робин Гуд, и Ольга могла бы поклясться, что в его голосе звучали ноты сожаления: нет, не хотелось ему с Ольгой расставаться! — А может, все-таки вместе бы... махнули?

— Нет, сэр, увы. Мое решение остается неизменным!

И как только Робин вошел в вагон, она серой мышью нырнула в другой вагон того же трамвая. Робин Гуд, который никак не ожидал подобного коварства, ничего не заметил. Он стоял, глядя куда-то в пустоту, и улыбался.

Глава XVII

ЗАМОГИЛЬНАЯ ДРАКА С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

 вот она смотрит из-за уже хорошо изученного ею дерева, как Робин рассказывает дяде Пете об их открытии. Дядя Петя берет в руки эти «зубы», слушает внимательно, еще раз смотрит на это странное и ужасное золото. Сразу видно, что ветеран войны взволнован. Но понять бы, из-за чего! То ли из-за того, что у каких-то людей кто-то зубы вырывал, то ли — что перед ним такое золотое богатство. Одна эта пригоршня, наверное, многие тысячи стоит. А если каким-то образом раздобыть у противных братьев все, что там лежит... Да на эти денежки столько можно купить или построить — или для кого-то, или для себя лично.

И в этом был большой вопрос!

А дядя Петя в это время что-то говорил Робину, можно сказать, втолковывал. Потом, видимо, спросил:

«Ты все понял?»

Робин утвердительно кивнул.

«Ну, ступай тогда!» — и дядя Петя напутственno шлепнул своей ладонью о ладонь Робин Гуда. Так делают моряки, или шоферы- дальнобойщики, или представители других интересных профессий. Может, и разведчики тоже?..

Робин улыбнулся и побежал к трамвайной остановке, а дядя Петя смотрел ему вслед. Робин обернулся, они еще раз обменялись взглядами — самыми дружескими, какие только можно себе представить. Тут и трамвай подошел. Робин сел и уехал. И сейчас же дядя Петя вынул из кармана трубку мобильного телефона... Во какие у него штуки, оказывается, есть! Робин Гуд об этом точно ничего не знает. Хотя, с другой стороны, мобильный не такая уж роскошь. Но просто как-то странно было видеть ветерана, у которого нет лишних средств, чтобы купить себе новую шинель и он вроде как старую, фронтовую донашивает... так вот странно видеть ветерана такого... небогатого с мобильником в руках!

Дядя Петя в это время что-то растолковывал людям на том конце несуществующего провода. Лицо его стало решительным и даже... злым. Он кричал. Но не в полный голос, а шепотом. Так что Ольга ничего не слышала.

— У-у, барыга! — неожиданно услышала Ольга у себя за спиной.

— Да брось ты, Зинаида Леонидовна! — ответил другой, тоже женский, но спокойный голос. — Чего ты всех осуждаешь. Знаешь, как в одной книжке написано? Не судите, да не судимы будете!

— Не могу на этого Петьку смотреть! Как по этому телефончику разговаривает, видишь?

— А что тебе? Разговаривает и разговаривает...

— Да ведь тут каждая минута чуть не десять рублей стоит!

— Ну и... Значит, деньги есть.

— Вот и вопрос, откуда!

Две женщины разговаривали, не видя Ольги. Одна была совершенно обычна, по-старушечьи одетая, в платке, в темном ношеном пальто. Другая же, которая ругалась, эта Зинаида Леонидовна, была, несмотря на свой немаленький возраст, вся такая подкрашенная, в шляпке двухэтажной, с лисой, которая висела у нее на шее, сверкая стеклянными глазами, в короткой ярко-голубой куртке и красной юбке до земли. Не то чтобы ее наряд выглядел некрасиво, но как-то странно — не подходил для ее возраста.

Женщины Ольгу не видели — место у нее было вполне надежное — по крайней мере для того, чтобы укрыться от таких двух «несыщиц».

— Чего ты на него взъелась-то?

— Подлец!

— Сама ты больно хороша!

— Обо мне речи нет. Может, и я плоха. Я про Петьку... а ты, Верка, просто его боишься, вот и все!

Вот так разговор. Но больше ничего Ольге услыхать не удалось, потому что женщины пошли к дому-девятиэтажке, мимо дяди Пети. Зинаида просто кивнула ему, а вторая поклонилась и сказала:

— Доброго здоровья, Петр Яковлевич!

Дядя Петя не обратил на них никакого внимания, словно вообще никто сейчас не проходил мимо и никто с ним не здоровался. Он продолжал что-то втолковывать тем, кто разговаривал с ним. И это действительно многовато было для мобильного телефона, даже если дядя Петя был очень состоятельным человеком.

А ведь он таким вроде не был.

Или был?..

В засаде своей Ольга просидела довольно долго — ничего не происходило. Однако она чувствовала, что произойдет. И вот минут через пятнадцать во двор буквально влетел шикарный и огромный джип. Сразу видно было, что вели его мастерской рукой. А еще тот, кто сидел за рулем, видеть, не особенно переживал, что кого-то сшибет или задавит.

Из джипа, с заднего сиденья, вылезли два человека. Таких народ называет «шкафами» — за их квадратные размеры и за их «умные» лица. Они направились прямо к дядя Пете, который улыбался и даже привстал с кресла своего. «Шкафы» при этом не улыбались. На их лицах было обычное для такого типа людей выражение наглого безразличия. Третий, тот, что был за рулем, остался в машине.

Бандиты — а это несомненно были бандиты! — перекинулись с дядей Петей двумя-тремя словами, потом один из них, тот, что был не такой наглый и крутой, потому что при начальнике ему быть таким не полагалось, так вот этот «менее» взялся за спинку дяди-Петиной коляски и стал толкать ее к дому. А второй, который, по Ольгиним предположениям, был «бригадиром» (или как там у них это называется?), остался на улице.

Теперь его можно было рассмотреть во всей красе. Тут и спорить нечего, перед ней стоял бандюк! Можно, конечно, было предположить, что разведчики так здорово маскируются, что их прямо уж и не отличишь. Но скорее всего это были все-таки натуральные бандиты. И что с ними делал разведчик дядя Петя, это можно только гадать.

Или, может, такой он был разведчик?

Тут из дома появился второй «шкаф», помощник, он одной рукой, перехватив его за талию, нес дядю Петю, а в другой — два костыля. С та-

кой «поклажей» он проследовал к джипу, почтительно подождал, пока туда сядет его командир, потом усадил на переднее сиденье дядю Петю и сел сам. Джип с ходу тронулся, а Ольга стремглав бросилась к трамвайной остановке... в таких случаях просто необходимо иметь автомобиль, или мопед, или хотя бы велосипед. Или уж в самом крайнем случае — деньги на такси.

Но ничего из перечисленного у нее не было! И не было даже Олежки, с которым можно было бы посоветоваться, с которым можно было бы разделить риск, страх и... будущую победу.

А трамвай-то оказался очень милым — не заставил себя долго ждать. Здесь вообще транспорт работал как часики — Москве и Санкт-Петербургу бы у Города поучиться! Когда Ольга выскочила на нужной ей остановке, то могла точно предполагать, что опоздала к «началу спектакля» не очень намного. С джиповских колес даже не успел свалиться налипший на этой полу-сельской улице снег.

Ольга побежала к калитке, постояла секундочку в раздумье. Открывать? А если собаченция — на нее? По идеи, должна быть привязана, потому что, когда братья открывали и впускали гостей, они собачку должны были убирать. Хотя как раз ее лучше было бы им оставить. Но ведь Жеребцовы вовсе не собирались ссориться с такими «гостями».

Ольга тихо вошла во двор. Цементная гладкая дорожка вела к дому, а где-то на середине ответвлялась к сараю. Куда же ей пойти? К сараю, конечно. Хотя и видно было, что на дверях его висел тот знаменитый замчище.

Что она собирается делать дальше, Ольга не знала. Абсолютно!

Но она точно знала: надо быть поближе к событиям. А то, что события будут происходить в сарае, она не сомневалась. Теперь надо было как-то спрятаться. А спрятаться было негде. Потому

что это было место, из которого хозяева тянули все возможные соки. Под уже сильно стаявшим снегом угадывались прошлогодние грядки и гряды, которые остались после уборки картофеля. Рядок голых кустов смородины не то еще чего-то тоже служил плохой маскировкой. Еще на участке было несколько яблонь. Но и за ними, голыми, конечно, не спрячешься.

Ольге ничего не оставалось, как только обежать сарай и тихо стать с противоположной стороны... Вернее, не стать, конечно, а присесть на корточки, потому что с крыльца дома ее запросто можно было бы увидеть.

Но это если приглядываться. А братьям и шедшим за ними бандитам было не до приглядок. Жеребцов-старший, Серафим, хотел было что-то сказать, но парень в кожаной куртке, которого Ольга до этого не видела, шофер, наверное, стукнул его по-каратистски выгнутой ладонью в затылок, и бедный Жеребцов чуть не пропахал по своей шикарной дорожке носом.

Сквозь щели сарая не так уж хорошо все было видно. А потом Ольга и вовсе перестала подсматривать. Она легла на снег. И только слышала, как эти мафиози приказывали братьям: «Открой! Лезь! Эту открой!», и она с ужасом поняла, что бандиты пользуются ее рассказом. Хотя она, естественно, совершенно не питала к братьям Жеребцовым ни капли уважения, все же ей было противно, что они попались из-за нее.

Вернее, так: пусть бы их «взяли за хобот», но нормальные милиционеры, а не эти бандюки. Они, быть может, еще хуже самих Жеребцовых, которые обворачивали мертвецов!

На какое-то время звуки стихли, потому что вся эта компания спустилась на самое дно «могилы». И тогда безумная мысль забегала у Ольги в голове: закрыть их там и вызвать милиционеров. Она вскочила со снега, припала к щели... Ничего не выйдет! В сарае остались двое: дядя

Петя и шофер. Они стояли над ямой, не произнося ни слова, потому что им совсем не хотелось говорить друг с другом.

На лице у мафиозного шоферюги было нетерпение, а дядя Петя... даже и не скажешь, как называть то чувство, которое проступало на его лице сквозь маску напускного спокойствия и поддельную полуулыбку — досада, страх? А может, чувство, что он свалил большого дурака, связавшись с «брателлами». Так оно, кстати, потом и оказалось.

Прошло еще минуты три-четыре, и вот из лука показался младший, Николай. Он тащил то, что Ольга приняла за мешок. Это был брезентовый, очень старый чехол от чего-то военного, потому что вещь эта была «защитного», то есть зеленого цвета. Только чрезвычайно выцветшего.

Николай поставил чехол на землю и вдруг изо всей силы удариł стоящего рядом шофера по ноге, по коленке. Казалось, Ольга прямо слышала, как у того что-то хрустнуло. Бандит заорал и завалился на бок. Да так неудачно, что придавил вылезавшего за ним Бригадира. В результате оба покатились по ступенькам вниз.

— Серафимушка! — закричал Николай. — Сюда скорее!

Однако его победе не суждено было восторжествовать. Потому что дядя Петя, которого никто не принимал в расчет, вдруг взмахнул костылем и треснул, притом очень ловко, Николая по шее. Тот, не издав ни единого звука, рухнул на вылезавшего из подвала Серафимушку. И братья тут же укатились обратно в могилу, в объятия к мафиози.

Что там происходило, Ольга могла только догадываться — по истощенным крикам обоих братьев. Дядя Петя в это время расстегнул чехол и стал поспешно набивать себе карманы золотыми зубами. Причем делал он это как-то очень ловко и одновременно очень... отвратительно!

Но при этом дядя Петя чутко прислушивался к тому, что происходило в подземелье. И едва крики замогильной драки стали приближаться к поверхности, он стремительно, цепкими пальцами вставил пуговицы в заскорузлые от времени петли и отскочил в сторону, прислонился к стене. Ольга даже невольно отпрянула — так близко от нее был этот неприятный, *двуличный* человек.

Тут на свет показались бандиты. Помощник все кривился от боли и припадал на ушибленную правую ногу. А Бригадир был как ни в чем не бывало. Он только злобно ворчал, потирая кулак правой руки ладонью левой.

Дядя Петя быстро подхромал к ним, словно все время простоял в стороне:

— Вот рванина, да?.. А такие смирные казались. Ну вы их там?...

— Замочили обоих! — сказал Бригадир.

— Шутишь! — проговорил дядя Петя испуганно.

— Какие там шутки?.. Оба мертвецы!

— Да вы что, пацаны?..

— А что?

— А я?.. Всем же известно, что я с ними...

— А нам что? — Бригадир усмехнулся. — Спасибо, что помог, братан. Пошли, Гришай.

Подчиненный его, морщась, взял этот... баул с золотом.

— Постой, а доля?! Я вас навел, мне причитается...

Он не успел договорить. Бригадир ударил ногой по костылю, на который опирался дядя Петя, и толкнул его в грудь так, что тот с силой ударился о стену сарая и потом сполз по ней на землю.

— Хочешь еще доли? — спросил Бригадир спокойно и с интересом, словно бы правда интересовалася дяди-Петиным мнением на этот счет.

Дядя Петя в ответ выругался. И сейчас же

получил ногой по лицу. Это уже помощник постарался. Сейчас же на подбородок у дяди Пети попала струйка крови.

— Твоя доля, — словно бы ничего не случилось, продолжал Бригадир, — что ты по земле ходишь, а не в земле червяков кормишь. Хотя за то, что я знаю про тебя... И если бы пацанам рассказал... Хочешь, расскажу! — он улыбнулся, как улыбаются люди, которые удачно закончили свое дело.

— Пользуешься, что я безногий?

— Ну а чего бы и не воспользоваться? Я калека буду, другие воспользуются, — он засмеялся. — Такой уж закон жизни.

— Гад!

Тут Бригадир вынул из-под куртки пистолет, и Ольга невольно закрыла глаза, потому что очень боялась того, что сейчас произойдет.

— Все, все, пацаны! Все! Спасибо, простите!

— А сам чего думаешь?

— Клянусь мамой, ничего!

— У тебя была мать-то? — спросил Бригадир с сомнением.

«А у тебя?» — подумала Ольга.

Бандиты ушли, оставив дверь сарая приоткрытой. Бригадир шагал впереди, легко размахивая руками. Помощник следом тащил тяжеленный чехол с золотом. У него, видно, страшно болела нога, однако он упорно старался не отстать от своего шефа. И ковылял, ковылял, ковылял.

Дядя Петя, глядя им вслед, плакал и ругался. Размазал слезы и кровь по лицу:

— Подонки! Гниды! Ну я тебе еще устрою, ты у меня... — но вспомнил, что в подполе лежат два трупа и он к ним имеет отношение. Попробовал подняться, но один из его костылей был отброшен далеко в сторону, и дядя Петя пополз к нему. Это было одновременно и противное, и жалкое зрелище.

Тут Бригадир вынул из-под куртки пистолет, и Ольга невольно закрыла глаза, потому что очень боялась того, что сейчас произойдет.

Но самое плохое для дяди Пети, оказывается, еще не кончилось. Потому что из земляного склепа послышались сперва стоны, потом невнятные ругательства. Дядя Петя лихорадочно заелозил к своему костылю. Однако ползти на одной ноге почти так же плохо, как и идти, — попробуйте для интереса, сами убедитесь.

В общем, он прополз едва ли половину своего пути, когда появились братья Жеребцовы. И надо сказать, вид у них был довольно-таки ужасный.

Дядя Петя понял, что пришел его самый страшный, последний час. У него в голове сперва пробежал таракан совершенно дурацкой надежды, что братья его не заметят, и дядя Петя замер, припал к земле. Но это, конечно, была полностью глупая мысль... просто глупейшая. Она могла прийти в башку только от отчаяния и от страха!

Братья, конечно, тут же увидели его. Они, кстати, и очень надеялись его увидеть! Оба на конец вылезли из своего же каземата. Физиономии их были посиневшие и раздутые. Серафим еще и поддерживал левой рукой правую и морщился от боли. Но тут, когда он увидел дядю Петю, лицо его вновь приобрело осмысленное выражение: оно покернело от злобы.

— Вот, ребятушки... — проблеял дядя Петя, — вот, как оно в жизни-то.

И тут Николай ударил его ногой по лицу. Дядя Петя опрокинулся на спину. А братья принялись его бить и топтать. Калека старался свернуться в клубок, закрыть лицо и голову руками, но это мало ему помогало.

В первые секунды Ольга растерялась, опешила от ужаса — неужели люди могут так себя вести! Но потом она совершенно четко поняла, что если она «пробоится» так еще несколько секунд, эти... братья просто его убьют!

— Товарищи милиционеры! — закричала она. — Сюды, сюды, пожалуйте! Это что же дется? Фулюганы нагрянули! Хватайте, хватайте их!

А дело в том, что ее брат Олежка из-за своего стремления везде и во всем установить справедливость частенько попадал в тяжелые ситуации.

Устанавливая справедливость на Земле, Ольгина родная половинка не очень обращал внимание, двое перед ним врагов или, например, пятеро. Он шел в бой... Враги поначалу терялись, думая, что за ним целая армия. Но потом, когда убеждались, что этот безумец просто один, кидались на Олежку с утроенной радостью. Тем более что в секунды вражеской растерянности Олег успевал им прилично надавать.

И вот, чтобы спасать брата, Ольга научилась кричать голосом, услышанным однажды в городе, кажется, Краснодаре, на тамошнем прекрасном и огромном рынке. Ольга потому его запомнила, что теткин голос сразу произвел нужное действие: дерущиеся остановились, стали оглядываться по сторонам. Ну а этого хватило, чтобы тот, кого избивали, смотрелся по-быстрому.

А Ольга еще и усовершенствовала этот приемчик. Она всегда носила с собой милицейский свисток, который ей однажды подарили великий клоун Семен Птициани, у которого был номер с этим свистком. Он разговаривал при помощи свистка, и это было хорошо для него — так он думал, потому что все его боялись. Но потом появлялась девушка, которой дядя Семен пробовал объясняться в любви. Конечно, у него ничего не получалось, и дядя Семен садился посреди арены и начинал плакать. А рыдания у него при этом были, как у летящей на задание милицейской машины.

Однажды на представлении присутствовал один крупный начальник из Министерства внутренних дел. И ему так понравился этот номер,

что он подарил дяде Семену Птициани серебряный свисток, который выдается только самым лучшим постовым милиционерам. Но этот свисток для номера не подходил, потому что он был слишком заметен публике. И дядя Семен подарил его Ольге. И она всегда таскала этот подарок с собой. Потому что неизвестно, когда Олежке придет в голову восстанавливать справедливость.

Но иногда, к сожалению, она свисток забывала.
Как сейчас.

Поэтому братья лишь остановились, оглянулись: что за тетка истощная тут орет. И откуда может быть милиция?

Сквозь щели увидели... просто девчонку какую-то. Несколько секунд они размыслили над тем, кого убить вначале, ее или все же ненавистного дядю Петю, который привел к ним рэкетиров... Все-таки они решили сперва заловить свидетельницу, а уж потом доделать начатое, в смысле прикончить дядю Петю.

Братья выскошили из сарая. Но ведь Ольга была никакая не побитая, к тому же очень ловкая девчонка — даром, что ли, она ежедневно тренировалась по несколько часов? Братья же, напротив, были как раз не очень спортивные. То есть они, наверное, могли бы с мешком сахара, а особенно с мешком копченой свинины на плечах пройти немалое расстояние, но вот играть «в догонялки» — совсем не по их части.

И они очень скоро в этом убедились...

Но дальше произошло то, чего не ожидали ни Жеребцовы, ни Ольга — никто!

Дядя Петя вдруг выхватил из кармана... что-то вроде свистка или маленькой дудки, приставил ее к разбитым кровоточащим губам — на волю вырвался совершенно дикий, до ужаса пронзительный писк, не то визг, не свист.

Братья Жеребцовы с ходу прекратили погоню. Самое интересное, что и Ольга остановилась.

Действительно: надо же, чтобы получилось такое совпадение.

Но дальше уже совпадения не было. Потому что после Ольгина свистка нападавшие на Олежку обычно убегали. Думали: вот он, совсем близко спешит на помощь милицейский наряд — как тут не побежишь. Близнецы этим как раз и пользовались. Но тут был другой случай: сигнал-то не милицейский, а какой-то «не пойми-разбери».

Впрочем, «понять-разобраться» братьям — и до крайности удивленной Ольге — пришлось уже буквально через полминуты, а может, и еще быстрее.

Калитка распахнулась с такой силой, словно в нее ворвался разгневанный БТР.

Да, пожалуй, по разгневанности и моци отряд рыцарей, влетевший на территорию жеребцовского замка, приближался, а то и превосходил бронетранспортер. Впереди, на — воображаемом — верном скакуне был, конечно, сам Робин Гуд.

— Всем замереть! Шаг влево, шаг вправо — стреляю. — В руке у него была рогатка... которая у ничего не понимавших Жеребцовых вызвала смех.

Довольно необоснованный, надо заметить. Робин быстренько поставил их на место.

— Давай! — негромко приказал он стоящему рядом сэру Тобби.

У того в руках уже был готовый снежок. Тобби мгновенно подкинул снежок вверх:

— Ап!

Ольге так удивительно и... приятно было слышать это цирковое слово. А Робин Гуд прометился мгновенно — пум! И, как и в прошлый раз, снежок разлетелся в длинный хвост сверкающей пыли.

Однако и это не впечатлило Николая. Подум

маешь, рогатка, подумаешь, пятеро малолетних щенков! Он сделал шаг вперед, навстречу рыцарям, стоящим на изготовку со своим нешуточным, вообще-то, оружием.

Пум! Просвистела в воздухе бледная стальная молния, выпущенная Монахом Туком. И шапка; которая, конечно, совершенно чудом осталась на голове у Николая после всех пережитых передряг, теперь слетела в один миг.

— Джон и Тобби, — все так же тихо продолжал отдавать приказы Робин Гуд, — за дядей Петей! — и тут же громко и внятно сказал братьям: — При попытке сопротивления стреляем в лоб или по глазам!

Ну все, собственно говоря. Дальше не интересно. Они подняли дядю Петю, усадили его в такси. Робин взялся проводить ветерана до дома.

После Робин рассказывал в штабе:

— Дядя Петя благодарит за помощь. Операция прошла успешно, драгоценности в надежных руках.

— У кого?

— Ну, в общем... у разведчиков... Дядя Петя не уточнял.

Ольга, которая сидела прямо напротив предводителя благородных разбойников, опустила глаза. Надо было бы сейчас все сказать, но вот не могла она решиться на это! Прежде всего потому, что у нее доказательств не было. А просто так говорить: «Ваш дядя Петя такой-то и такой-то...»

Попробуй-ка! Это так не делается. «Я докажу, — поклялась она себе, — и выведу этого якобы разведчика на чистую воду!» Как это сделать, Ольга пока не знала. Но то, что она в результате что-то придумает, не сомневалась никаколько!

Глава XVIII

НУ НИЧЕГО СЕБЕ!

ведь она придумала, представьте се-
бе! И очень даже быстро — на сле-
дующий день. Только вот не знала,
говорить Олежке или нет.

Вообще это плохо, когда такие вопросы у те-
бя даже появляются. Но что же было делать, ког-
да Олежка увлечен робингудством и сейчас он ей
совершенно не помощник! Да, собственно, Ольга
и не успела бы ему ничего рассказать, потому
что Олежка стал сам рассказывать ей о новом де-
ле, которое у них намечалось.

— С дядей Петей связано?

— Конечно!

И так весело это сказал, что Ольга просто не
решилась его приглашать с собой.

— И чего же вы собираетесь делать?

Он остановился, посмотрел на сестренку:

— Вот честно тебе говорю, зря ты так! Ты дя-
дю Петю совершенно не знаешь!

— А ты знаешь?

— Ну, по крайней мере лучше тебя, — Олеж-
ка уже надевал куртку. — Будешь с нами?

Ольга подумала минутку, покачала головой.

— Плохо!

— Ничего плохого, — сказала она как можно
мягче и примирительней. — Один любит бокс,
другой — художественную гимнастику. Ведь
так?

— Нет! — сказал Олежка с горечью, но совер-
шенно уверенно. — Не так. Дядя Петя говорит,
кто не с нами, тот против нас!

Она не нашлась, что ответить. Испуганно
смотрела на брата. Он впервые сказал ей такие
слова, что она, получается... против Олежки! Ска-
зала с испугом. Сама услышала этот испуг...

— Но я же спасла... вашего дядю Петю!

Олежка кивнул:

— Да! И дядя Петя первый об этом сказал! Он хочет с тобой поговорить, кстати.

— Чего ж, я не против...

— Он к нам завтра придет в штаб. В пятнадцать часов дня.

— А куда ты все-таки сейчас?

Олежка замялся. Вообще-то глупо что-то скрывать от... родной Ольки. Он усмехнулся:

— В общем, мы входим в контакт с одним... который... ну, в общем...

— «Гад», что ли?

— Ну типа этого... А почему ты *усмешничаешь*?

Это было мамино слово. Олежка, может быть, нарочно его сказал — чтоб Ольга чувствовала и знала: они никуда друг от друга не девались, одна семья, просто в данный момент живут по индивидуальной программе.

— Ты придешь завтра на встречу с дядей Петей. Он расскажет про свое боевое прошлое...

А сегодня, значит, нельзя. На сегодня дядя Петя сказал: только для тех, кто будет участвовать в тайной операции. А Олежка, наверное, стал говорить, что как же без его сестренки? Так не бывает, так между ними не положено.

А дядя Петя его, наверное, обсмеял — да что ж ты так за подол своей сестрицы-то дершишься?.. Или что-нибудь в этом роде.

Если б это мальчишка сказал — любой, Олежка бы ответил. Так, как считает нужным. Но тут: разведчик, герой войны...

И вот он смолчал. Теперь ему неловко было смотреть сестре в глаза. И тогда Ольга поспешила сама заговорила, что сегодня она никак не может, потому что Евгения Петровна... ну в смысле, которая по биологии и физре, она просит ее прийти на кружок «Любовь к животным», и Ольга, конечно, отказать ей не сможет.

— Возьмешь кого-нибудь из наших? — сразу заинтересовался Олежка.

Она же решила, что не стоит залезать с враньем так далеко, и отрицательно помотала головой.

На том они расстались. Ольга подождала, пока братец ее дорогой умчит в свой штаб — секретничать, и затем тоже отправилась секретничать — сама с собой!

Собственно, она уже все решила. Как это обычно у нее бывало, план сразу всплыл откуда-то из глубины... Папа бы сказал: из глубины сознания. Готовый, чистенький, отлакированный, со всеми деталями и подробностями.

Она вышла на трамвайную остановку... В этой истории герои наши очень много ездят на трамвае. Ну что ж тут поделаешь, так уж складываются события и обстоятельства. Были книжки, где ребята только и делали, что гоняли на такси. В одном очень зимнем городе для них не было иного транспорта, кроме автобуса и... шикарного джипа некоей двенадцатилетней миллиардерши. А здесь вот — трамвай.

Маршрут, а особенно место назначения нам с вами очень знакомы. Вот он, красивый девятивэтажный дом среди ухоженного двора, стоит себе под голубыми небесами, под могучими весенними облаками — белыми, кучевыми, такими твердыми, плотными на вид, что просто не верится, что они сделаны всего лишь из пара!

Но Ольга почти не смотрит на это прекрасное апрельское небо. Взглянула один разок, и все! Она высматривает совсем другое: во дворе ли дядя Петя. А он как раз во дворе!

И Ольга не сходит на остановке улица Василия Корявкова, а едет дальше, до следующей — улица Елены Деменко... А кто они такие, Ольга в точности не знает. Вроде бы какие-то герои революции, которая была, как вы знаете, в тысяча девятьсот семнадцатом году.

Ну ладно, это все не так важно. Она вышла на этой самой улице и вернулась назад. Таким образом, чтобы прокрасться за спиной у сидящего на своем солнечном «посту» дяди Пети. Просто удивительно, когда ни приди, он всегда там! И с людьми на улице разговаривает, и приказы отдает. Странно все-таки.

Ольга заблаговременно свернула во дворы, выглянула из-за угла соседнего с дяди-Петиным дома. Разведчик, а может, правильней будет написать вот так — «разведчик» — то есть в калывчках... так вот он сидел, совершенно равнодушно глядя на то, как, разбрызгивая жидкий весенний снег, по улице Васи Корвякова проносятся автомобили. Ну и занятие.

Ольга прошмыгнула в подъезд... Куда теперь? Но ведь она продумала свой план, рассчитав, что такой «персонаж», как Зинаида Леонидовна, в доме широко известен. Она поднялась на третий этаж, еще раз полюбовалась из окна на спину дяди Пети и нажала на кнопку звонка первой попавшейся двери.

— Ой, извините. А вы не скажете, где тут Зинаида Леонидовна?..

Ее окинули с головы до ног — в щелку через цепочку:

— Квартира шестьдесят шесть, шестой этаж.

Не задумались ни капельки. То есть, как она и предполагала, эту даму тут знали!

Ольга быстренько пробежала оставшиеся три этажа, и вот она перед нужной дверью. Позвонила, сделала самое приветливое лицо, какое только можно себе представить. Никакой реакции... Жалко. Видать, в магазин ушла... Да нет, в магазин пенсионеры по утрам ходят. В гости, значит, а это надолго.

Повернулась, пошла медленно вниз... Вот как бывает. Прекрасный план разлетается из-за...

И тут услышала у себя за спиной:

— Ну, и что тебе от меня надо?

Она обернулась... О, какого труда стоило ей теперь из радостной сделать удивленно-разочарованную физиономию:

— Ой, здравствуйте, извините... А дядя Петя тут разве не живет?

— Какой еще дядя Петя? Не знаю никакого дядю Петю!

— Ну, такой, ветеран войны, безногий...

— Ветеран... войны?! — Зинаида деланно рассмеялась. — Ну-ну, говори дальше!

— Ему полагается Почетная грамота...

— За что?!

— Он, понимаете, по опросу в нашей школе занял первое место как самый честный и самый смелый человек.

— Совсем с ума сошли!

— Вы, извините, про кого?

— Про Пушкина Александра Сергеича! Вы грамоту даете этому?..

— Но ведь он воевал!

— С женой своей он воевал... пока она от него не сбежала!

— Но ведь он же был ранен...

— Он под поезд попал, — Зинаида усмехнулась.

Хотя смешного тут ничего не было. Ольга, конечно, этого ей не сказала, но лицо у нее невольно изменилось. Зинаида Леонидовна заметила это:

— Ты не веришь мне, я смотрю?

Она вдруг быстро шагнула чуть ли не прямо на Ольгу, которая едва успела отскочить. А Зинаида решительно, двумя требовательными сигналами позвонила в дверь напротив. Через минуту, в течение которой Зинаида сердито похлопывала ногой, обутой в тапочку, об кафельный пол, через минуту дверь наконец открылась, и Ольга увидела ту, другую женщину, Веру. Та не успела улыбнуться, как Зинаида... буквально на нее напала:

— В каком году Петька под поезд попал? — И, увидев растерянность этой тихой женщины, пояснила с явным сарказмом: — Они ему орден собираются дать как ветерану войны!

Теперь даже те, кто не знает, что такое *сарказм*, могут легко догадаться о значении этого слова.

Вера невольно рассмеялась, покачала головой:

— Ты шутишь?.. Чудо просто какое-то! Как же люди умеют устраиваться!

— А... что? — спросила Ольга, уже понимая, что ей сейчас скажут.

— В каком году-то?

Вера Викторовна задумалась, пожала плечами:

— Да, пожалуй, в восемьдесят восьмом, — она нахмурила брови. — Я почему помню...

И действительно стала объяснять, почему она это помнит. А Ольга подумала, что дяде Пете отрезало ногу как раз в год их с Олежкой рождения... Довольно-таки ужасное совпадение! Она училась ползать, потом ходить, бегала, прыгала, качалась на трапеции, а дядя Петя все это время, все эти до ужаса долгие годы просидел в своей коляске!

Но ведь он все равно плохой человек!

Но ведь его можно и простить! Сидит, как паук в своей паутине, никуда деться не может. Как тут не разозлиться? Как тут не начать придумывать всякие плохие дела?

— Поняла теперь? — спросила Зинаида, смеясь.

— Поняла... А вы можете ему пока ничего не говорить?

— Могу и не говорить, — Зинаида кивнула. — Но почему, собственно?

— Да разве вам его не жалко?

— Нет! — сурово отрубила Зинаида.

Вдруг повернулась резко и ушла в свою квартиру, крепко хлопнув дверью.

— Ты не осуждай ее, — Вера Викторовна посмотрела вслед ушедшей соседке. — У нее с этим Петром... Петровичем любовь была. Можно сказать, со школьной парты.

Ну ничего себе! Ольга могла лишь глубоко вздохнуть от удивления и потом долго не выпускала из себя воздух.

Глава XIX

ИГОЛКА В ШЕЕ

то было непростое решение. И все-таки она сказала... ну, конечно, как бы сказала дяде Пете: «Вот что, живите, как хотите. Я к вам больше приставать не буду!»

Ведь он был инвалид. И в принципе ничего плохого не делал. Врал про свои подвиги. Так это многие делают. И еще он... ну, просто был недобрый, и у него друзья оказались не самые золотые люди. Но ведь это же еще не преступление, верно?

Теперь о том происшествии. Одни полужулики — в смысле братья Жеребцовы — раздобыли в разрушенном, затерянном среди болот и лесов фашистском блиндаже эти золотые зубы, а другие полужулики отвратительное то сокровище «свистнули». О происхождении этих зубов рыцарям дядя Петя рассказал. Как говорится, вор у вора дубинку украл... Ну и какое мне до этого дело?

Так она сказала себе. Хотя в душе осталась какая-то муть. Тут уж ничего не поделаешь. Надо просто не сталкиваться с этим «ветераном» так называемым, забыть о его существовании да и все.

Решив так, она хотела рассказать все Олежке — а как же без Олежки-то? Но не успела открыть рот, как Олег стал ей такие вещи рассказывать про дорогого и ненаглядного дядю Петю... и Ольга снова не решилась рассказать ему правду. Послушала, покивала головой:

— Ясно...

— А ты, Оль?.. Ты разве не пойдешь сегодня на встречу с дядей Петей? Он будет подробнее говорить о нашей новой операции. И еще вручать устные ордена!

— Чего-чего?

Олежка лишь головой покачал на такое ее полное непонимание:

— Ну прикинь же сама! У разведчиков все секретно. В том числе и награды! Поэтому им ордена, медали...

— И денежные премии, — сказала Ольга весьма ехидно.

— Вот как раз и нет! — Олежка посмотрел на нее укоризненно. — Премии он выдаст нам по-настоящему, потому что деньги... — он помолчал значительно, — безлики!

Несомненно, дяди-Петино словечко.

— А ордена, — спокойно и очень уверенно продолжал Олежка, — они действительно... устные. Но глупо было бы не верить такому человеку, как дядя Петя.

— Это уж точно!

— Так говоришь странно... Ты что-то узнала?

Вот здесь было самое время сказать ему про поезд и про изгнанную жену. И тут Ольга не решилась! Просто не смогла так огорчать братишку своего. Да и к чему это? Ведь, во-первых, она точно ничего не знает: сведения-то непроверенные. А во-вторых, они скоро отсюда уедут, и не будет в Олежкиной жизни этого непонятного дяди Пети.

— Ладно, — она махнула рукой, — когда-нибудь потом поговорим на эту тему...

— Ну и отлично! — Олежке ничего «лишне-го» узнавать не хотелось, и к тому же он, видимо, спешил по каким-то там робин-гудовским делам. — Я прямо к представлению приду...

— А репетиция?

— Ну... придумай там что-нибудь!

Она в ответ лишь кивнула. Но Олежка не заметил ее «напряженки», улыбнулся, одеваясь на ходу. Рванул из дома.

Она осталась одна. Непривычно как-то и на душе тревожно. Думала-думала, что бы такое поделать. Позвонила Маше Неделиной. А та очень даже любила трепаться по телефону, благо платить ни за что никому не надо. Уж она и про Евгешу, и про Робин Гуда, и про ее братца. Причем Машке особенно не требовалось никаких ответов, она просто говорила и все. Ей вполне достаточно было короткого хмыканья, или поддакивания, или восторженного восклицания.

Такое общение Ольге было не интересно. Кое-как она прекратила разговор, сказав, что ей пора в цирк... Противно врать, но в каких-то случаях это единственное средство. Она повесила трубку, потом какое-то время лежала на диване, как рыба на дне... А ведь Машка вполне хороший человек, приятная такая девочка — вежливая, улыбается хорошо. Но столько говорит, что просто невозможно!

Чтобы как-то развеяться, она вышла из дома. Деньки теперь стояли какие-то просто сказочные. На юге так весну ни за что не заметишь, как на севере. Тут, когда люди и природа столько натерпятся от холодов, каждый весенний лучик принимаешь как настоящую драгоценность. И вот она шла, вся обсыпанная этими *драгоценностями*, и ничего больше не хотела в себя принимать. Чихать в конце концов на этих «шкафов» с их джипами, на этого дядю Петю, на этих... И тут увидела: на противоположной сто-

роне улицы стоял один из тех персонажей, которых она как раз видеть не хотела.

Игорь Жеребцов...

И тут же сообразила: елочки-палочки! Да ведь он стоит на том самом месте и в то самое время, на котором и в которое Ольга с ним должна была встретиться, но только... сорок восемь часов назад!

Игорь ее не видел.

Так, может, упилить спокойненько. Ведь Игорь не знает, кто она и где живет. Но это было бы свинством — вот так взять его и бросить.

— Эй, — она крикнула, — вы случайно не меня ждете?

Просто удивительно было, как быстро он отреагировал. Даже не оглянувшись, есть там машины или нет, побежал к ней через дорогу... Хорошо, что их не было!

Подбежал, остановился:

— Ну чего ж ты?.. Не стыдно?!

Так странно было от него слышать эти слова. Ольга улыбнулась и, наверное, от смущения, не очень ловко протянула ему руку:

— Мне стыдно. Извини.

Тут Игорь и сам смутился:

— Вот то-то же!

А чего дальше говорить, не знал. Стоял-стоял.

— А ты куда шла?

— На кудыкину гору! — она засмеялась. — Хочешь со мной?

— Вообще-то можно. Я там как раз не был ни разу...

Они пошли в парк. И Ольга прикидывала, какую бы тему для разговора выбрать. Интереснее всего и, наверное, легче было бы — про дядю Петю этого: ведь его Жеребцовы откуда-то знают, так? Но коли уж она сказала себе, что никаких больше «дядей Петь», то и не стала его ни о чем спрашивывать.

Кстати, вообще-то не девочки должны думать, чем и как развлекать мальчика.

— Ну? — сказала она с тем превосходством, которое имеет всякая девочка над мальчишкой, который ею интересуется, а «не просто так». — Расскажи мне что-нибудь...

Это довольно распространенная и довольно глупая чисто девчоночья просьба. Ольга бы себе ее в жизни не позволила. Но просто в кои-то веки ты никуда не спешишь, тебе не надо быть собранной и напряженной, так почему бы не попытаться обычной девочкой?

Игорь с некоторой грустью посмотрел на нее. Он-то, конечно, ждал от необыкновенной и загадочной незнакомки чего-то необычного. А она... Эх, даже самые прекрасные девчонки остаются... девчонками!

Он собрался с духом:

— В общем, это...

Далее он решил пересказать случай, который произошел с одним парнем из его класса. Как он будто бы встретил в лесу волков... Кстати, еще не факт, что этот случай имел место с тем парнем. Вернее всего, он его тоже от кого-то слыхал. А тот... И так далее и так далее.

А Ольга заранее улыбнулась и прищурилась, потому что, с одной стороны, ей было интересно, чего он сейчас наплетеет, а с другой — она почти уверена была, что будет вранье, «баронмюнхгаузенщина». Но это, в принципе, не важно. Лишь бы было смешно.

Как мы уже знаем, Ольге хотелось просто побалдеть.

Но не тут-то было, не тут-то! Не успел Игорь покончить с тем, как парень этот позавтракал в сторожке со стаканом самогонка, взял ружьишко и отправился в лесную чащу поохотиться, как вдруг Ольга схватила его за руку и поволокла... именно в чащу, потому что все парки в этом Городе были довольно-таки похожи на леса.

И еще Игорь удивился, когда вдруг почувствовал, с какой силой его тащили. Он-то думал, что перед ним обычная хилая девчонка, перед которой он при случае вполне мог погордиться своей пусть не очень богатырской, но все-таки силой. А теперь вдруг почувствовал, какая у этой Ольги стальная хватка и какие решительные действия.

Вообще-то Ольга обычно старалась без нужды не показывать своей... спортивности. Всегда стоит оставлять в засаде хотя бы маленькую неожиданность. Но тут уж деваться было некуда: она вдруг увидела идущего навстречу ей... Олежку! Причем не одного, а с девочкой.

— Чего случилось-то? — эти слова Игорь все же догадался сказать шепотом.

В ответ Ольга сделала страшные глаза, потому что знала: у ее брата отличный слух и высокая внимательность, ведь он готовился в частные детективы.

Но Олег ничего не заметил, потому что он был занят разговором с той девочкой. Он пытался ей что-то доказать, а девчонка настырно твердила свое. Ольга ничего из их разговора не слышала, потому что они шли по дорожке метрах в двадцати от места ее «склонения», однако по лицам их легко можно было догадаться, что идет спор.

— Кто такие? — тихо спросил Игорь.

— А ты как думаешь?

Ей было интересно, заметил он, что Олежка это... половинка их «общего существа». Но Игорь даже не думал этого замечать. Это, кстати, частенько случалось: когда они были одеты по-разному, короче, «мальчик» и «девочка». Если они не находились рядом, их не воспринимали как близнецов. И Игорь ответил:

— Пацан нормальный, «божья коровка» — фуфел.

— Почему?

— Сама не видишь?

Кроме того, что у этой девчонки было слишком требовательное выражение лица, словно она тут самая главная, у Ольги к ней больше «претензий» не было.

— Не видишь?.. Шарф!

У девочки действительно был накручен вокруг шеи толстый черный шарф.

— Ну и что?

— Под шарфом иголка в шее!

— За-а-чем? — спросила Ольга с трудом. Это было жутко представить, что в шее у этой девочки... — Ты можешь ответить мне?!

— Потому что она дура! Твоя знакомая, что ли?

— Ну, так... Это не важно... Я пока тебе не могу сказать.

— Ну тогда и я тебе!

— Кончай, Игорь! — Ольга взяла его за руку.

Это, конечно, свинство — так поступать с бедным мальчиком. Но что поделаешь, ей же нужна была информация!

И тогда он рассказал ей. Кстати, история в сто раз интересней была, чем про тех волков выдуманных.

Оказывается, есть теперь такой вид юных наркоманов, которые держат иглу постоянно воткнутой в шею. Им остается только взять «до-зу», вправить ее в иголку и уколоться. Это можно сделать буквально среди толпы народа!

На самом деле так поступают немногие. Но ходить «обкрученной» (в смысле с шарфом на шее) — это теперь модно. У определенной молодежи, как говорится. Игорь считал такую моду полной дрянью. Он был уверен, что у девчонки никакой иглы в шее нет. Но какое-то отношение к наркотикам она все-таки имеет!

— Послушай, ты знаешь этого мальчика? — спросила Ольга, стараясь скрыть волнение. — А девочку?

— Да не видал я их никогда!

— Тогда, Игорь, иди за ними! Узнай для меня, чего они хотят, чего будут делать, хорошо? — и, чтобы перебить его удивленный взгляд: — Ну, я прошу тебя! Мне очень надо, очень!

— Хорошо...

— Чего ж ты стоишь тогда? Беги!

— А где стыкнемся-то в следующий раз?

— Завтра, на том же месте, где ты меня ждал. В два!

— Ну... хорошо...

И потом он побежал за Олежкой и этой странной, а теперь и зловещей девочкой. Причем Ольга спорить могла: эта девочка каким-то образом связана с дядей Петей. Но это ей еще предстояло выяснить.

Вечером Олежка обратился к бабушке с довольно-таки странной просьбой: ему нужны были два билета на хорошие места. Обычно-то они брали контрамарки — для ребят из школы.

А тут...

— Что за важные гости? — поинтересовалась бабушка Тома.

— Да так...

— Девочка, что ли?

— Да. И ее отец.

Неужели та самая, подумала Ольга. Это ей предстояло проверить уже завтра. Однако прежде она встретилась с Игорем Жеребцовым... Сперва, конечно, потешила себя немного — посмотрела, как он стоит, ждет с нетерпением появления Ольги... Ну и она появилась:

— Привет!

И по тому, с какой радостной и ждущей физиономией он повернулся к ней, Ольге очень многое стало понятно. Хотя про это «многое» она знала и так!

— Куда пойдем? — спросил Игорь, и было понятно, что уж к сегодняшней-то встрече с ней он подготовился основательно.

Увы, у нее были совсем другие планы:

— Ты мне сначала расскажи, что тебе удалось... узнать.

Не хотелось произносить слово: «Подсмотреть». Игорь с некоторым подозрением взглянул на нее: неужели Ольга с ним встретилась, только чтобы узнать это?

Однако что ему оставалось? Игорь стал рассказывать.

Олежка и та девочка попали в глубь парка. Потом Олег остановился возле большой сосны, сунул руку в дупло, вынул что-то, они несколько минут спорили с девочкой, потом девочка дала ему... Игорю показалось, что это были деньги. Тогда Олежка отдал ей это «что-то», они вышли из парка и тут расстались. Игорь не знал, за кем дальше краситься. Но ему показалось, что Ольге было бы интересней, чтоб за мальчишкой (тут он внимательно и ревниво посмотрел на нее). Игорь так и сделал. А мальчишка проехал несколько остановок на трамвае, вышел у гостиницы «Зори», и на этом — все, потому что Игоря туда не пустили!

— Пошли к тому дереву!

— Там ничего нет, пойми! Я уже все обсмотрел.

Они обмениялись долгими взглядами. Ольгина глаза говорили: «Да не верю я тебе. Ты упустил что-нибудь!» — а Игорь отвечал ей — тоже глазами: «Не упускал я ничего и даже не собирался! Там пусто...»

Очень Ольге хотелось проверить то дупло, но если пусто, так оно и есть пусто.

— А скажи, на что это было похоже — то, что он ей передал?

— Не знаю... что-то очень маленькое... — тут он задумался, нахмурил брови. — А денег она ему много дала!

— Сколько — много?

— Ну... — Игорь пожал плечами. — Рублей,

может, двести или триста... — вдруг он догадался о чем-то, с испугом, но и с интересом посмотрел на Ольгу: — А он тебе кто, этот?..

Она неожиданно для себя поддалась испугу, который, словно холодный ветер из открытой двери, шел от Игоря Жеребцова, и сказала:

— Брат!

Тут Игорь испытал заметное облегчение. Но все равно испуг почему-то остался. Он сказал:

— А этот твой... брательник случайно наркотой не увлекается?.. По-моему, он ей «дозу» дал!

— С ума ты снятил!

— Я-то чего? — Игорь пожал плечами. — Говорю, что видел...

Что он мог там видеть — с тридцати метров, из-за куста!

Но Ольга чувствовала, по тому, как тяжело и неприятно ворочается в груди сердце, чувствовала, что он, Игорь, прав.

Немедленно захотелось увидеть Олежку, посмотреть ему в глаза... Но тут она сказала себе: да успокойся же, это ведь какая-то игра. По заданию дяди Пети он просто изображает кого-то... Наркомана, например. А девчонка какая-нибудь... Ой, она даже представить себе не могла... Да тоже небось дочь чья-то.

Вспомнила, что Игорь все еще находится с нею рядом:

— Извини. Мне уходить надо.

— А как же?..

— Ну... в другой раз. Я не могу, сам же видишь!

Он с обидой кивнул.

— Ну чего ты? — Ольга тронула его за плечо. — Если б с твоим братом...

— У меня нет брата.

— А у меня есть! — страшно хотелось поскорее увидеть Олежку. — Ну... У тебя телефон есть?

— Ты же не позвонишь!

— Да ты рискни уж, дай на всякий случай!

Записала номер Жеребцовых, и тут же они расстались. Но свидания с Олежкой пришлось ждать до вечера. Да и то это было не свидание, а просто... она его увидела на репетиции, причем явившегося с опозданием!

— Стыдно! — сказала мама.

— А разве вас Олька не предупредила?

— Ой, — закричала она сразу. — Совсем забыла сказать. Его же в школе оставили, чтобы это... помочь одному мальчику, Зализняку Толе, по физкультуре: у него никак кувырки назад не получаются.

Это Ольга выпалила в отличном темпе, без ноты замешательства.

— Просто чудесно, — сказала бабушка. — Как наши дети профессионально умеют выдумывать!

На том и закончили, потому что репетировать надо было, это во-первых. А во-вторых, у Сильверов не принято было заниматься «лесопилкой». И как ни странно, лишь одна Ольга продолжала приглядываться к родному двойняшке, хотя ведь это именно она сочинила такое ловкое спасительное вранье. Теперь вот приглядывалась.

Олег наконец не выдержал:

— Ты чего, Оль?.. Странная какая-то сегодня!

Будешь тут странной... Ольга выразительно посмотрела на брата, что было бы очень кстати, если б он ей все рассказал. Но Олежка в ответ лишь пожал плечами. Словно ему и сказать нечего.

Начался спектакль. «Театр зверей Джона Сильвера» занимал в нем третье отделение. Близнецы были заняты в четырех номерах — как помощники, подыгрывающие в основном маме Марине. Но, собственно, все они помогали Марине Романовне, потому что она была несомненной звездой их труппы. Так уж сложилось. Они все

были талантливые люди, иначе публика не принимала бы их так хорошо. А все же «укротительница Марина Сильвер», как объявлял ее дед, сверкала по-особому.

Но при этом у каждого из них был в представлении свой ударный момент. У деда, например, когда он выходил бороться с медведем Дядей Федей. А близнечцы всегда выступали со своим фокусом. А фокус заключался в том, что зрители не знали, что их — двое.

Сегодня, а вернее сказать, на гастролях в этом Городе они представляли такой номер. На арену под соответствующую музыку выходил Иванушка-дурачок. Он закладывал два пальца в рот, раздавался пронзительный свист, после чего высакивал Конек-Горбунок, роль которого исполнял пони Левка. Иванушка на него садился и выделявал всякие штуки по вольтижировке. Ну, конечно, они были не совсем настоящие, потому что пони — это все-таки не скакун.

Потом появлялся шатер Великой Колдуньи (ее роль исполняла баба Тома). Иван туда заскакивал прямо на Коньке, вылетал через секунду, проезжал пол-арены, и тут сверху из-под купола опускалась золоченая Луна. Иван хватался за нее и сейчас же улетал в Космос, то есть под купол цирка. Там он проделывал несколько акробатических трюков и под конец исчезал в сверкающем красном шаре из шелка — в Солнце.

Потом Солнце раскрывалось, Ивана там не было. Печальный голос на весь цирк объявлял, что Иван, наверное, сгорел... На самом деле Ольга, которая в этот момент исполняла роль Иванушки, пряталась в одной из алых шелковых полос, на которые спадалось великое светило.

Но тут Великая Колдунья выкатывала из своего шатра чан с кипящим молоком (при помощи вентиляторов «бурлили» кусочки белой

материи), делала волшебные пассы, и тут из чана появлялся Иван — живой и невредимый.

Публика понимала, конечно, что это фокус какой-то. Но все же как из-под купола мальчик в одно мгновение оказался в чане, который все время находился на сцене, — это, конечно, было уму непостижимо... Если не знать, что роль Ивана играли оба близнеца.

Олег выделявал всякие штуки на Левке. Потом «нырял» в чан, из которого высакивала уже Ольга, но точно так же одетая. А поскольку они были исключительно похожи, никто подмены не замечал.

Ольга же была как раз специалистом по акробатике, была неплохой гимнасткой под куполом цирка. Там она проделывала свои трюки, а зрители думали, «какой удивительно разносторонний мальчик».

Кончалось же все тем, что из чана вылезал Олежка. А Ольгу по-тихому утаскивали за кулисы, когда после окончания номера начинался антракт.

Сидя в чане и ожидая, когда Олежка к ней нырнет, Ольга могла осматривать зал в специальные крохотные отверстия, сделанные для того, чтобы смотреть, когда ее выход.

И вот теперь она ряд за рядом изучала зрителей, чтобы увидеть ту девочку. В конце концов это ей удалось. И Ольга буквально обомлела: рядом с той девочкой сидел... Бригадир! Да-да, именно тот самый мафиози, который вместе с еще одним таким же «шкафом», своим телохранителем и дядей Петей выколачивал из братьев Жеребцовых эти ужасные золотые зубы!

А дядя Петя орал ему вслед проклятья, скрежетал зубами и божился, что обязательно отомстит!

Так теперь, значит, Олежка и занимается этим делом... Влюбил в себя бедную девчонку...

А как же эти разговоры про шарф — то есть что она якобы наркоманка? Ольга, насколько позволяла ей дырочка в чаше, старалась рассмотреть девочкино лицо.

Трудно тут было что-либо сказать определенно. Оноказалось каким-то странно каменным. Хотя Олег работал всякие отличные штуки. А девочка сидит, словно ей через минуту к зубному врачу, — буквально никакого веселья, а скорее даже наоборот.

Вот папаша ее — другое дело. Он веселился и гундел во всю свою огромную глотку: хохотал, орал и все прочее. Он был, можно сказать, образцовый зритель. Но ведь Ольга отлично знала, что это за человек!

Дальше она быстро переоделась и пошла в зал, стала пробираться поближе к той парочке. Представление еще шло полным ходом, и на Ольгу шикали, что она тут ходит, всем мешает! В ней никто не узнавал артистку, потому что она выступала «в маске» своего брата — была Олежкой. Так у них всегда случается. В одном городе все ее знают, а в другом — Олежку. Все зависит, на кого сделан номер.

Отец, который придумывает все номера для «Цирка Джона Сильвера», старается, чтобы им доставалось славы поровну.

Словом, сейчас Ольга, никому не известная как артистка, была детективом и пробиралась — пробиралась по залу. И наконец пробралась! Села почти что за спиной у «сладкой парочки».

Могла даже слышать их разговор!

— Помнишь мальчика, который на пони скакал, а после улетел на солнце?

— Конечно, помню! — живо отозвался Бригадир. — Прикольный кент!

— Ты можешь здесь без кентов?

— А че такое?

— Да ничего! Я тебя прошу, и все... В общем,

это мой знакомый. Он меня за кулисы приглашает.

— Ну, кайф! А меня он позвал? — Бригадир хохотнул. — Я бы тоже не отказался — глянуть, чего они там делают в своих... уборных! — и Бригадир громко рассмеялся.

В это время воздушная балерина с китайским зонтиком в руке прыгала на канате, и все смотрели на нее, буквально не дыша.

А тут это ржание ослиное. Как говорится, смех без причины... Ну и так далее.

— Кончай ты! — сердито прошипела девочка.

— Чего? Пошутить нельзя, что ли?

Но чувствовалось, у отца какой-то страх перед дочерью. Хотя трудно себе представить, чтобы такой громила боялся. Однако от девочки этой исходили такие... «лучи» — они буквально прожигали все вокруг невидимым горячим светом.

— В общем, ты меня в вестибюле подожди, понял?

Бригадир кивнул. Чувствовалось, что он очень любит свою дочь. И в то же время тяготится ею.

Едва представление кончилось, девочка быстро поднялась:

— В вестибюле, значит.

И пошла, а Ольга за ней, стараясь издали приметить цирковых, чтобы те не останавливали ее, не привлекли внимания бригадирской дочки. Это ей удалось кое-как. А потом она увидала Олежку, на которого пялились штук двадцать девчонок — и сильно младше его и сильно старше.

Подойти пока они не решались. Но чувствовалось, что сейчас это случится — через минуты две-три. Им уже будет не до смущения, лишь бы дотронуться до такого «классного мальчика».

Бригадирская дочка, как видно, тоже почувствовала этот момент. Она подошла к Олегу и,

совершенно неожиданно для него, чмокнула Олежку в щеку. Оглянулась на толпу воздыхательниц, которые сейчас готовы были ее в порошок растереть!

— Привет, куклы! — бросила бригадирская дочка.

Взяла Олежку под руку, и они ушли за кулисы. А Ольга подождала минутку и за ними — бледно-желтой шпионской тенью.

Олежка и бригадирская дочка прошли в ту часть огромного помещения «закулис», где находились их звери. Увидев Олежку, они все стали его приветствовать на свой лад. Макака Ариша весело бесновалась, Федя-медведь стал теряться о прутья клетки так, что эти прутья, казалось, заходили ходуном, Левка стал бить копытом о цементный пол. Козел Вильям разбежался, сколько ему позволяли габариты клетки, и сделал вид, что сейчас стукнет мощными своими рогами в одну из стенок.

Именно к Вильяму и подошел Олежка, взял его за шею. Там у Вильяма, как знала Ольга, в густой шерсти был ошейник с бубенцом. Когда Вильям ходил по сцене, бубенчик этот очень ласково позыванивал.

Олежка вынул руки из Вильямовой шерсти:

— На, — сказал он тихо и голосом, каким никогда раньше не говорил, каким-то подозрительным и испуганным. — Бери и прячь немедленно... И давай деньги!

То, что давал Олежка, было очень маленькое, не рассмотреть. Девочка взяла это. И тут же сказала:

— Что ты мне принес? Это же мало!

— А ты давай «фанеру»! — проговорил Олежка довольно-таки противным голосом жадного барыги.

Тем более слово «фанера» для обозначения денег он никогда не употреблял.

— Да будет, будет тебе! — сказала девочка с презрением. — Думала, ты нормальный пацан, а ты...

— Чтоб тебе задаром давать, да? — это все Олежка продолжал. — Умница-куколка, нехило устроилась. Мне ж тоже бесплатно его не дают... Когда будет «фанера», будет и «кайф»!

Тут девочка совсем уж с презрением посмотрела на него:

— Так ты чего, просто мелкий спекуль?

Олежка подождал секунду, делая вид, что он обиделся:

— Думаешь, тебе крупный *спекуль*, — тут Олежка усмехнулся, — будет сильно дешевле отдавать?.. Скажи, сколько тебе надо, я ему информацию кину. Завтра-послезавтра можем пойти... я-то лично свой процент так и так получу.

— Куда идти-то?

— Сейчас, разбежалась. Так я тебе и сказал!

— Ладно, звони тогда... Мне надо срочно!

— Понял-понял, — проговорил Олег с легкой усмешкой. — Сделаю... Как только договорюсь, сразу отбрякаю.

— Тогда выводи меня отсюда на фиг! — сказала девочка равнодушно и презрительно.

На их чудесных животных она даже и не взглянула!

Олег повел ее обратно. Они вышли в вестисьюль, и тут Бригадир буквально накинулся на девочку, в смысле он ждал ее, дождаться не мог!

Олежка сказал ему что-то, Бригадир улыбнулся, хлопнул Олежку по плечу. Но больше не обращал ни на что внимания — только на свою ненаглядную дочь. Подал ей куртку: прекрасная, светло-коричневая замша, а подстежка — мех: не то соболь, не то еще кто-то, такой же драгоценный. Олежка стоял рядом, но дочь и

отец просто забыли про него, отыгравшего свою роль актеришку.

Зачем же тебе надо в эти неприятные игры играть?..

Олег посмотрел вслед уходящим Бригадиру и его дочери, сел на мягкую скамью, какими был установлен здешний вестибюль, и глубоко задумался.

Глава XX

ПОДДЕЛЬНЫЙ ВЕТЕРАН — НАСТОЯЩИЙ УБИЙЦА!

тебя в цирке с девочкой видела...
Симпатичная!

Они сидели в темном фойе уже опустевшего цирка и ждали, когда за ними приедет отец. Дело в том, что в их «Волге» им не досталось места. Они везли домой великого клоуна дядю Сему Птициани. В другой раз Ольга, может, и подосадовала бы, что ей приходится тут сидеть. Но не сейчас! Лучшей минутки для откровенного разговора просто не придумать.

Да только Олежка что-то не был расположен к такому разговору. Он сперва даже сделал вид, что не понимает, о ком идет речь. Но взглянул в глаза родной половинке и понял: провести ее не удастся. Да и может ли левая рука обмануть правую, когда у них все мысли и все чувства общие!

— Ну, в общем, это одна девочка... — начал Олежка через силу.

— Да уж я видела, что не мальчик! — Ольга усмехнулась с некоторой обидой.

Неужели она до того уже дожила, что ее собственный родной близнец будет за нос водить?!

Они помолчали. И это было тяжелое молчание. Тут Ольга сообразила, что она-то требует от

брата откровенности, а сама, между прочим, скрывает, что ей уже многое известно про него и про эту девочку. И сказала:

— А вот ты дяде Пете полностью доверяешь?

— Да! — воскликнул он с какой-то даже излишней поспешностью.

— А мне, значит, не очень, так?

Олежка подумал, нахмурился:

— Не так, Олька. Ты же сама прекрасно знаешь, что не так!

Она посмотрела брату в глаза: но получается, что так! Олег покачал головой:

— Просто это не моя тайна. Я слово рыцаря дал!

Слово рыцаря — чепуха на постном масле. Этот дядя Петя их ловит на всякую такую чепуху, как карасей на опарыша, а они готовы...

— А ты знаешь, что твой дядя Петя?..

Но Олежка сделал решительный знак рукой, что не надо, не надо мне этого!

— Ты разве не слышала, Оль, я слово дал. Но когда я ему помогу, я уйду!

То есть он и сам, видимо, кое-что просекал в этом «ветеране»!

— А в чем ты ему должен помочь?

Вопрос, на который Олежке не очень хотелось отвечать. Он медлил, медлил и наконец сказал:

— Ну ты же видела эту... Веронику, которая сегодня приходила. Она употребляет наркотики. Мы сделаем так, чтобы она попалась... ну, как бы попалась. И того продавца поймаем. Дядя Петя хочет, чтобы все было хорошо, того барона посадили бы в тюрьму, а она спаслась. Но только ее надо припугнуть — что она попалась на покупке наркотиков!

Ох, как хотелось Ольге сказать, что уже можно было бы эту Веронику хватать, когда она в цирке и когда она в лесу... Но тогда получалось бы, что Ольга за ним подглядывала... что и было на самом деле.

И еще она ничего не стала говорить Олежке, потому что не верила дяде Пете. И чем дальше, тем больше!

Уже хотя бы тому, что Вероника эта — дочь Бригадира. Ведь дядя Петя клялся сам себе, что отомстит!

Олежка же и Робин Гуд, наоборот, — вообще готовы за этого дядю Петю на любые подвиги! И ей просто ничего не оставалось — только вести расследование самостоятельно, а потом сказать Олежке да и Робину тоже: «Не слушали меня, а ведь я вам сто раз...» Ну и тому подобное — уж она сумеет, знает, как и что сказать. Однако прежде чем говорить, надо все разузнать!

И вот на следующий день утром, когда Олег бубнил, что, мол, доброе утро, надо в школу леть, потому что физичка терпеть не может, когда к ней опаздывают, ему ответила... полная тишина.

Олег осторожно заглянул за ширму... Что за фигня! Кровать Олькина аккуратно застелена, ранца нет, а на кровати записка:

«Олежек! У меня срочные дела. Скажи родителям, будто я пошла раньше — готовить разметку в физкультурном зале для соревнований. Остальное придумай сам. Меня сегодня в школе не будет».

Ну ничего себе заявочки!

Олег пошел в школу, гадая, куда это и зачем в такую рань ускакала его шустрая сестренка. И почему она ему заранее ничего не сказала. Выходит, она что-то узнала ночью? А что она могла узнать ночью?.. Вечный сон увидела?

А может, ей Робин Гуд какое-то задание дал?

Но Робин ответил, что никакого задания он Ольге не давал. И не собирался! И Олегу просто ничего не оставалось, как говоритьителям, что сестрица его простудилась и родители *заставили* ее остаться дома, а не идти в школу. Что, конечно, вызвало много веселых улыбок.

Учителя, естественно, тоже кое-что подозревали. Однако говорить ничего не стали, только усиленно вызывали Олега к доске... То случались счастливые дни, когда его вообще не тревожили. А тут — на каждом уроке по три-четыре раза. Соответственно, Олег склонялся две пары... Ну, каково? Спасибо тебе, дорогая сестрица!

А сестрица между тем уже почти полчаса сидела в канализационном колодце... Где-где, вы спросите? Ольга действительно сидела в шахте, под крышкой одного из колодцев. К счастью, правда, он был не канализационный все-таки, для стока грязных вод, а вроде как для кабеля электричества. Или, может, еще для чего-то. Но по крайней мере, там «кое-чем» не пахло. А это уже хорошо.

Ольга явилась к дяди-Петиному дому ранним утром, когда из свободного народа, а это пенсионеры, малые дети и прогульщики вроде нее, — так вот, никого из таких еще во дворе не было. Мимо проносились люди, спешащие на службу. А им до девочки, стоящей посреди двора, не было никакого дела. Если б даже потом их попросили дать свидетельские показания, вряд ли кто-нибудь даже упомянул о такой «малозначительной фигуре».

Потом трудовой люд склынулся. Наступила мертвая пауза. Вы думаете, только после двенадцати ночи никого нет на улицах? Да ничего подобного. Час «среднего утра» почти так же необитаем. И этим, кстати, пользуются всевозможные грабители квартир, причем весьма успешно.

Ольга ни о чем подобном не знала. Но когда она оказалась тут, в этот глухой утренний час, она как-то само собою сообразила, что положение очень подходящее.

Подходящее — для чего?

План Ольгин был таков. Посидеть где-нибудь возле того места, на котором обычно дядя Петя

нежится на солнышке. Ольга, кстати, прикинула, почему он именно там сидит. И решила, что, во-первых, с этого наблюдательного пункта отлично видно все, что происходит во дворе. А во-вторых, к самому дяде Пете незамеченным не подберешься. И спрятаться вроде негде — чтобы подслушивать его разговоры. Ольга бы, наверное, ни о чем таком не догадалась, если бы не имела насчет «фронтовика-разведчика» подозрений.

И вот она стала оглядываться, где бы все-таки спрятаться, чтобы именно подслушать... Туда посмотрела, сюда... но о чем говорить, когда ближайший мало-мальски серьезный куст был в пятнадцати шагах от обычной дяди-Петиной стоянки. Да и он, строго говоря, не годился для ее целей. С дяди-Петиной стороны ее, возможно, было бы и не достать взглядом, но всякий проходящий с другой стороны обязательно заинтересуется, чего она тут торчит. По какой такой причине? А это, естественно, полный провал!

Не спеша, она стала осматривать все и вся кругом, впадая в отчаяние. Но тут как раз и заметила этот люк. Обрадовалась — отличное месечко для наблюдательного и «прослушивательного» поста, но тут же и сообразила, что фига-два туда заберешься: крышку-то чугунную ей вовек не сдвинуть.

А потом смотрит: у чугуна какой-то цвет... подозрительный! Что бы это значило? Подбежала, уже чуя удачу. Топнула по крышке ногой... вот это да: крышка-то оказалась деревянная!

Вы спросите, как это возможно?

А я вам отвечу: сколько раз в своей жизни вы видели эти люки вообще без крышок? Я лично раз сто, а то и больше! Эти крышки, несмотря на их тяжесть, почему-то часто воруют, уж не знаю и зачем. И вот, чтоб как-то закрыть эти страшные ямы, эти люки, приспосабливают что попа-

ло. А в данном случае приспособили крышку от бочки, которая, как известно, называется *кружок*.

И вот Ольга оглянулась вокруг — никого: ведь шел тот самый «глухой час» утра. Она быстро и довольно-таки легко подняла крышку. Под ней оказалась шахта люка и в ней ступеньки, сделанные из железных скоб.

Быстро влезла в люк, крышкой накрылась: сперва головой ее подперла, а потом аккуратно опустила на место. Вот и все. Теперь приходи, дорогой дядя Петя, делись со мной своими секретами!

Но делиться с ней дорогой «ветеран» не спешил. И Ольга успела здорово намерзнуться. Несмотря на то что снаружи радовало глаз классное солнечное утро, здесь было промозгло и холодно. Подвигаться негде. Вскоре она замерзла, через полчаса поняла, что вообще еще немногого — и она померт!

Что делать?

Как известно, жизнь — это движение. И Ольга стала ползать по лесенке вверх-вниз, вверх-вниз. Сперва просто запыхалась, потом запыхалась и разогрелась, потом ей так жарко стало, что она уже стала подумывать, не скинуть ли ей куртку.

Но куртку скидывать Ольга не стала, потому что тут она услышала:

— Здравствуйте-здравствуйте, Денисовна! — голос дяди Пети. А потом тот же голос, но только тихо: — Старая... лошадь!

Это, стало быть, дядя Петя приехал на свое любимое местечко. И поздоровался с первой пенсионеркой, которая, наверное, отправилась за молочком и хлебушком.

Минут через десять он снова «вышел в эфир». Ольга услышала, как пискнул мобильник. И потом дядя Петя сказал:

— Это дежурный. А как бы Пестрякова по-

просить... Да я понимаю, брат! Очень надо! Тут у него с бабкой нелады... Может, вообще концы отдает! — потом он молчал несколько секунд и наконец сказал прочувствованно: — Спасибо, братуха!

Вот же врет, подумала Ольга... Но зачем это ему надо?

И тут же услышала:

— Вовендей? Я говорю. Кубарем ко мне! Дело срочнейшее... Ну ты дурак, я погляжу. Нельзя это дело по телефону. А надо, чтоб было про-меж четырех глаз... Такси возьми!.. Найди тридцатку! — потом наконец с большой неохотой заключил: — Ладно, я оплачу.

Дальше пришлось ждать сколько-то, может быть, и долго. Но Ольга уже не заметила, сколько прошло времени, потому что она чувствовала: начинается! Так, наверное, собака, которая мчит по следу, не думает о том, что на улице холод, что она «промочит лапы» и тому подобное. Она просто бежит и бежит. И чувствует впереди только одно — свою удачу.

Наконец время, которое судьба отвела ей на ожидание, прошло. Ольга услышала торопливые шаги. И сразу поняла, что это те самые шаги, какие ей нужны, потому что топали армейские сапоги, подкованные для прочности тяжелыми железками. Она спорить могла бы: это спешит Вовендей!

Так оно и вышло. Буквально через несколько секунд она услышала:

— Здоров, Петро!

И тут же резкий, почти злобный дяди-Петин ответ:

— Заткнись, щенок. И слушай, что тебе говорят!

Какое-то время они молчали: как видно, «давили» друг друга взглядами. Наконец этот Вовендей сказал примирительно:

— Ладно, чего ты в натуре? Пришел, слушаю... Говори!

Дядя Петя еще помолчал для того, чтоб пришедший окончательно понял, кто здесь начальник, а потом заговорил:

— Ты когда будешь ангар охранять?

Вовендей помолчал сколько-то, видать, задумался:

— Ну... завтра.

— В какое время?

— Вечер... С восьми там где-то...

— О! Самый канифоль!

— Какой еще канифоль?

— Такой... После узнаешь! Твое дело теперь слушать, чего тебе скажу.

— Ну, говори! — сказал Вовендей с неприязнью. — Чего-то ты из себя корежишь... я не знаю. Как будто пахан какой...

— А я для тебя пахан и есть! Две штуки зелеными заработать хочешь или нет?

— Хм... Ты ж за такие-то бабки небось попросишь такое, что потом...

— А ты раньше времени не мельтеши. Молчи и слушай! Когда придешь на свое место...

— На пост, что ли?

— Ну да! Сразу с дежуркой по рации свяжись, что, дескать, все в лучшем виде... Когда у вас обход бывает?

— Ну, это неизвестно... Часов в десять — первый раз...

— Вот когда они пойдут, ты нервно так их останови. Типа — откликайтесь четче и тому подобное!

— А зачем это?

— А вот слушай. Они у тебя спросят, мол, чего ты дергаешься. А ты им скажи, что вроде кто-то лез или что-то в этом духе...

— Не понял...

— Сейчас врубишься. Потому что дальше пошло про твоих два куска зелеными.

Тут опять наступила пауза. Как видно, они переглянулись еще раз. Речь-то шла о таком важном деле, как две тысячи долларов.

— Короче, знаешь, что там у вас в ограде дырка есть?

— Ну знаю, само собой! — откликнулся Вовендей. — Мы же через нее всегда из самоволки возвращаемся!

И тут наконец Ольга поняла, кто такой этот Вовендей. В Городе есть военное училище. И он, видать, оттуда, раз говорит про КП, про дежурку, про самовольные отлучки из училища, которые у курсантов называются *самоволками*.

— Так вот, слушай дальше, — продолжал дядя Петя. — Часов... так примерно от десяти до одиннадцати в эту дырку кое-кто пролезет.

— Да пусть лезет, мое какое дело!

— Есть дело! Потому что они пойдут прямо к тебе...

— «Они»? Их сколько там будет-то?

— Ой! — хмыкнул дядя Петя сердито. — Что ж ты такой «смелый», а?

— Потому что будешь тут... смелым! Сам постой там один, тогда узнаешь!

— Да всего двое будут, успокойся. Безоружные. А ты с автоматом, и они тебя не видят.

— Ну, и чего дальше? — это Вовендей произнес уже спокойнее.

— Они двигаются к твоему ангару... который, в смысле, ты охраняешь. А ты говоришь: «Стой, кто идет!»

— Это я без тебя знаю...

— Они отвечают: «Север».

— Почему «Север»?

— Потому что слушай, чего тебе объясняют!

И тогда ты говоришь им, что, дескать, выйдите к свету... А пока они выходят, ты звони на КП и шепчи страшным голосом, что какие-то двое к тебе крадутся. В маскшапочках и кавказской национальности... в смысле, ничего не видно,

только глаза торчат. Тебе из КП чего бы ни сказали, ты нервно отвечай, что, дескать, это диверсанты. И крадутся. Дальше дай предупредительный выстрел.

— Да ты что?!

— Сделаешь, как я сказал! А потом прямо в них шарапшь. Чтоб не встали!

— Я это не буду... этого делать, — с трудом проговорил Пестряков.

— Будешь, собака! — эти слова у дяди Пети получились одновременно и ласково и зловеще. — Иначе сам знаешь, про что я кое-кому расскажу. А сделаешь — два куска твои.

Долго Ольга ничего не слышала. И наконец Пестряков произнес:

— Мало... За такое мало!

То есть он согласился! И уже начал торговаться с дядей Петей. А Ольга подумала: как же легко эти два человека договорились про... про убийство!

— Две не мало, Володенька! — сказал дядя Петя строго. — За две тысячи долларов твой батька целый год пашет! Да и то, дай бог, если их выработает... А тебе за две пули всего!

— Сволочь ты, Петр Константинович!

— А хорошо все сделаешь, там и премиальные жди... Но чтоб все чисто!

Они обменялись еще нескользкими уже незначительными репликами, и потом Ольга услышала, как по асфальту опять зацокали солдатские подковы. Она продолжала сидеть в своем «доте». И теперь-то ей было плохо, ведь она не могла двигаться — опасалась, как бы дядя Петя не услышал.

Ничего. Хоть она и подмерзала, зато было время все обдумать. Хотя как действовать дальше, Ольга пока придумать не могла. Надо как-то поймать его с поличным. Потому что если она кинется в милицию или в то училище... Ей вполне могут сказать:

— Да ты что, девочка, обалдела? Какие выстрелы, какие диверсанты?

И в то же время она была уверена, что дядя Петя готовит что-то ужасное... Эх, вот бы Олежка послушал этого «ветерана», а тем более Робин Гуд! Но у нее не было ни малейших доказательств, ни капельки, ни граммчика.

Хм... А что, если при всех, при Робине, при рыцарях, при Олежке, конечно, прямо ему в глаза сказать:

— Я про вас знаю!

Нет, опять не поможет. Он ее начнет обсмеивать, скажет: «Она врунья! Невзлюбила меня...»

И тут Ольга остановилась в этих своих довольно-таки глупых мыслях. Что значит «обсмеивать»? Человек подговаривает других на убийство, а ты говоришь: «Обсмеивать!» Да он тебя, как говорится, уроет — и все, и даже глазом не моргнет. Против него надо тайно действовать. И в результате так сделать, чтоб он ни от чего не смог потом отказаться!

Но она пока продолжала сидеть в своем колодце, и надеяться ей оставалось только на везение — что «ветеран» уедет куда-нибудь, случится солнечное затмение и... тому подобную чушь. Только ничего такого не могло произойти! И время шло, становилось все холоднее. Голод, говорят, не тетка. Но и холод — тоже далеко не дядька, это уж точно! Почти с завистью Ольга подумала о тех ребятах, которые сейчас сидят в классе на уроке... пусть даже и математики!

Нет, сил больше не было. Еще раз она убедилась: без Олежки плохо... Сейчас, ничего не по делаешь, придется рисковать. И никто тебя не подстрахует!

Собралась с духом, уперлась головой в крышку... Ну, не бойся!

А сама боялась, конечно...

Наконец все же приоткрыла крышку. Предварительно так повернувшись, чтобы сразу уви-

деть, где дядя Петя. Увидела колесо его телеги. Еще немного приподняла крышку. Теперь ей стала видна его рука — тяжелая, мускулистая, с крупными венами — как у всех инвалидов, которые передвигаются только при помощи рук.

И рука эта была расслаблена — просто висела... как она висела бы у спящего человека! Вот оно что... И тогда еще чуть-чуть приподняла крышку. Честное слово, он спал, этот так называемый дядя Петя. Поговорил про убийство, а через десять минут задремал себе на весеннем солнышке!

А ты говоришь: «Пристыдить его». Да он тебя так «пристыдит»!

Однако дальше рассуждать было некогда, надо или сейчас выскользывать на свободу или... как проснется, как взглянет на нее!

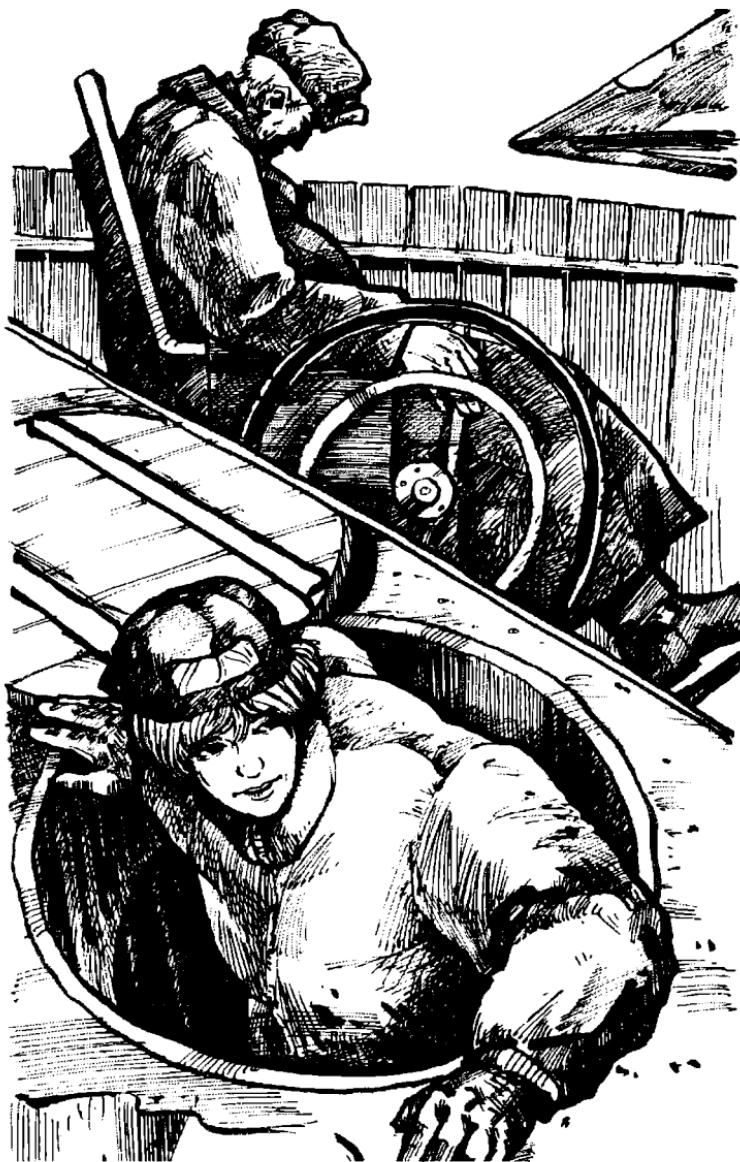
Ну так и сиди, не рыпайся!

Ольга схватилась руками за края колодца, подтянулась, вытолкнула себя наружу. Еще успела подхватить деревянную крышку, чтобы та не хлопнулась об асфальт... Готово! Теперь бежать! Быстро бежать отсюда!

Но снова сдержала себя. Аккуратно положила крышку на место, оглянулась. Никто не наблюдал за ней, ни одна живая душа. Много народу на земном шаре, но именно в эту секунду никому не было дела до этой симпатичной девочки, стоящей посреди двора.

Ужасно хотелось бежать без оглядки. Но она заставила себя спокойно пойти — деловой такой походкой девочки, которая учится во вторую смену, а пока в свободное от уроков время идет в магазин, чтобы помочь престарелой бабушке. Пришла на остановку — абсолютно никем ни в чем не заподозренная. А тут и трамвай, дружице, подъехал, двери распахнул: «Не стоит тебе тут долго светиться!»

И то правда... только из трамвайного окна она решилась посмотреть, что там дядя Петя.

Ольга схватилась руками за края колодца, подтянулась, вытолкнула себя наружу. Еще успела подхватить деревянную крышку, чтобы та не хлопнулась об асфальт...

Он уже не спал!

Смотрел куда-то перед собой, соображал... Затевал какую-то новую каверзу. Ольга поспеши-но отвернулась, оторвала от него взгляд. Потому что ей казалось: она сейчас прожжет его своим взглядом. Трамвай опять помог — быстренько тронулся с места. Сейчас помчит прочь от этого жуткого дяди Пети.

Но куда же, в самом деле, ей сейчас ехать?

И тут она сказала себе: «Да в штаб, конечно!» Там же должна быть встреча с дядей Петей. Он должен Олежке «устный орден» вручать. Отлично! А тут как раз она и появится... Нет, обожди, не появится. Она спрячется и все услышит — как он будет врать. А потом вместе с Олежкой и Робином пойдет туда, к училищу... Спасет тех двоих ребят, которых должен подлец Вовендей убить. И таким образом все докажет Робин Гуду! Тогда можно будет начать тайную войну против поддельного ветерана разведки. И так его ущучить, чтоб...

Однако она не успела додумать свой план мести, потому что пора было выходить. Остановка «Штабная». Ольга с некоторым опозданием выскочила из вагона, ну и, соответственно, ее огrelи двумя-тремя ласковыми словечками, про ворону, ротозейку и так далее. Так трудно бывает извиняться в подобных случаях. Она все же превозмогла себя, извинилась. И спокойно пошла выполнять намеченный план.

А ведь он только на словах был прост и ясен. На самом деле... Вот хотя бы, как туда проникнуть, в этот штаб? Ведь у нее ключа, естественно, не было.

Ключ был только у Робина...

Тогда ничего не выйдет!

Но только ли у него?

И тут она поняла, что нет, конечно, не только. Потому что, когда они в первый раз пришли туда, в штабе был кое-кто из рыцарей. А самого

Робин Гуда как раз не было. То есть можно предположить, что... Погоди, ну допустим, ключ не один — что из этого?

Пока она сама не знала. Однако что-то в душе бродило — такое как бы бодрящее состояние. Нужно только подумать, хорошенько сообразить!

Остановилась дома за два, за три от того двора, где надо было сворачивать... А чего она остановилась? Да просто, чтобы зря не светиться — если она действительно собирается туда проникнуть — в штаб.

Села на лавочку, стала думать... Как же я собираюсь туда проникнуть-то?

Причем у нее не было ни малейшего сомнения, что она войдет. Войдет тайно! Душа уже знала, как это сделать, а ум еще нет.

Наконец и ум понял то, что давно уж поняла душа.

Ключ действительно не один. Их, наверное, два или три. Один у Робина, один в запасе где-то, а еще один... которым все и пользуются, спрятан в укромном месте.

Где?

Да само собой не за тридевять земель, не как Кощеева смерть. Потому что она Кощею Бессмертному совсем не была нужна. А ключ нужен постоянно. Его и спрятали там, где... да где обычно их прячут: под железкой возле входа, под порожком, над дверью...

И Ольга прямо-таки бегом припустилась к штабу. Она буквально видела уже этот ключ! Там перед дверью такой камень «бел-горюч» лежит. Совершенно ни для чего. Только чтобы ключ у себя под брюхом прятать.

Подбежала, сунула руку... Сама себе не поверила, все обрыла, общупала — ну нет! Поднатужилась, поднапружила, перевернула на фиг этот несчастный булыжник... сквалыжник.

Нет!

Спокойно. Главное, не строить из себя ясновидящую. Надо искать «научно», как говорит дядя Ваня Янцзы... Их замечательный друг, великий фокусник, Иван Иванович Янцзы. На арене ему будто бы все предметы подчиняются. По его приказу то появляются из ничего, то исчезают в никуда. А вот в жизни они ему как бы мстят — они от дяди Вани прячутся. А может, дело просто в том, что Янцзы просто очень рассеянный: положит что-то куда-то и забудет чугунной забывчивостью.

Но главное, что ему приходилось много и часто искать. И вот тогда он «изобрел» свой **научный способ**. Он просто берет и сантиметр за сантиметром обыскивает собственную квартиру. А вещи, они хоть и умеют отлично прятаться, однако при таком... научном поиске деться они никуда не могут!

И вот теперь Ольга тоже стала искать. Имея, конечно, в виду, что ключ должен быть где-то здесь. И вот нашла наконец! Не под ковриком и не над дверью, а сбоку, за плинтусом, на гвоздике. Живо открыла дверь... Эх, отлично было бы сейчас повесить его обратно, чтобы, как говорит бабушка, ни кот, ни кошка ни о чем не узнали. Да ничего из этого дела не получалось, потому что тогда дверь осталась бы открытой! Пришлось запереться изнутри и взять ключ с собой.

А рыцари уж пусть при помощи поединков решают, кто же все-таки «посеял» тот ключик.

Теперь ей надо придумать, куда спрятаться. Причем спрятаться так, чтобы сидение в тайнике не стало бы для нее пыткой. И нашла такое место. Вернее, организовала его. В дальней стене, задернутая тяжелой и довольно-таки пыльной портьерой, была ниша. Когда-то там находилось подвальное окно. А потом сделали полки — прибили широкие, крепкие доски, покрасили их теперь уж не отгадаешь какого

цвета краской. Как раз той, про которую говорят: серо-буро-малиновая.

Нишу и полки эти делали с какими-то весьма благими намерениями, но потом просто завалили всяким хламом. Который просто лень было вынести на помойку. И вот Ольга быстренько переложила с верхней полки какие-то бутылки из-под растворителя, какие-то банки с засохшей краской, ставшие каменными, не отмытые во время малярные кисти... ну и тому подобное — сняла все с верхней полки и рассовала по остальным трем. Получилось очень приличное местечко. Полка к тому же была еще и достаточно глубокая. Если придвигнуться к стене, то снизу «наблюдателя» не заметишь, даже если отодвинешь портьеру.

В общем, высший класс! Она залезла туда, поворочалась, поворочалась. Жестковато, конечно, однако же это тебе не постель в конце концов.

Глава XXI

НЕ НАДО, ТЕРПИ!

оказалось в результате, что именно постель! Потому что Ольга совершенно неожиданно для себя уснула. И проснулась от... мальчишеских голосов. Причем говорили эти голоса... про нее!

— Ты оfoonарел, сэр Гарри!

— А я даю вам слово джентльмена, здесь отчетливо слышалось посапывание.

— Но у нас нет привидений!

— Привидений нет, но и ключа тоже нет!

— Ключа нет, сэр Гарри, потому что ты позабыл его повесить на место, и он остался у тебя в других штанах... Ты ведь в тот раз был в джинсах, верно?

— Верно... А давай все-таки посмотрим, а, сэр Маленький Джон... Потому что я точно помню, как вешал его! И сопение я тоже слышал...

— Так чего же оно сейчас не сопит? — ехидно поинтересовался Толя Зализняк, потому что именно он и был Маленьким Джоном.

А не сопело «оно», потому что Ольга и дышать-то, кажется, перестала!

Мальчишки некоторое время стояли в полной тишине, потом Толя спросил с насмешливым вздохом:

— Ну? Убедился?

— Да вроде да... — как она узнала недавно, этого сэра Гарри звали Петька Кузнецов.

— Тогда давай пахать!

Ольга услышала шум воды, льющейся в ведро, а потом, как всякая более-менее опытная хозяйка, она уловила тот особый запах, который с удовольствием начинают источать моющиеся полы.

— Я тут сам доделаю, — сказал Маленький Джон, — а ты пока пыль вытри.

— Ладно... Не пойму, у него тут что, свидание будет?

— Неизвестно.

И после этого они довольно долго молчали.

— Ты же знаешь, у Робин Гуда есть какие-то тайны, — сказал наконец Маленький Джон.

— Но ведь странно это, Толян! От своих же рыцарей...

— Молчи, сэр Гарри! — и голос Маленького Джона прозвучал весьма сурово. — Ты недавно стал сидеть за нашим рыцарским столом. А я с Робином с самого начала. И могу сказать: я не видел рыцаря благородней!

— А чего ж он тогда?..

— Говорю тебе, молчи, Петька! Он передо мной извинился, что не может пока открыть эту тайну. Встреча, которая здесь состоится, всем нам пойдет на пользу, ты понял? И мы сможем

помочь кому-то, дать денег. Клиенты не хотят, чтоб их имена знало много народа... Вот и все. И Робин им слово дает. А раз уж он слово дал...

После этого они работали молча еще не менее получаса. Наконец Маленький Джон сказал:

— Все, нам пора отсюда свинчивать... Следуйте за мной, сэр Гарри. И пусть вас больше не волнуют тени привидений... Еще надо Робину ключ вернуть. А ты в своих джинсах-то пошарь!

— Да вешал я его, понимаешь, вешал! — тут он издал хищный и одновременно радостный вопль: — Да я же знаю, кто его утянул, — сэр Тобби!

— Да?.. — Маленький Джон задумался. — Ну правильно. Женяка известный растеряха!

Ольга слушала их разговор, едва сдерживая смех. Ей было безумно, просто безумно весело! А что? Она ведь находилась среди друзей. И если б даже ее сейчас «поймали», то ничего бы не случилось. Просто вместе посмеялись бы и кончено дело. Но что будет потом, она не знала. И в душе, словно тайный мотор, начинало, вздрагивая всей своей тяжестью, работать волнение.

Дверь закрылась, Ольга услышала, как Толя Зализняк запер ее на два надежных оборота... Теперь-то все только для нее и начиналось. Ольга чуть отодвинула штору, окинула взглядом помещение штаба. Тут вообще не было грязно — они следили за порядочком. Но сейчас был просто высший класс. Притом все расставлено, каждый стульчик занял строго свое место. Зеленая скатерть разглажена тщательнейше... Вот как они ждут «тайного друга», дядю Петю предательского.

Страх и тоска охватили Ольгу. Она поняла, в каком капкане находятся все эти ребята.

Вот она в чем беда! Ты говоришь, что являешься Робин Гудом, благородным то есть разбойником, а к тебе начинают липнуть всякие типы, дают задания — за взрослую похвалу, за

деньги (даже чтоб ты их мог отдать какой-нибудь бабушке Маше). Но так или иначе тебя втягивают в разные темные делишки.

Ты кричишь: «Я благородный разбойник!»

А на деле-то получается, что ты просто разбойник — вот и все. Совершаешь преступления... Ты кричишь: «Я из благородных побуждений!» А вот фиг тебе. Твои благородные оказываются самыми обычными, бандитскими действиями. Ты бабе Маше помог, а того мальчишку, на которого так зверски наехал, чуть заикой на всю жизнь не оставил... Вот чем, оказывается, это «благородство» обрачиваются!

Прошло не более десяти или пятнадцати минут, и в двери снова хрустнул ключ. В оставленную щелку Ольга увидела: это вошел Робин Гуд. Очень долго вытикал ноги о только что выполосканные ребятами тряпку. Потом прошел к столу, что-то там еще поправил. Сел на свое место, но тут же поднялся. Он вообще нервничал... ждал. Включил тефалевский электрочайник, но тут же его выключил: ведь эти чайники закипают почти мгновенно, и Робин, наверное, хотел, чтобы кипяток был «свеженьkim».

Раздался стук в дверь — три тяжелых удара. Робин сразу вскочил, бросился к двери, широко распахнул ее. Ольга увидела инвалидную тележку, в которой сидел дядя Петя:

— Что же ты так открываешь, даже не спросил, кто-что? — инвалид как бы с укоризной хмыкнул. На самом деле он знал, что сейчас скажет Робин, и ждал этого.

— Да я уж ваши стуки наизусть изучил!

Дядя Петя, улыбаясь, протянул ему руку, и Ольга видела, Робин едва удерживается, чтобы не обнять этого человека. Так они замерли на несколько секунд, наконец дядя Петя улыбнулся... как-то слишком сердечно:

— Ладно, все в порядке. Еще побудем сегодня

ня вдвоем, поболтаем. Давай зови его. Сперва надо дело сделать... Зови!

— Слушаюсь!

Это слово Робин при ней не произносил ни разу... «Слушаюсь!» Это его все слушались. И как же он не заметил тон поддельный?..

Любовь слепа... Когда-то в каком-то телеспектакле героиня сказала эту фразу. Ольга тогда еще была совсем маленькая, лет восемь ей, наверное, было. Но как раз она оказалась в тот момент влюблена в мальчика из чешского цирка — они играли в одном представлении, — его звали Иозеф Пала. Ольга сразу представила, как слепая любовь идет с завязанными глазами по канату, как это делала мама Иозефа, тетя Мариана. Лишь потом она поняла, что значит это выражение: все видят, что такой-то человек — дрянь. А влюбленный не видит. Он словно ослеп. И не только глазами, но и душой.

Робин побежал звать того человека, которого надо было увидеть дяде Пете. Ольга совсем замерла, потому что инвалид вдруг ни с того ни с сего стал внимательнейше осматривать помещение штаба... Тоже вроде как *научно*. Остановился взглядом на портьере, за которой сидела Ольга... она даже глаза закрыла, чтобы дядя Петя ее не учゅял. Хотя это все, наверное, ерунда. Никаким взгляд не обладает притягательным свойством.

Но тут наконец послышались шаги по бетонной горке. Огромного труда стоило ей не отодвинуть еще немного портьеру, чтобы поскорее увидеть, кто же там придет сейчас. Сердце подсказывало ей, но все же поверить она себе не могла. И зря, потому что через несколько секунд она действительно увидела родную свою половинку... Олежку то есть.

— Здравствуйте! — сказал Олежка, и по этому коротенькому слову Ольга сразу поняла, что братишко ее волнуется.

— Здравствуй-здравствуй, — сказал дядя Петя, улыбаясь сердечно.

И, казалось Ольге, опять ведь можно было бы услышать эту приторную сердечность — тем более такому человеку, как Олежка!

А он, словно солдат на параде, закричал:

— Здравствуйте, Петр Константинович! — и столько радости было в его голосе, Ольга с досады чуть не завяла.

Хотя, с другой стороны, если б она сама знала про этого обманного фронтовика столько же и то же самое, что знали Робин Гуд и Олежка, может, и она так же перед ним плясала бы.

— Не стоит так официально, — сказал дядя Петя голосом великого, но очень скромного человека. — Зови меня запросто — дядя Петя.

Олежка только вздохнул в ответ. Словно ему правда орден вручили! Ну ничего, она с этим обманщиком за все рассчитается. А пока пусть дурит и Олежку, и Робин Гуда — ничего, будет и на нашей улице праздник, причем скоро!

— Я что вам хочу сказать, ребята, — начал дядя Петя отеческим тоном. — Вы делаете очень важное и нужное дело. Боретесь с несправедливостью, сражаетесь за правду. Наказываете разных подонков и прощелыг. Это очень хорошо. Я рассказывал там... в общем, в одном очень секретном месте о вашей работе. Скажу откровенно: вас одобряют. Тебя, Робин, знают такие люди... такие... Пока я не могу назвать их имена. Но когда-нибудь все станет на свои места, все будет по справедливости. Только нам, воинам невидимого фронта, приходится этого ждать довольно долго.

— Мы подождем! — выпалил Робин Гуд. — Мы для вас...

— Да зачем же для меня? Для людей, для народа... А я в принципе такой же солдат, как вы!

— Что вы, Петр Константинович! Да если бы мы были такими, как вы...

— Дядя Петя, — поправил его инвалид. — Зови меня дядя Петя. Не надо выделяться!

— Да я... что вы?.. Я... нет!..

— Тогда слушай задание. Оно очень ответственное, Олег. И тебе я его поручаю только потому, что это рекомендация самого Робин Гуда.

— Да я не... — начал Робин.

— Молчи! Сейчас я говорю!

Рискуя выше головы, Ольга приоткрыла портьеру: ей сейчас очень важно было увидеть Робинову физиономию. Потому что Робин вроде бы растерянно пискнул.

В самом деле, лицо у предводителя благородных разбойников стало, словно он уксусу хватил вместо парного молока... В чем же дело?

— Слушай, Олег, в чем суть. Запоминай каждое слово. От твоего правильного поведения зависит успех очень важной операции!

— Я все запомню!

— Вот и отлично... Ты сегодня встречаешься с этой... Анжелой?

— Да. После представления, в десять вечера, возле Почтамта.

— Все правильно... Что родителям скажешь?

— Ну... Я еще не придумал... Скажу, что на часок надо забежать к Робин Гуду, мебель передвинуть...

Ну и выдумка! Да разве ему поверят?..

Дяде Пете, видать, тоже не очень понравился этот план.

— Вот, слушай меня! — сказал он очень жестко. — Никаких имен! А тем более Робина! Ты его вообще не знаешь... Скажи, что у тебя свидание. На полчаса. Что к одиннадцати будешь дома.

— Хорошо...

— Говоришь ей, Анжеле в смысле, что о товаре ты договорился. И потом вези ее на улицу Фрунзе... Знаешь, там, где военное училище?..

От этих слов Ольга чуть не потеряла созна-

ние! Так это он Олежку собирался подставить вместе с этой девочкой... дочкой Бригадира!

О, какого труда стоило Ольге не кинуться сразу на врага своего, чтобы немедленно... да я не знаю просто... выцарапать глаза — это в первую очередь, а дальше посмотрим! Выдержала, схватила себя за руки, за ноги: «Не надо, терпи! Ты должна все вызнать, все до конца! Должна иметь доказательства... А спаси Олежку и эту девочку успеешь!»

Пока она боролась с собой, дядя Петя подлый — да, теперь уж точно можно говорить, что именно подлый! — дядя Петя... этот рассказывал Олежке, как им с Анжелой проникнуть в дырку, как пойти к ангару.

— Там территория вообще-то глухая... Не перетрухнешь?

— Да что вы, дядя Петя! Да я...

— Не хвастай. Сделаешь, тогда мы с Робином посмотрим.

Олежка промолчал.

— Вас там окликнут. Но ты не бойся. Иди к ангару, под фонарь, в общем, делай, чтобы вас как можно лучше видно было. Как только она возьмет наркотики, ее сразу и арестуют! Все понял?

Олег молчал. Кто-то, кто не знал его, мог бы задуматься: что же такое с ним, чего он набычился. А Ольга-то отлично поняла — ее братишке что-то не нравилось. Или он в чем-то сомневался.

— Ты чего, Олег?

Это дядя Петя спросил как бы дружески. Но в голосе его слышалось раздражение.

— Да понимаете... А нельзя ли без ареста? Ее же потом... затаскают! Тем более, получается, она покупает крупную партию...

— А тебе ее жалко, наркоманку?

— Да она больше... просто выпендривается!

— Ты не прав, Олег. В таких случаях можно спасти человека не поглаживанием по голове, а

ударом. Шлепнешь как следует, он сразу очухается! Да ты что, нам с Робин Гудом не доверяешь?

Олежка молчал. Ольга видела: ему не нравится этот разговор.

— Ты сделаешь то, о чем мы тебя просим?

— Да...

Дальше была довольно-таки долгая пауза. И потом дядя Петя сказал:

— А, в принципе, ты молодец... Молодец, Олег! Ведь я не сказал тебе главное: этот арест будет не настоящий. Просто наши ребята возьмут ее, встряхнут как следует: «Поняла, девочка, к чему твои игры могут привести?»

— А-а... тогда другое дело, — и в голосе Олежки Ольга услышала неуверенность.

Потому что он тоже начал чувствовать: что-то здесь нечисто с этим дядей Петей!

— Ты сделаешь это, Олег?

— Да...

— Только имей в виду: за тобой следят. Поэтому, как ты проведешь эту операцию, очень многое будет зависеть в твоей судьбе! Ты, я слышал, хочешь стать сыщиком...

— Да...

— Вот это твой экзамен!

Глава XXII

ЖУТЬ... С ПИСТОЛЕТОМ

лежка ушел, а Робин и дядя Петя сколько-то времени молчали.

— Ты думаешь, он сделает? — спросил инвалид напряженно.

— Конечно!

— Ты за него ручаешься?

— Да это мой друг!

— А мне лично он не нравится! — Слышино

было, как дядя Петя барабанит пальцами по столу. — Ненадежный он. Главное, на твое место метит! Хочет вместо тебя вон в то кресло сесть.

— Не-е, это вряд ли, дядя Петь! Они через месяц вообще отсюда уедут...

— А вот как раз таки останутся! Его отец подсидел директора цирка, знал ты об этом? Мне наши ребята сказали! Так что он вполне может тебя скинуть!

Робин молчал. Видимо, просто не знал, как ему на это реагировать. Но и сразу видно было, ему очень не хотелось, чтоб Олежка занимал его место.

«Да ничего он не займет, успокойся! — хотела крикнуть Ольга. — И про папу Севу он все врет!»

Но, естественно, продолжала молчать.

— Ладно, спокойно, братишко, — дядя Петя усмехнулся. — Ничего он не займет! Об этом уж я позабочусь...

Робин вздохнул. Ему и не верилось, что Олежка способен на что-то такое. И, с другой стороны, он дяде Пете не мог не поверить.

— Ты теперь вот что запомни, — продолжал инвалид, — тебя еще по этому делу не раз трясут. Моего имени не употребляй ни при какой погоде, понял?

— По-нял... А что такое, дядя Петь? Почему будут трясти?

— Сейчас объясню... Только сперва скажи, ты мне друг?.. А я тебе?! Вот и запомни это! А теперь слушай!

Ольга прямо замерла. Она чувствовала, сейчас что-то должно произойти.

— Мы с тобой начали, — голос у дяди Пети стал глухой, словно он боялся, что кто-то его услышит, — мы начали с тобой очень важное дело. И нас просто так не оставят, будут спрашивать, может, даже будут трясти серьезно.

— Я... готов!

— Я понимаю, братишка. Но должен тебя особо предупредить: обо мне никогда ни при каких обстоятельствах никому ни слова. Это и твое спасение!

— Спасение?..

Страха в голосе Робина, пожалуй что, не было. Но удивление было.

— Да... ты не перетрухал случаем?.. — тут же сменил он тон. — Да знаю-знаю, что ты не такой пацан! Я поэтому тебе и доверил такое дело.

— Какое дело, дядя Петь?

— Короче, тут могут быть жмурики.

— Жму... Вы говорите про... мертвцев?

На протяжении этого короткого вопроса голос у Робина два раза прерывался.

— Ну а что? — дядя Петя пожал плечами. — Мужские разборки. Возможно, кому-то по дороге и башку нечаянно отшибут!

— Чего-то не пойму...

— Понимать нечего! Ты боишься, что ли?

— Дело не в испуге, — тут голос у Робина зазвучал решительно, как он и должен звучать у предводителей благородных разбойников. — Просто я этого не хочу!

— А мстить?.. Или, может, ты считаешь, что и мстить не надо?

— Мстить надо! — ответил Робин убежденно.

Ольга здесь была с ним не совсем согласна. Но ведь у мальчишек свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо.

— Вот я и буду мстить! — продолжал дядя Петя. — А заодно уберу и одного деятеля, который метит на твое место!

— Чего-то не пойму, дядя Петь!

— А я сейчас тебе растолкую... Согласен ты, что этот Олег-циркач хочет сесть в твое робин-гудовское кресло?.. Вижу, что согласен. И отлично понимаешь это. И не хочешь такой бяки.

Я бы тоже не хотел. Вот я и думаю, что его надо наказать!

— Как это... наказать?

— Только ты не дергайся, ладно?.. Ты вообще-то мужик или не мужик? У моего врага есть... ну, в общем, дочка хренова. Я ее собираюсь урыть!

— Урыть?!

— Да! А что ты на меня так смотришь? Не слыхал, что с врагами надо рассчитываться? Сам же говорил только что... А если я дочку его кончу, он больше на ноги вообще не встанет!

— А при чем тут... Олег?

— А при том, что если и его заодно, будет не-плохо... тебе же первому! — Ольга услышала, как дядя Петя хлопнул его по плечу: — Ты только не дергайся, говорю тебе! Циркач этот тебе на фиг не нужен... Я бы, может, не стал его трогать. Но так будет чище: явились двое на военный объект. Часовой их останавливает, то-се... Предупредительный в воздух, а они опять... — дядя Петя усмехнулся. — Ты, главное, не дергайся. У меня все просчитано.

— Дядя Петя...

— Главное, обо мне ни слова! Этот папаша ее, конечно, начнет тебя... спрашивать. А ты же ничего не знаешь, точно. А... рыцари твои и правда — ничего...

— Не, дядя Петя!

— Погоди! Причем за это ты пролучаешь пятьсот... нет, даже семьсот баксов! Сможешь лук настоящий купить... Видал, какие луки спортивные продаются. Стрела собаку нас kvозь пробивает!

— А я не хочу собаку!

— Ну, кошку... Брось ты, парень! Мишеней прямо здесь наделаете... А можно и на другое истратить!

— Ни на что я не буду тратить!

— Тоже неплохо. Просто себе возьми, и точка. Одобряю!

— Вы меня не понимаете разве, дядя Петя? Я не буду этого делать. И Олегу все скажу!

— Предаешь?

Робин долго молчал.

— Да не в предательстве дело-то! Я не хочу этого... — он замолчал, видимо, подбирая слово. — Не допущу!

— В смысле — как это?

— Да просто предупрежу его, и кончено дело!

— Нет, дружбан...

Голос у дяди Пети изменился, какой-то мерзкий стал... *Блатной* — вот какое слово пришло вдруг ей на ум.

— Да!

— Хорошо-хорошо, не кипятись. Сейчас мы с тобой обо всем договоримся. Не хочешь, не надо. Я тоже еще подумаю... тогда. Сейчас главное, ты мне ответь: ты кому-нибудь о нашей встрече рассказывал?

— Вы же знаете, что нет!

— Точно?

— Даю рыцарское слово!

— Тогда отлично.

Это дядя Петя произнес совершенно спокойно. Ольга даже удивилась, как же он легко согласился отказаться от своего ужасного плана.

А подлый инвалид вдруг вынул из кармана... пистолет. Ольга не знала его марку. Но сразу поняла, что он настоящий... Когда они гастролировали в Волгограде, там у ребят много было оружия — настоящего, и полунастоящего, и очень похожего на настоящее: там же бои были страшные — в ту еще войну, которая с фашистами, которая — «День Победы порохом пропах. Это праздник с сединою на висках...».

Так вот она там научилась с самого первого взгляда различать, настоящее на тебя наставля-

ют оружие или нет. И это сейчас было настоящеё!

— Не двигайся... собачонок вонючий! Безотцовщина! Тварь неблагодарная...

Ольга лихорадочно соображала, что она сейчас может сделать.

Наверное, она бы могла сейчас просто замереть — каменней, чем эти стены. Подождать, когда все кончится. И потом уйти.

Подождать, когда Робина убьют?!

Да ей такое даже в голову не приходило. Ольга искала единственный выход из положения!

А между дядей Петей и Робином продолжали «развиваться события».

— Ну, гаденыш, приготовься к смерти.

Это инвалид сказал спокойно и даже вроде по-деловому, как фотограф говорит человеку, пришедшему сняться на паспорт. Затем он нажал на спусковой крючок. Ольга видела, как напрягся его указательный палец правой руки, как подвинулся спусковой крючок.

Это же, наверное, видел и Робин Гуд. И он успел нырнуть со стула на пол. Но все-таки, показалось Ольге, он не успел обмануть пулю.

То есть он был сейчас мертвый...

Однако он был жив. И это значило, что пуля обманула его. Дядя Петя над ним произдевался — вот и все.

Однако Ольга ошиблась. Парализованный бандит не просто издевался над Робином. Он его проверял.

— Ну, братан? Вкусно ли трупом быть?.. Лежи, не двигайся. Движение — стреляю!

И что-то в его голосе было такое, что Ольга поняла: дядя Петя так и сделает! И Робин это понял. Поэтому он замер, как был, опершись на руку, словно раненый боец в какой-нибудь скульптуре.

— Ответь мне, сделаешь то, что я тебе приказываю?

Ольга буквально осталась... действительно сделалась как столб, но только лежачий. Впервые она видела, чтоб в человека стреляли.

А сейчас человека уже по-настоящему собирались убить!

Но у Робина был выход: сказать, что да, исполню все до нитки. А самому ничего не выполнять, помчаться в милицию, например. Ведь ему некого было стыдиться. Он же не знал, что тут есть свидетель! А язык, как говорится, без костей.

— Ну? Сделаешь, как я велю?

Но ему было стыдно — самого себя. И Робин ответил:

— Нет!

Какое-то время дядя Петя молчал.

— Да... Молодец. Я б тебе все равно не поверили, если бы ты сказал: сделаю обязательно. У меня к тебе теперь веры нет. Жаль, щенок. Не из того ты теста оказался, не нашего! Значит, тебя остается придавить, и баста... Ну, прощай!

И этот подонок выстрелил Робин Гуду прямо в сердце.

Глава XXIII

АЙ ДА ОЛЬКА!

У нет! Не для того Ольга сидела за портьерой, вообще — следила за всей этой историей и более того — жила на свете... не для того, чтоб такой прекрасный человек, как Робин Гуд, ни с того ни с сего погиб от какой-то гадской пули. И дядя Петя во второй раз не успел нажать на спусковой крючок. Потому что из-за портьеры, причем прямо ему на голову полетела банка из-под краски. А такой дряни, как вы помните, много стояло на полках стеллажа, где пряталась Ольга.

Банка попала инвалиду в голову, куда-то над ухом. Это был, конечно, не смертельный удар, но очень весомый, потому еще, что по чьей-то безалаберности — оказавшейся теперь весьма кстати! — в банке осталось и засохло краски примерно на одну треть. Так что снаряд получился вполне увесистый!

Дядя Петя дернулся, выронил пистолет, шея его мгновенно стала словно бы веревочная, а голова тяжелая, словно мешок с мокрыми опилками, и откинулась назад, на спину. Старый бандит потерял сознание.

Робин, абсолютно не понявший, что же такое произошло, кинулся к дяде Пете. Схватил упавший на пол пистолет... Да, без дураков, это было настоящее оружие.

А тут и Ольга перед ним возникла, почти бесшумно спрыгнувшая с верхней полки. С изумлением предводитель благородных разбойников смотрел на нее. Ольга покачала головой: некогда сейчас разбираться, надо с бандитом что-то делать, пока он в таком состоянии... неподвижном.

И тут же поняла, что Робин не знает, как поступить. Он просто не очень опытен в этих дела... Надо же! Вот уж не думала, что когда-нибудь станет отдавать распоряжения такому человеку, как Робин...

— Быстро! Снимай ремень!

Как ни странно, он мгновенно подчинился.

— Руки заведи ему за спину... Только быстро.

А уж узлы-то она умела вязать. Ее когда-то этому — кстати, совсем не простому искусству — научил дядя Семен Птициани, может быть, самый талантливый клоун на Земле!

Узел получился отличный, по-настоящему морской, называется двойной якорный. Но дело не в качестве узла. Они себя чувствовали... как-

то неуверенно. А вы как думаете? Взрослого человека связать — на это надо решиться. И даже не потому, что страшно, а потому, что... ну, просто этого делать нельзя!

Они едва успели спрятать пистолет, как дядя Петя вздрогнул, пробормотал что-то, не то пропононал и открыл глаза.

Хотел потрогать ушибленную голову, а руки-то связаны! Злоба, растерянность и еще более лютая злоба мелькнули у него в глазах. Потом... Ольга просто изумилась, как отлично он собой владел. На лице его появилась... ну, такая, знаете ли, «отеческая гордость за подрастающее поколение». Сказал, задумчиво усмехнувшись:

— А ведь вы молодцы, ребятки, просто молодцы! Отличная получилась у нас тренировка! — затем он спокойно повел плечами. — Ну ладно, хорош. Давайте-ка распутайте меня. Боеевые учения окончены, мне пора!

Честное слово, Робин дернулся выполнить это приказание. Однако тут же наткнулся на Ольгин взгляд. Остановился:

— Что будем делать, Оль?

— Что с тобой, Робин Гуд? Нас собираются поссорить... Ты что, хочешь нашей ссоры?

Ох, потом Ольга сама гордилась своими словами. Сказала очень спокойно:

— Вы зря... не разоряйтесь, Петр Константинович! Разговор ваш с так называемым Вовендием записан мною на магнитофон!

О, как сразу изменилось его лицо: покраснело, побледнело. Потом на нем проступил серый потный цвет страха. Больших усилий стоило сейчас дяде Пете не заорать, не задергаться, однако он сумел и это:

— Робин! Она вбивает клинья между нами, эта гадина... Она своего братца хочет на твое место посадить!

Даже странно, из-за какой ерунды иной раз

можно разозлиться. Ольга как раз разозлилась из-за этого дутого обвинения. И сказала, довольно глупо, волнуясь:

— Да врет он! Не верь ему, Робин Гуд!

А дядя Петя, предательский, уже почуял, что Ольга дернулась, что можно на этом сыграть. Главное же — что Робин заколебался:

— Да я тебе в два счета доказательства представлю! Поехали сейчас ко мне!

— А я с магнитофоном поеду к Анжелинову отцу!

И сама поняла, что попала в точку. Серый страх еще отчаяннее расползся по его лицу. Он-то отлично понимал, что будет, если Бригадир... даже и без всякого магнитофона, а просто узнает о том, что задумал инвалид...

В упор посмотрел он на Ольгу... О, если бы сейчас силы были на его стороне!

Но сила была на стороне Ольги. Тем не менее находиться в одном помещении с этим... господином было, по правде говоря, очень нелегко.

— Пойдем отсюда, а? — и невольно Ольга взяла Робина за руку.

Они оба заметили это прикосновение. Невидимая, но очень острыя электрическая искра пробежала между их душами. Пальцы Робина нашли Ольгину пальцы...

Но прекрасное это мгновение испортил дядя Петя, обманный:

— Ты что, мальчик?! Кому поверить собрался! А она же...

— У вас тут скотч есть?

И сама вспомнила, что видела рулон скотча на стеллаже, где была ее засада... Никогда не делала этого прежде. Но сейчас — так ловко у нее все получилось: потому что действовала решительно! Оторвала кусок клейкой ленты сантиметров двадцать пять, запла к предательскому

инвалиду со спины, заклеила его кричащий всякие подлости рот.

Наступила тишина. Дядя Петя еще попробовал что-то там проорать. Но это получилось уж до того жалко, что он сразу, извините, заткнулся.

— Пойдем отсюда, а? — она посмотрела на Робина. — А... этот пускай пока тут посидит!

Взяла инвалидное кресло за спинку, задвигнула его — так что дядя Петя оказался лицом к стенке... Вот, видать, его в детстве мало в угол ставили. А зря!

— Вы же, Петр Константинович, если не будете вести себя здесь тихо, я все тому бандиту расскажу, вашему бывшему приятелю. С которым вы хотели вместе золото украсть у Жеребцовых! — она посмотрела на Робина: — А вы еще рисковали, спасали его!

Роберт прямо впился взглядом дяде Пете в затылок:

— Вот же подлец!

«А что говорил? — хотела ему напомнить Ольга. — Дядя Петя самый смелый, да дядя Петя самый благородный».

Однако не стала, конечно, ничего такого говорить. Зачем? Что это даст? Мальчишки любят кричать, давать клятвы или, наоборот, прозвища.. А потом — про это забывают, словно и не говорили ничего такого.

И тут уж ничего не поделать: они такие...

Когда они вышли на улицу, Олег спросил:

— Ну, и чего будем дальше делать?

А Ольга уж привыкла, что ей приходится придумывать хитрые планы, самой принимать важные решения. Так чаще всего бывало, когда они что-то затевали с Олежкой. Так получилось и теперь. Ольга посмотрела на предводителя благородных разбойников:

— Давай, знаешь, как сделаем...

И стала рассказывать. Робин слушал ее,

можно сказать, с огромным вниманием. Потом произнес удивленно:

— Ты знаешь, по-моему, все высший класс!

Попробуйте когда-нибудь предложить мальчишке свой план. Да он вас сорок раз перебьет, двадцать раз обсмеет и скажет, что план этот годится только для козлов! А тут сразу и, можно сказать, на «ура»! Как Ольге было не возгордиться! Однако она сумела никак не показать свое торжество, уже хотя бы потому, что все придуманное еще предстояло сделать! Они расстались с Робином, договорившись встретиться... но где и когда, пусть это пока останется для вас тайной.

Как и для Олежки, когда они встретились, который держался очень значительно. Еще бы: сам дядя Петя ему дал такое важное поручение!

— Ты чего такой? — спросила Ольга невинным голосом.

— Абсолютно ничего! — отчеканил он.

Ах, вот как? Ну хорошо же! А я еще хотела...

На самом деле Ольга ничего не могла Олежке сказать, иначе уходила из-под контроля та девочка, Анжела Брошина. Впрочем, обо всем этом потом, позже. А пока они собирались в цирк, на репетицию. Может, впервые близнецы скрывали друг от друга что-то важное. И, наверное, поэтому между ними началось то, чего никогда прежде не бывало, — соревнование: каждый хотел обыграть другого, сделать лучше. А это для циркового выступления плохо! Надо, чтобы все было совершенно слаженно и чтобы каждый точно играл свою роль. Иначе получится ерунда и даже — в некоторых случаях — ерунда, опасная для жизни.

Первой это заметила бабушка. Внимательно посмотрела на двойняшек:

— Да что это с вами?

— С нами? Ничего абсолютно.

— Ну ясно, мне все это просто приснилось, а вы совершенные панийки... Так?

И так далее и тому подобное. Бабушка, уже по-настоящему растревожившись, посмотрела на внуков своих:

— Ну-ка, живо! Вы что скрываете?!

Однако добиться ей толком ничего не удалось. И бабушка Тома лишь погрозила им пальцем:

— Смотрите у меня... Не надо с этим шутить!

А с чем именно, она и сама вряд ли сказала бы. Но тем не менее Ольга и Олег отлично ее поняли, хотя и не подали друг другу вида. Особен-но это на Ольгу подействовало. «С кем воевать-то взялась? — она подумала. — С родным Олеж-кой, которому грозит опасность!»

И дальше на репетиции у них все пошло как следует. А спектакль получился вообще один из лучших на этих гастролях. Ольга-то еще и потому старалась, что знала: в зале сидит... кое-кто. Сразу после того, как все завершилось, она побежала в фойе в условленное место:

— Привет!

И Робин улыбнулся ей в ответ.

Они пробрались через спешащую в раздевал-ку толпу. Причем Ольгу, скинувшую с себя цир-ковой наряд, никто не узнавал. Да и вообще она была уже для них просто «вчерашним сном», как выразился однажды прекрасный жонглер и, между прочим, ученик их отца Володя Кувыр-ков. А потом добавил:

— Имей в виду, Оля, слава удивительно исчезающая вещь!

А ведь это говорил Володя, которого зрители просто обожали!

Но Ольге некогда было думать об этих вещах. Ей сейчас надо было обмануть... собственного родного брата! Дело не только неприятное, но и довольно-таки трудное. Потому что уж Олежка-то, родная половинка, знал ее *наизусть*.

Глава XXIV

ПОДСТАВА!

огда дверь артистической уборной открылась и на пороге возник сам Робин Гуд, Олежка здорово удивился. Это Ольга заметила сразу и едва смогла сдержать улыбку: ничего-ничего, так тебе и надо! Сам от меня скрывал все самое интересное, вот теперь и получи расплату!

Она, вообще-то, не очень надеялась на Робина, в смысле на его артистические способности: ведь тут надо было исключительно четко сыграть. Но что же оставалось, только верить в удачу.

Однако все обошлось лучше, чем она думала. Потому что Олежка был настолько поражен появлением Робина, что уже ни о чём остальном просто не думал.

— Ты как сюда попал?!

И тут же посмотрел на Ольгу. Она, глазом не моргнув, очень спокойно ответила, что ей *позвонили*... И при этом такую физиономию состроила, что, дескать, все лишние вопросы тут совершенно не уместны! Олежка сейчас же обратил вопросительный взгляд к Робину: сестрица что-то знает о *нашем деле*?

В ответ Робин Гуд, соблюдая, насколько это возможно, естественность, сказал:

— Будь любезна, Ольга, оставь нас одних!

— Да пожалуйста!

И, состроив обиженнюю физиономию, вышла. Остановилась сразу за дверью. Но Робин — так у них было задумано — резко выглянул, укоризненно покачал головой. Ольга усмехнулась и пошла вниз по лестнице. Как будто бы просто скрывая неловкость. На самом деле она должна была встретить Робина у выхода из цирка. Тут не было никакого риска: ведь Ольга уже переоделась, а Олежке, который в принципе мог

бы за ними подследить, еще предстояло разгримировываться, принимать душ, одеваться. То есть они могли абсолютно спокойно улизнуть.

Обычно после спектакля взрослые Сильверы немного задерживались, чтобы посидеть с друзьями, опрокинуть по маленькой рюмочке и поговорить. Такова уж цирковая, вообще артистическая традиция. И близнецы по мере необходимости этим пользовались: у них всегда был в случае чего час «неучтенки».

Этим часом и решила воспользоваться Ольга. Представление окончилось в двадцать один сорок, сейчас было примерно десять вечера. Она могла вполне успеть все сделать да еще и вернуться домой совершенной паинькой.

На это же, по-видимому, рассчитывал и Олежка... Вот и замечательно!

Она подождала, когда в вестибюле появится Робин:

- Все в порядке?
- Абсолютно-совершенно! — он рассмеялся.
- Ну и помчались!

Олег же после разговора с Робин Гудом стал одеваться значительно быстрей. Дело в том, что Робин сказал довольно странные вещи: им с Анжелой теперь надо будет поехать совсем в иное место, на улицу Сокольничьи дворы... Да, была в Городе улица с таким прекрасным названием. И оно, конечно, всегда нравилось Олегу. А теперь вот — надо же — предстояло там совершить такое важное действие!

Одно только неудобство, что это было много дальше от того места, где жила Анжела, то есть ему теперь приходилось спешить, чтобы успеть к половине одиннадцатого!

Уже одевшись, Олег подумал, что надо бы предупредить Ольку: пусть она его в случае чего прикроет от родителей... А в случае чего именно? Да в случае опоздания, конечно. Он не исключал, что дело, которое ему предстояло,

могло потребовать «непредвиденных временных расходов». Так он сказал сам себе — довольно-таки витиевато. И отправился на свидание к Анжеле в весьма приподнятом настроении.

Одно только его слегка расстроило — не по-видал перед уходом сестренку. Посмотреть ей в глаза перед ответственным делом никогда не помешает. Но вот ее не было!

Зато ему попался дед Олава, который явно шел в буфет со своим закадычным дружком дядей Ваней Янцзы.

— Стоп! — весело сказал дед. — Куда это ты направляешься в таком быстром темпе?

— А можно не отвечать, дед?.. Считай, что это государственная тайна.

— Что делается, — в комическом отчаянии дед Олава развел руками. — Вот имей в виду, Ваня, маленькие внуки — маленькие неприятности, большие внуки — большие неприятности... Ольга куда-то с мальчиком усвистела, Олег, гляжу, тоже...

Так, значит, не удалось Ольге ускользнуть от любящего и всевидящего деда-олавовского ока.

А Олег подумал:

«Вот как: ушла с мальчиком... А мне ни слова!»

К обычному недовольству, которое в таких случаях появлялось у него, прибавилось еще и какое-то смутное подозрение. Но Олегу некогда было над этим задумываться. Надо спешить. Сперва поехал к Анжеле. Она жила на окраине Города, это место раньше считалось плохим и неудобным. Туда транспорт ходил в час по чайной ложке. Оно в народе называлось: «За оврагом». А жители этого райончика — «заовражниками».

Но с некоторых пор «заовражниками» стали очень крутые ребята. Они простой народ оттуда повыселили, наставили себе особняков в три этажа с глухими и высокими заборами, с охран-

никами, которые угрюмо и съто стояли у ворот, и с волкодавами, которые были еще круче самих охранников! В общем, тут стали жить или очень серьезные богатеи, или те, кто их охранял (вернее, грабил), то есть разного сорта мафиози. А кто был Анжелин папашка, мы уже знаем!

По старой памяти туда еще ходил трамвай, хотя он был в Заовражье практически не нужен. Его нынешние обитатели добирались до своих, извините, *официальных* жилищ на джипах, да на «Ауди», да на «вольвешниках», да на «меринах». Для чего и кого ходил трамвай? Да, наверно, для таких вот «случайных гостей», как Олег Серегин. И сам водитель-то был, похоже, из здешних охранников. Слишком как-то внимательно рассматривал Олега в зеркальце заднего вида. А сидел в этом трамвае Олег один-одинешенек.

Приехал — все-таки опоздал на восемь минут. Да еще и получил нахлобучку от Анжелы. Но не за то, что опоздал, а за то, что приехал на трамвае.

— Ну и какая тебе от этого печаль?..

Анжела ему не то чтобы нравилась, но — знаете, как это бывает? — могла бы понравиться. Поэтому Олег разговаривал с ней без единой резкой ноты, а скорее даже наоборот.

— Ну а чего ты, собственно, Анжел? — спросил Олег немного даже ошарашенно. — Вон же трамвай-то... готов отвезти тебя на все четыре стороны.

— Это у тебя голова готова! — ответила Анжела раздраженно. — Меня же тут все знают, усек? Это же будет смех на всю местность, что Анжелина Брошина катается на допотопном транспорте!

Сказано это было таким небрежным тоном, что Олег сразу понял: никогда у него с этой девочкой ничего не будет!

Ну и ладно, подумал он, ну и как хочешь, в

конце-то концов. Они неслись в трамвае по пустому и темному пространству. Здесь остановок не было, потому что войти могли только волки да бездомные собаки, которые, говорят, одичав, становятся хуже всяких волков. За окном, если приставить к темному стеклу ладони, были видны прекрасные апрельские звезды. И Олег думал, что в конце концов аллах с ней, с этой Анжелиной.

И невольно подумалось: насколько все-таки его сестренка лучше всех этих... которые *могли бы ей понравиться*. Даже и сравнивать не стоит, ей-богу!

Тут он снова подумал про Ольгу, про ее странное... странноватое, по крайней мере... исчезновение.

С каким-то мальчиком... Что за мальчик? Откуда он вдруг взялся? Вроде никаких мальчиков у нее тут не было!

Что-то нечисто здесь.

Однако опять он не успел додумать. Потому что трамвай уже остановился на другой стороне оврага, и Анжела пошла к выходу. Хотя еще надо было проехать три или четыре остановки и потом пересесть на автобус.

— Да не хочу я на этом дерьме ехать! — бросила Анжела.

— Как же мы поедем?

— Нормально, на такси!

Олег стремительно прикинул, сколько у него с собой денег... Вообще-то ехать было не очень далеко да и люди тут жили — в том числе таксисты — скромные в основном. Не то что в Москве, где за все дерут втридорога. В общем, должно хватить! Он решительно шагнул к краю тротуара. Но машины и не думали останавливаться. Не внушал водителям доверия парнишка в спортивной «дутой» куртке. Тогда ловить стала Анжела, и уже буквально вторая машина остановилась... Когда видят подростков, водители

всегда спрашивают, что, мол, а есть ли у тебя дежки. На этот раз спросить шофер ничего не посмел. Слишком у Анжелы вид был решительный и... еще какой-то. А какой, водитель сказать себе не сумел.

Дело в том, что Анжела отлично знала: ее *папан* вовсе не «предприниматель», как он написал в анкете, которую надо было заполнить при поступлении в ее школу. Вот это самое и светилось в ее глазах и... действовало на шофера.

Дальше все произошло довольно стремительно и совсем не так, как предполагал Олег. Они вышли из машины, двинулись к тому месту, где, по описанию Робина, им надо было ждать поддельных наркоторговцев, а на самом деле ребят дяди Пети. То есть работников ФСБ или что-то в этом роде. Олег сразу узнал пятиэтажный дом на углу. У него на крыше была башенка в виде... опрокинутой рюмки. Этот дом якобы когда-то поставил человек, который бросил пить, построил его на сэкономленные средства, чтобы сверху он напоминал каменную рюмку.

Они подошли к арке дома, и тут он увидел сэра Тобби, который с независимым видом читал газету под фонарем. Странное, конечно, занятие для мальчика двенадцати лет — стоять на пустой улице почти в половине одиннадцатого вечера и читать какой-то там «Мир новостей»... Полный бред!

Но он еще больше удивился, когда увидел тут же и сэра Гарри, который увлеченно беседовал с Маленьkim Джоном и Монахом Туком... Да что же это значит?

Однако и теперь — уже в третий раз! — Олег ни о чем не успел подумать, потому что вся эта команда рыцарей вдруг стала действовать; они мгновенно скрутили Анжелу, заклеили ей рот, повели, а скорее понесли во двор, а потом по лестнице — на второй этаж. Олега тоже связали и повели. Он не сопротивлялся, потому что был

уверен: это делается, чтобы вырвать признание у Анжелы.

Но какое теперь признание, в чем?.. Бред дурацкий! Собирались вырвать ее из когтей наркотика, а получилось... вообще непонятно что!

Они оказались в пустой квартире с обшарпанными стенами, кое-где даже с содранными обоями, а где-то обои остались яркими, словно их наклеили месяц назад. И можно было догадатьсяся, что на этих местах висели ковры или близко к ним стояло что-то из неподвижной мебели — шкафы, например, какие-нибудь. То есть стало понятно, что отсюда недавно уехали. Или, наоборот, собираются съезжать.

— Это что еще такое? — буквально заорала Анжела.

— Просто вы арестованы, — спокойно отвечал Маленький Джон, который в отсутствие Робина всем тут руководил. — А если ты будешь орать, то... ори сколько влезет, тут стенки толстые, никто не услышит. Но если ты нам надрешь, мы расскажем твоему папаше — про твои наркоигры.

Анжела глянула на рыцарей, потом на Олега и враз замолчала... видать, она боялась своего папулю. И, может быть, побольше, чем его боялись те, кого он рэкетировал.

— Короче говоря, так, — начал Маленький Джон значительно. — Вы будете освобождены через час... Собственно, когда сюда Робин Гуд прибудет.

Эти последние слова Зализняк (он же Маленький Джон) обратил прямо к Олегу... Словно бы и Олег был в плену!

Олег внимательно посмотрел на Толю, тот в ответ пожал плечами: таково, мол, распоряжение...

— Держать меня под стражей?

— Да не кипятись. Ведь всего несколько десятков минут!

Олега тоже связали и повели. Он не сопротивлялся, потому что был уверен: это делается, чтобы вырвать признание у Анжелы.

— Меня?! Да на каком основании?!

— Я, по правде, и сам точно не знаю. Робин попросил тебя...

— Попросил *меня* или попросил меня *задержать*?

— Кончай, Олег! Не кипятись. Ты же не чайник.

Тут в бой вступила Анжела Брошина. Это получилось очень кстати: Олегу надо было подумать. Рэкетирская дочка не могла долго быть тихой. Ведь она привыкла кричать и не на таких, как эти сопляки, а на настоящих бандитов!

Олег же невольно стал перебирать в памяти те фактики, которые там застряли, а теперь крутились с бешеною скоростью.

К нему пришел Робин и сказал, что будет другое место — это первое. И что им не нужны маски, так как они теперь встречаются в людном месте... Что ж, это понятно. Но только странно, что он попросил, причем довольно настойчиво, вернуть ему эти шапки с дырками... Олег еще невольно подумал: «Словно ему их надо сдать на склад по описи!»

Дальше. Сестрица Олька куда-то исчезла... «с каким-то мальчиком».

Что за мальчик? Вроде никого на горизонте последнее время не маячило! Но сейчас не в этом дело, а в том... в том, что к Олегу пришел Робин Гуд... Чем не мальчик? Олька с ним и ушла!

Теперь попробуем понять, куда?

И с ужасом или еще с чем-то похожим на ужас Олег понял, что хитромудрая сестрица пошла сама выполнить его задание... Точно — все сходится! И маски, теперь понятно, зачем Робин у него так упорно забирал!

И вот, чтобы Олег не мешал, его «арестовали»... Но это уж, извините, свинство. И он такого терпеть не намерен!

Да и этих «богатырей» стоит проучить —

чтобы знали, как в другой раз задевать честь Олега Серегина!

— Э, господа сэры, вы, быть может, меня развязите?

Но это было бы слишком уж хорошо... Слишком! Его не развязали, даже не подумали.

Это уж явно Олькин наказ: держите крепче, не то уйдет!

А я так и так уйду.

Впрочем, его «не развязывали» очень по-дружески: он же был их товарищем, сидел с ними вместе за рыцарским столом! Ладно, сейчас вы у меня очень даже поплящете... Олегу нужны были несколько минут. Но таких, чтобы никто на него не обращал внимания.

С этой задачей — хотя и невольно — отличнейшим образом справилась Анжела.

— Вы, подонки! — кричала она. — Да я знаете, что сейчас с вами сделаю! Да вас родная бабушка не узнает!.. Понятно вам это?

Рыцари, естественно, не обращали ни малейшего внимания на Анжелины вопли. В смысле не боялись ее угроз. В то же время они не могли на нее не отвлечься... Олег же в это время распутывал веревки, насколько быстро позволяли это делать его гибкие кисти. А они позволяли довольно-таки много. Кто не имеет гибких рук, тому не очень понятно, как это Олег сумел развязать узлы...

— Не слышите, что ли, козлы позорные! — кричала Анжела.

А в это время Олег окончательно освободился от веревок и резко встал:

— Извините, мальчики, мне пора идти... Анжела, ты со мной?

На секунду рыцари опешили:

— Перестань, Олег, тебя же просят как человека... А буквально через тридцать минут... Олег!

— А ну прочь с дороги! — и дальше последо-

вал отличный удар в челюсть, от которого сэр Тобби отлетел в угол на руки Монаха Тука.

Эх, когда-то, собственно, недели две назад Олег и сэр Тобби довольно «круто» начинали свое знакомство: помните, как Ольга и Олег прихватили его в лесу. Но потом началась дружба навеки, рыцарство. И вот теперь, как говорится, все «вернулось на круги своя».

И все же Олег ударили не совсем по-настоящему. Он как бы помнил, что они все друзья-рыцари. Но Женя этого уже не хотел помнить.

— Ах ты, гаденыш!

Он собирался дать Олегу ногой в живот, а потом головой в нос — была у него разучена такая комбинация. Да только, к сожалению для себя, не знал Женя Круглов, что он имеет дело с настоящим, хотя и молодым боксером, учеником профессионала: ведь дед Олава, как вы помните, был им когда-то.

Остальные рыцари смотрели на происходящее, решив не вмешиваться... насколько это возможно. Пусть эти двое побоксируют немного, а потом они их разнимут:

— Брек, пацанчики, брек!

И все — и хорошо!.. Они же понимали, что Олежка задержан не совсем справедливо и ему надо, что называется, пар выпустить.

Но получилось не так, как они хотели и думали. Прежде всего не прошла Женякина железно разученная комбинация. Олег поймал его ногу, резко поднял ее и толкнул Круглова от себя. Так что бедный сэр Тобби полетел, словно пташка, только значительно более тяжеловесно.

И, соответственно, приложился он очень и очень неслабо!

Женя лежал в углу, и вставать ему было тяжко. И тогда Монах Тук, он же, как вы, может быть, помните, Вадим Синцов, кинулся в бой, потому что Женя Круглов был его лучшим другом. А Вадим человек очень решитель-

ный. И если уж он начинал что-либо — драку в том числе, — то на полпути не останавливался. И вот Олег получил отличнейший удар снизу в челюсть, а потом еще прямой в нос.

Вернее, это Вадик предполагал, что сейчас Олег получит вышеперечисленное. На самом деле Вадимовы кулаки лишь рассекли воздух на том месте, где секунду назад была Олегова физиономия. А вот его «фейс» вполне успешно встретился с Олеговыми кулаками. Сейчас же из носа у Монаха Тука грянул красный паровоз, а под глазом стал раздуваться фингал цвета грозовой тучи. И все это буквально за полсекунды!

На какое-то мгновение рыцари опешили.

Они-то думали, что все еще продолжается дружеская разминка, лишь «с элементами ма-халовки». Но оказалось, что дело идет всерьез, оказалось, что этот Олег «шуток не понимает». Что ж, придется проучить!

Кроме двух раненых, в строю под командой Маленького Джона еще оставалось три бойца. То есть вполне достаточно, чтобы расправиться с наглецом. А потом, конечно, его скрутить. Так думал про себя Джон-Зализняк, готовясь отдать приказание: «Оружие к бою!»

Да только он ничего не успел отдать. Потому что весьма крепкая серия: «в корпус, в корпус, в голову» повергла его на пол. Дело в том, что Олег совершенно не собирался ждать, когда противник примет решение бросить к его ногам перчатку. Он сам пошел в атаку. И весьма успешно, как мы видим.

Теперь противников оставалось всего двое, а это уж для Олега было вообще не число. Он сделал вид, что атакует сэра Гарри, а сам резко шагнул к сэру Эллиоту. И вышеозначенный сэр даже не успел толком поднять руки... А дело в том, что у них, в шайке благородных разбойников, довольно-таки слабо была развита боксерская подготовка. Об этом сейчас подумал сэр

Маленький Джон, одновременно соображая, стоит ему сейчас подниматься с пола или уж — фиг с ним! — можно и остаться тут, в нокауте. Зато физиономия будет цела. Как говорится в том известном стихотворении: «Я врага бы на рога, только шкуру дорога...»

Последний из оставшихся на ногах, а это был сэр Гарри, как мы помним, довольно-таки резко рванул в другую комнату и закрыл дверь на щеколду.

— Эй, развязжи меня! — сказала Анжела. И, кстати, уже совсем другим голосом — потеплевшим, я бы сказал. Потому что ей очень понравилось, как вел себя этот пацан.

Сперва он ей не сильно нравился. Как-то не-заметно возник возле нее на подпольном рыночке, где можно купить «дозу». А ей эта «доза» была необходима, потому что Анжела шла кое-куда и кое с кем должна была встретиться. И хотела на того, кое-кого, произвести впечатление своей крутизной. Тут он и возник, этот Олег. Продал, предложил еще. Сказал, что он из цирка и привез партию товара.

Это было самое выгодное: купить, а потом горя не знать... Так она думала. Вернее, так говорили в их компании, где наркотиками, к счастью, только баловались, но разговоры-то вели... вполне профессионально!

Потом она сходила в цирк — на представление, посмотрела, как этот мальчишка валяет там дурака. Это не произвело на нее впечатления (на которое, скажем в скобках, рассчитывал Олег): так крутые ребята вести себя не должны. Да еще, главное, он ей не дал «кайфа», сколько обещался. Опять всего одну «дозу»! А она уже раззвонила в своей компании, что теперь она королева этого дела.

У них была своя особая компания «зараженной молодежи», как они себя называли. И Анжела там была «одной из самых». Но все в их

компании было довольно-таки непрочно. И поэтому ей очень важно было явиться на очередную вечеринку «с полной запазухой «кайфа», как они это называли. И вот этот циркач устроил ей облом. Правда, обещал, что если она согласится на то, чтобы встретиться послезавтра вечером... Анжела подумала, что он с ней хочет немного поаморальничать, и взяла с собой баллончик со слезоточивой гадостью. Но все обернулось... вообще как-то странно. Сперва она даже подумала, что этот Олег просто подставил ее — когда эти типы заговорили, что настучат ее отцу.

А потом оказалось, что эти вроде бы и его самого кинули. Анжела уже вообще не знала, как ей быть, куда теперь кинуться. Если б папан узнал о ее выкрутасах, тут уже не то что обещанная на весенние каникулы Италия обломилась бы, а из нее самой сделали бы такое, о чем Анжеле даже и думать-то не хотелось. Но вдруг связалась вся эта стрелка непонятая. Анжела видела только одно: этот парняга ведет себя отлично — смело и ловко. На такого вполне можно положиться в случае чего. И с ним можно прийти в любую компанию.

Кстати, в их компании «заовражников» были не такие уж классные пацаны. Только что родичи долларами набитые, но это... Среди «заовражников» почти что и не было других!

В общем, так или иначе, она оценила циркача. Теперь надо только свинтить отсюда по-быстрому — и хорош. Тогда можно и без наркотиков... В принципе-то на хрен они сдались: с ними такая сразу жизнь начинается стремная...

Все это в одну секунду провертелось у нее в мозгу. И когда она приказала: «Развяжи меня!», это уже был приказ другу. А по-другому с людьми она разговаривать не умела — только в приказном тоне.

Олег мог бы и один уйти отсюда. Даже, наверное, так лучше — удобнее. Однако женщину

бросать в беде — он такого даже в голове не держал!

И вот теперь, одним глазом страхуя лежащих рыцарей, он подскочил к Анжеле... Н-да! С развязыванием были большие сложности.

Это, конечно, не двойной якорный узел, который в совершенстве умела вязать его сестрица, однако напутано было много! А ведь времени-то в обрез. Потому что Олег отлично видел: поверженные противники его в любой момент могут подняться. И тогда... В общем, надо уходить! Однако он упорно продолжал возиться с Анжелиными узлами.

— В кармане достань... В куртке.

Он думал, нож. Оказалось, баллончик — тоже полезная в хозяйстве вещь. Олег немедленно показал ее лежащим рыцарям:

— Если кто с места тронется — прямо в физиономию, прямой наводкой!

И развязал наконец. Тут же Анжела выхватали у него из рук ядовитый баллончик:

— Быстро отвали к двери!

И когда Олег выполнил приказание, Анжела произнесла железным голосом:

— Быстро ключ... уроды! Иначе в физиономию каждому без разбора, вот из этого баллона!

Толя Зализняк сунул руку в карман... Подумал, что надо бы крикнуть сейчас:

— Вперед, рыцари! За мной! Во славу чести!

Однако, увы, он промолчал. Только и сделал «в знак протеста», что бросил, а не подал этой девчонке ключ. Анжела быстро подняла его. Тоже, как и Олег, шагнула к двери:

— Жалкие... — не стала даже подбирать слово для продолжения. — Жалкие!

Вытолкнула Олега на лестничную площадку, выскочила сама, а потом в оставшуюся дверную щель разрядила весь свой баллончик:

— Дышите на здоровье!

Захлопнула дверь, заперла его на ключ,
швырнула ключ на пол:
— Пошли отсюда!

Олег не полностью был согласен с ней. Но, в принципе, Анжела была права.

Глава XXV

ЭЙ, НА ВЫШКЕ!

льга и Робин Гуд вылезли из трамвая. Они были единственными, кто здесь вышел. Да и не мудрено. Кругом расстилалась сплошная пустыня. Так уж был построен этот странноватый город. Сперва тут воздвигли завод — были такие времена у нас в стране, когда считали, что заводы — это самое главное, а люди к ним приложатся.

И вот поставили завод... заводище. Потом уж стали разбираться с людьми. Построили несколько домов — для показухи в основном, для газет и кинохроники, остальное — самострой, «шанхай». Но оказалось, что жить ни в показанных домах, ни в том «шанхайчике» невозможно: завод химический, а роза ветров (то есть основные направления, по которым дуют ветра)... роза ветров такова, что вся химия шла на людей.

Ну и оттуда люди, ясное дело, уехали — сперва начальники разные там партийные, а за ними и простой люд. Но так получилось, что жить тут почти больше негде, как только за огромным оврагом, за болотом, заросшим диким кустарником.

А это, между прочим, был все-таки не Санкт-Петербург, где ни на какие болота не смотрели, а все засыпали и строили — назло природе. Здесь пошли по другому пути: просто провели трамвайные пути через овраг — и вся недолга,

как говорится. Трудное, конечно, дело, но все-таки лучше, чем новый завод строить или новый город.

А потом стали обживать и эту дорогу — от города до завода. Но не обжили как следует. А вот училище тут сделали — военное пехотное. В бесконечном, со многими отрогами овраге, в глухих болотах командирам одно удовольствие было проводить всякие там учения и военные игры, приближенные к условиям боя.

Вот в таком диком месте они и вышли — между прочим, на остановке «По требованию». Здесь вечер был как-то глуше, и тяжелые, неизвестно откуда набежавшие облака придушили последнее воспоминание о закате.

— Скоро? — спросила Ольга. И услышала, как изменился ее голос... от волнения, скажем так.

— Должна быть скоро, — ответил Робин. И тут Ольга услышала, что и у него голос изменился... тоже от «волнения».

А говорили они про ту самую дырку, через которую ходили самовольщики и в которую должны были залезть они сами.

Наконец увидели впереди куст типа сирени... Хотя откуда может быть сирень в таком мрачном месте?

В общем, подошли к этому кусту, пролезли внутрь. Примерзший под вечер снег хрустел громче сахара. Они посмотрели друг на друга: дескать,тише ты! А чего смотреть-то, крыльев же у них нет. Значит, приходилось ступать по этому *громкому* снегу!

Робин тронул доску, из которых состоял забор, — доска легко поддалась. Поддалась бы, наверное, и вторая. Но образовавшейся щели было вполне достаточно, чтобы проникнуть двум тоненьким теням.

— Ну, давай!

И снова голос у Робина был слишком звон-

кий, хотя он и говорил шепотом... Ольге предстояло очень трудное дело. Хотя в их операции легких дел вообще не предвиделось. И тем не менее...

Она легла на снег и тихо-тихо поползла вдоль забора. В принципе, с вышки, на которой находился Вовендиц, ее можно было заметить. Да ведь Вовендиц ждал определенного сигнала, определенного поведения. Он ждал, что к нему придут два барана, которых просто надо будет «кощануть». Вовендиц не был ни в Чечне, ни в Югославии, ни в какой-то другой «горячей точке», как это у нас называется.

А вы скажете, как же это: на территорию училища проникают посторонние лица, а часовой на вышке спит тихим сном.

Тут дело в том, что училище это было самым обычным, каких у нас в России десятки, если не сотни. Тут просто учили на младших офицеров, а в этом никаких особых секретов нет. Когда началась охота на террористов, когда всех призвали к бдительности, в училище вроде что-то шевельнулось по линии дисциплины. А потом: «Да кому мы тыщу лет нужны?» И продолжали жить по-прежнему.

Робин посидел сколько-то времени на корточках, подождал, пока Ольга уползет. А потом поднялся, нарочито громко захрустел по снегу. Потом тихо позвал:

— Эй, на вышке!

И все, отступать уже было некуда. Теперь оставалось только идти вперед, вперед, вперед!

— Кто там? — послышался голос Вовендица. — Вы не орите там! Небось не на стадион приперлись.

И в голосе его Ольге тоже слышались звеньяющие нотки волнения и... боязни — как и у Робина, как и у нее самой! Хотя, казалось бы, чего бояться. Они с Робином сто раз все обговорили, продумали. Но все равно — это ведь не по тро-

туару прогулка, а как бы по проволоке под куполом цирка. Оттуда всегда сорваться можно, будь ты хоть сто раз великий канатоходец!

Сейчас задача Робина была как можно дольше отвлекать часового и как можно больше разговаривать про наркотики — чтобы Вовендию засветился! А Ольга в это время должна подкрасться к вышке, где он находился, и записать все его слова, чтобы потом предъявить эту пленку в милиции или начальнику училища: пусть узнает, что за ученичок у него занимается!

В общем и целом, надо добыть какие-то улики против этих людей. Или на Вовендию давить при помощи этой пленки — чтобы он рассказал, что от него хотел дядя Петя, подлый человек.

И вот теперь Ольга кралась к вышке, а Робин Гуд продолжал разговаривать с Вовендием. Он, конечно, рисковал. Но ведь Вовендию же не станет с ходу стрелять. Ему ведь сначала надо связаться с КП, что, дескать, кто-то там крадется... вроде вооруженный: в темноте ведь и простую тень можно принять за ствол автомата! Потом дать предупредительный выстрел, сказать, что это так просто, что они якобы должны время от времени стрелять, давая знать, что все в порядке — ну и так далее: как они договаривались с дядей Петей.

А еще они придумали дополнительную страховку — что Робин пока один, но что его партнер явится с минуты на минуту, а Робин пока пробует немного сбить цену на «товар».

Так они и разговаривали — Робин погромче, а Вовендию старался потише.

— Слушай, это, а скоро твой... ну, в общем, второй придет.

— Да через пять-шесть секунд, — Робин засмеялся. — Откуда я знаю-то?.. Скоро придет. Ему же надо-то!

А Маленький Джон сидел в это время за забором и ждал своего часа. В смысле когда Ольга

доберется до того места, где ее не будет видеть Вовендей, а она его, наоборот, будет отлично слышать, Зализняк должен выйти на кодовое слово: «Тяжело». А определить это должен Робин, который краем глаза следил за передвижениями Ольги.

— Слушай, а как насчет того, чтобы «кайф» продать подешевле, а?

Но говорил он это таким деревяенным голосом, что просто невозможно было слушать — словно бы он совсем не заинтересован в новой цене.

А ведь он и правда не был заинтересован!

Хорошо, что Вовендей ничего этого не знал и ему тоже было глубоко наплевать на какую-то там цену. Ведь Вовендей никому и ничего не собирался продавать. Ему надо было чистенько «мочкануть» клиентов — и конец.

Вообще-то Вовендей вовсе не был профессиональным киллером, все его знакомство со смертью ограничивалось лишь той курицей, которой он года три назад сделал «секир башка». Да и то по очень большой просьбе тетки той девочки, под которую Вовендей безуспешно катал шары.

Однако в наше время столько «фильмов-инструкций» по киллерству существует на белом свете, что, как говорится, нет проблем! Тем более план был разработан очень чисто. Идея-то у дяди Пети родилась очень богатая. Это же надо: объект сам приходит к тебе на место убийства. А тебе только остается как следует прицелиться да сообщить начальству, что ты, мол, вынужден открыть огнь!

Тут наконец Робин Гуд увидел, что Ольга подобралась к вышке, теперь ей осталось сделать последний рывок по открытому пространству. И сейчас Робину особенно важно было взять огонь на себя. Но как это сделать, он не знал. И он произнес довольно-таки ненатуральным голосом:

— Слушай, а чегой-то там, на ангаре, вроде замок сбит?.. Или мне кажется?

Вовендия вообще-то не сильно интересовал этот замок: Вовендей потому что за него не отвечал. А стало быть, пились этот замок пилой. Однако из чистого любопытства он взял бинокль, стал искать замок... А ведь пользоваться биноклем не так-то просто. В общем, это потребовало сколько-то времени...

Замок, естественно, оказался на месте. Довольно сердито Вовендей положил бинокль в отведенную ему лунку.

И тут его какие-то сомнения начали гладить. Потому что как-то все было не так! Пришел один, а Петька говорил, что двое... Правда, второй должен сейчас подрулить. Но этот первый что-то... вроде маловат. Чуть ли вообще не пацан. Так и подмыпало Вовендей спросить:

— А тебе сколько годков, кореш?

Хотя что ему это дало бы? Ну, допустим, он скажет, что столько-то и столько-то. А дальше что?

Была и еще одна... загвоздка — Вовендию не нравилось, что этот малый приперся без маски. Потому что так Вовендей легко и просто мог свалить свои выстрелы на террористов: в масках же! А так — возьми бинокль и посмотри. И увидишь, что перед тобой простые пацаны.

Даже пока вообще — один пацан.

Надо мне бинокль потом внизбросить. Вон там камешки как раз. Скажу: уронил, не повезло — разволновался. Но тут он подумал, что может и неудачно уронить бинокль — совсем не повредив его. Лучше сейчас кокнуть прикладом по бинокулярам, и порядок.

Но он не ударил, как собирался. В душу закралось еще одно... подозрение, не подозрение даже, а все ж какая-то бяка. Он подумал, что тот парень, который пришел к нему якобы за наркотиками и сейчас стоял в каких-нибудь пятидеся-

ти метрах, не мог видеть замок на ангаре. Не только потому, что замок этот далеко, но и потому еще, что его закрывает стенка ангара.

Так что может значить такой странный текст? А только одно: его, Вовендию то есть, пытались отвлечь. И отвлекли, между прочим!

И ему вдруг вспомнилось... Или показалось, что он вспомнил, в общем, когда он искал в бинокль этот замок паскудный, внизу послышался вроде бы какой-то скрип не то хруст.

Да. Именно хруст. Снега! Словно бы кто-то пробежал по свежему насту.

И сейчас же казалось Вовендию, да он просто всей кожей почувствовал, что внизу, под вышкой стоит кто-то.

Он совершило автоматически передернул замок... А не спуститься ли?.. Хотя это опасно!

А быть в неведении не опасно?

Чертовщина! Петька проклятущий...

И тут вдруг пришедший парень сказал:

— Тяжело!

— Что тебе тяжело? — с недоумением и с... подозрением спросил Вовенди. Опять ему стало казаться, что он участвует в какой-то игре.

— Тяжело, что этого долго нет.

Почему-то Вовендию показалось: слово «тяжело» парень произнес с каким-то особым значением.

Однако хватит тебе дурака-то валять... вдруг из темноты показался второй парень. Он был, пожалуй, немного выше второго. Но тоже молодняк, малолетка!

Что за хрено́тень?.. А мне-то какое дело?

— Эй, пацаны, идите вон туда, к ангару. Я вам сейчас товар поднесу.

— А зачем к ангару? — спросил тот, что пришел первым.

— Да потому что на свету лучше видать, ну жели не понятно!

— А у тебя какой товар? Мы что попало покупать не будем!

— Гашиш тебя устроит? Самый крутой, из Афгана!

— А ты же обещал героин?..

— Да гашиш лучше, и вам же дешевле встанет! Выходите к свету... Я тоже тут с вами долго не могу. У меня сейчас проверка пойдет.

Мальчишки двинулись к фонарю, который висел над входом в ангар. И это уже начинался настоящий риск. А у Ольги пока особой информации не было, чтобы Вовендия запугать. И тут он заговорил — почти шепотом:

— КП?.. Это Восьмой говорит. Да, я, товарищ майор, точно. Вижу двоих, двигают к ангару. Да не могу рассмотреть. Бинокль тут уронил... Повредился он к шутам собачьим! Есть! Подаю команду остановиться. — И тут же заржал: — Стоять! В случае неповиновения стреляю!

Тут же Ольга услышала, как он щелкнул тумблером — выключил связь с КП, крикнул:

— Все нормально, пацаны, это к вам отношения не имеет, — и тут же тихо в переговорник: — Приказ не выполняют, товарищ майор! По-моему, вооружены... Отсюда плохо видно, — опять выключил связь: — Э, братаны, у вас шапочки маскировочные с собой?...

— Здесь, — ответил Робин.

— Так надевайте! А то не ровен час кто-нибудь нагрянет...

— Ладно, надеваем...

И Ольга увидела, что мальчишки действительно натягивают эти шапочки!

— Но ты нам подтверждаешь, про наркотики?

— Конечно, подтверждаю. Гашиша триста граммов... У вас денег-то хватит?

Это он спросил с неподдельным интересом. Видать, решил ограбить лохов после того, как «замочит» их.

У Ольги на самом деле уже было достаточно материала на этого типа: уже вполне понятно, что он одно начальству говорит, другое — пришедшим. Вполне его можно прищучивать! Но, к сожалению, Робин и Маленький Джон этого не знали! Они шли на риск, уже на крайний риск.

А этот гад снова включил радио:

— Вот теперь ясно вижу, товарищ майор. Они в маскировочных шапочках. Есть, понял. Делаю предупредительный выстрел! — Снова отключил радио. — Спокуха, братки. Мне пришло время по инструкции пальнуть в воздух.

И тут же раздался выстрел. Дальше уже мальчишки рисковали с такой страшной силой, что и не сказать. И Ольга крикнула им:

— Бегите! За дом!

Потому что слишком длинно было кричать: за *а́нгар*.

А потом она сказала спокойным и железным голосом. По крайней мере она так попробовала сказать:

— Если ты выстрелишь сейчас, то все узнают, кто ты есть, запомни, Вовендей! Я все записала: и как ты с начальником разговаривал, и как ты...

Но договорить она не успела... не стала договариваться, потому что по лестнице, под которой она сидела, загрохотали шаги. Это Вовендей бежал, чтобы придушить ее, вернее, чтобы сперва отнять магнитофон, а потом придушить!

И тогда она бросилась наутек. А бегала Ольга отменно!

И она бы точно убежала или спаслась бы каким-то иным образом. Но, к сожалению, это была не прогулка по тротуару, а танец на проволоке под куполом цирка. С проволоки же можно слететь, даже если ты очень и очень умелый акробат.

Тут любая случайность против тебя. Нужно, чтоб все было гладко, «как доктор прописал».

Но так почти никогда не бывает. Только на тро-туаре это не страшно. Великое дело — слегка по-скользнулся. А тут оступился — полетел в про-пасть.

Только, конечно, цирковые артисты работа-ют все-таки со страховкой, а вот Ольга-то рабо-тала без всякой страховки. Она убегала от че-ловека, который по-настоящему собирался ее убить. А потом еще убить и Робин Гуда с Ма-леньким Джоном.

Она не сорвалась в пропасть. Но ее нога вдруг попала в какую-то щель. И — все! Ни туда, ни сюда...

Еще слава богу, что не сломала. Но нога вы-лезать из капкана не хотела. Что там — в темно-те Ольга рассмотреть не могла. А это были всего лишь доски, оставленные по обычной безалабер-ности наших строителей зимовать на улице. И вот теперь Ольгина нога попала между ними.

В совершенном бессилии она повернулась, что-бы хотя бы какую-то гадость сказать своему вра-гу. Ведь все равно пощады от такого подонка, как этот Вовендей, она не ждала... И Ольга по-вернула к нему полное презрения лицо. Жаль только, в темноте это было плохо видно.

И вдруг раздалось:

— Эй, можете не трудиться! Магнитофон-то уже здесь.

Ольга буквально ушам своим не поверила: да ведь это же голос ее драгоценного брата! Неволь-но Вовендей остановился, повернул голову и... ствол своего автомата на этот голос.

— Ну, так дай его сюда! — потребовал Вовен-дэй решительно.

А что делать, пронеслось у него в голове, будем «мочить» и «мочить». Эти-то двое в ша-почках. А остальные... да ничего мне за осталь-ных не будет!

Так он решил, этот «человек с ружьем».

Однако он ничего не успел. Потому что в лоб

ему с интервалом в какие-то там сотые доли секунды врезались два стальных шарика. А это испытание — даже для самой крепкой головы — очень нешуточное.

Когда Олежка подскочил, чтобы хоть что-то сделать для спасения своей сестренки, враг Вовендей уже бездыханно лежал на тех же самых досках, которые так некстати поймали Ольгу.

Олежка сел с ней рядом и вдруг заплакал — то ли от пережитого испуга за ее жизнь, то ли из-за того, что впервые ему не удалось участвовать в спасении любимой Ольки.

Робин Гуд и Маленький Джон в это время спокойно убирали в карманы запасные шарики. Они знали, конечно, что попадут с первого раза, но, как говорится, чем черт не шутит, когда бог спит.

Глава XXVI

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

онечно, «доброго» Вовендия убили, как говорится, не насмерть. А что с ним было дальше, как, впрочем, и с поддельным инвалидом дядей Петей, об этом теперь уже можно легко догадаться. Не сомневайтесь — свое они получат!

Жалко, конечно, что Робин остался без штаба... Но, согласитесь, для того, чтобы помочь людям, вовсе не обязательно иметь этот самый штаб. Кстати, эта история заставила Робин Гуда задуматься об очень важных вещах. О чем обычные мальчишки его возраста вообще никогда не думают. Но Робин-то все-таки был не совсем обычным мальчиком...

— А вы еще когда-нибудь к нам приедете? — спросил Робин и посмотрел Ольге прямо в глаза.

Дело было на вокзале, и диктор уже объяви-

ла по радио, что до отправления их поезда остается ровно две минуты.

Ольге совсем не хотелось врать этому мальчику. Она очень хорошо понимала, что на гастроли в этот Город их цирк приедет теперь очень, очень не скоро. А может, и вообще никогда не приедет. Ведь уже через три дня они должны давать представление в далеком отсюда южном городе, в котором почти никогда не бывает снега. Потом они поедут в Астрахань, потом куда-нибудь еще... И так будет продолжаться, пожалуй, всю их жизнь. Поэтому Ольга взяла Роберта Кудинова за руку (ведь именно так по-настоящему звали Робин Гуда), притянула к себе, и в следующее мгновение ее губы коснулись его щеки.

— Заходите в вагон, хватит тут! — не слишком приветливым голосом скомандовала проводница.

И через несколько секунд поезд тронулся, оставив на перроне людей переживать свои глубокие или только кажущиеся таковыми чувства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	
СУРОВАЯ ЗИМА, СУРОВАЯ ВЕСНА	5
Глава II	
ПРОГУЛКА РОБИН ГУДА	7
Глава III	
СЕМЬЯ ЧЕРНОКОЖЕГО ГИГАНТА	13
Глава IV	
ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ	21
Глава V	
СМЕШНОЕ ВОЛШЕБСТВО	36
Глава VI	
СМЕРТЬ ДУБЛЕНКИ	42
Глава VII	
ХРУСТАЛЬНЫЕ КАБЛУКИ.....	46
Глава VIII	
КЛОПФЫ ДЛЯ ПРОСТОЛЮДИНКИ.....	54
Глава IX	
ГРУДА ЗОЛОТА	64
Глава X	
РЫЦАРИ И СУШКИ	76
Глава XI	
ГОРА СМЕРТИ	84
Глава XII	
ХОХОТ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ	95
Глава XIII	
СЛЕПАЯ.....	100
Глава XIV	
ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ ЗОЛОТО	112
Глава XV	
ЧЕЛОВЕК В ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ	119

Глава XVI НЕ ЖЕНСКОЕ ЭТО ДЕЛО	128
Глава XVII ЗАМОГИЛЬНАЯ ДРАКА С ПРОДОЛЖЕНИЕМ.....	133
Глава XVIII НУ НИЧЕГО СЕБЕ!	148
Глава XIX ИГОЛКА В ШЕЕ	154
Глава XX ПОДДЕЛЬНЫЙ ВЕТЕРАН — НАСТОЯЩИЙ УБИЙЦА!	171
Глава XXI НЕ НАДО, ТЕРПИ!	187
Глава XXII ЖУТЬ... С ПИСТОЛЕТОМ.....	195
Глава XXIII АЙ ДА ОЛЬКА!	201
Глава XXIV ПОДСТАВА!	208
Глава XXV ЭЙ, НА ВЫШКЕ!	223
Глава XXVI ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ	233

Литературно-художественное издание

Чапаева Елена Юрьевна

БЛИЗНЕЦЫ И РОБИН ГУД

Ответственный редактор *O. Рубис*

Редактор *H. Высоцкая*

Художественный редактор *M. Левыкин*

Художники *D. Лемко (переплет), P. Северцов (иллюстрации)*

Технический редактор *H. Носова*

Компьютерная верстка *O. Шувалова*

Корректор *I. Ларина*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.08.2000.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Школьная».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 18 000 экз. Зак. № 2142.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97

125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой:

Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

Магазин «Академкнига»

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Унитрон индастри». Книжная ярмарка в СК «Олимпийский». г. Москва, Олимпийский проспект, д. 16, метро «Проспект Мира».

Тел. 785-10-30. E-mail: bookclub@cityline.ru

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90
Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86
Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ГУП ОЦ МДК «Дом книги в Коптево». Тел.: 450-08-84
Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 31/1

Отпечатано в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

КОНКУРС! КОНКУРС!

Наш юный читатель!

Ты любишь детективы и приключения? Читаешь книги серии «Черный котенок», «Чародеи» и «Страшилки»?

Издательство «ЭКСМО» предоставляет тебе замечательную возможность принять участие в конкурсе «Фантазеры» и выиграть суперприз — персональный компьютер, розыгрыш которого состоится 15 декабря 2000 года.

Каждый, кто соберет 3 КУПОНА, напечатанных в книгах серии «Черный котенок», «Чародеи» и «Страшилки», примет участие в розыгрыше 1000 великолепных призов (среди которых 10 пар роликовых коньков, 20 аудиоплееров, фирменные футбольки, кружки с логотипом «ЭКСМО», книги с автографами твоих любимых авторов и многое другое). Каждому, кто присыпает комплект купонов, будет выслан каталог Книжного клуба «ЭКСМО».

Розыгрыш призов состоится 15 декабря 2000 года. Его итоги будут опубликованы в зимнем каталоге Книжного клуба. Чем больше ты присыпешь комплектов купонов (№1, №2, №3), тем больше твои шансы на СУПЕРПРИЗ.

Читай, пиши и выигрывай!

Желаем удачи!

Купон напечатан на обороте.

КУПОН № 1

Наш юный читатель!

Собери 3 купона (№1, №2, №3), напечатанных в сериях
«Черный котенок»(№1), «Страшилки»(№2), «Чародеи»(№3).

Вложи все 3 купона в конверт и отправь по адресу:
101000, Москва, а/я 333. Издательство «ЭКСМО».

С пометкой: Конкурс «Фантазеры»

Укажи свои координаты:

Фамилия _____

Имя _____

Почтовый индекс _____

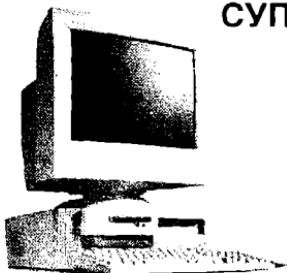
Адрес _____

Контактный телефон _____

Розыгрыш призов состоится 15 декабря 2000 года.

**Чем больше ты пришлешь комплектов
КУПОНОВ, тем больше твои шансы на
СУПЕРПРИЗ.**

Фотография победителя будет
напечатана в каталоге Книжного
клуба.

Удачи! Ждем твоих писем...

!КСЕРОКС КУПОНОВ НЕ УЧАСТВУЕТ В КОНКУРСЕ!

«МЕДВЕЖОНОК МИША»

Всем известно, что игра – лучший способ научить ребенка читать и считать. Но сколько же игр надо придумать родителям, чтобы их пяти - шестилетний малыш развивался быстро и гармонично! Вы не знаете, как решить эту головоломку, у вас мало времени и нет необходимых пособий? Не огорчайтесь! Книжная серия «Медвежонок Миша» поможет решить эту проблему. Ведь забавный Мишка-толпышка – настоящий всезнайка, он неназойливый, терпеливый и изобретательный учитель, а главное, он очень, очень умен! Покупайте эти красочные книжки для девочек и мальчиков, и вы увидите, с каким удовольствием ваш ребенок примется рисовать, отгадывать загадки, учить английский и даже осваивать компьютер... «Медвежонок Миша» – незаменимый друг каждого любознательного малыша!

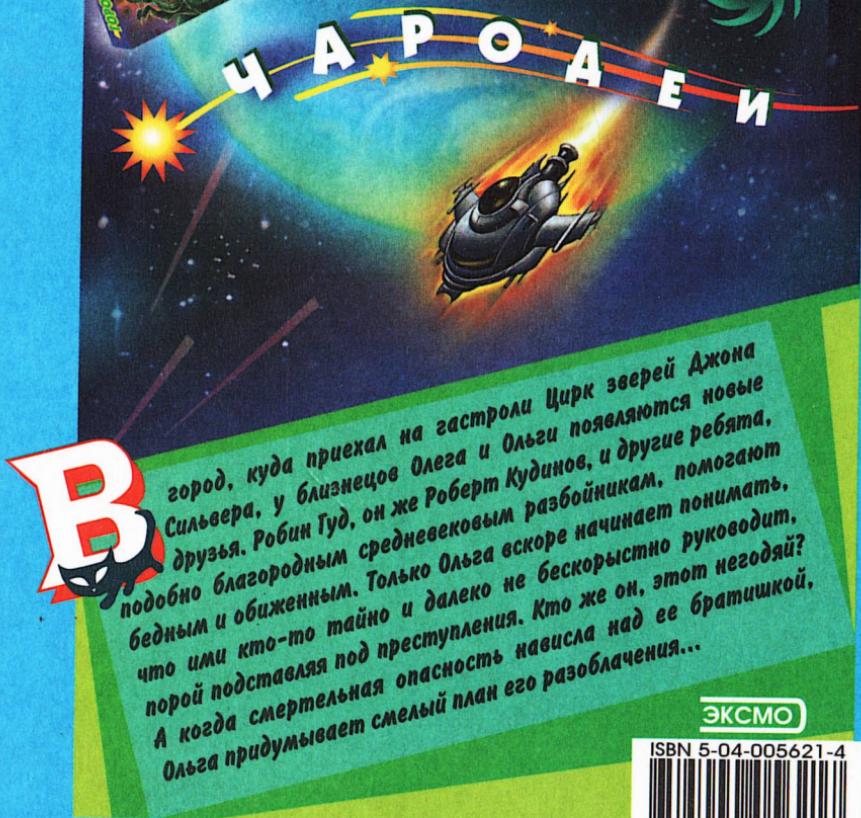
«Учимся считать»,
«Играем вместе с Мишней»,
«Готовим и печем»,
«Учимся читать»,
«Открываем мир»,
«Готовимся к школе»,
«Узнаем зверей»,
«Встречаем Новый год»,
«Учимся, играя»,
«Играем, отдыхаем, путешествуем»,
«Нарисуй, раскрась, сосчитай»,
«День, полный чудес»,
«Вместе с Мишней читаем и пишем»,
«Поем и веселимся».

Подарочное издание большого формата (60x90/8), целлофанированный переплет, цветные иллюстрации, объем 100-120 стр., шитый блок.

**Каждый друг «Черного котенка»
имеет фантастическую возможность:**

встретиться
с настоящим инопланетянином,
совершить путешествие
на планеты Дальнего Космоса,
прокатиться на машине времени,
участвовать в звездных войнах,
разгадать вечные тайны Вселенной,
пережить головокружительные
приключения
**вместе с героями книг
НОВОЙ СЕРИИ**

В город, куда приехал на гастроли Цирк зверей Джона Сильвера, у близнецов Олега и Ольги появляются новые друзья. Робин Гуд, он же Роберт Кудинов, и другие ребята, подобно благородным средневековым разбойникам, помогают бедным и обиженным. Только Ольга вскоре начинает понимать, что ими кто-то тайно и далеко не преступления. Кто же он, этот негодяй? А когда смертельная опасность нависла над ее братишкой, Ольга придумывает смелый план его разоблачения...

ЭКСМО

ISBN 5-04-005621-4

9 785040 056217 >